

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology

2' 2024

Выпуск 2 (44)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 2 (44) 2024

**ТОМСК
2024**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

- О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университета (зам. главного редактора);*
Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии, зам. главного редактора);
С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;
А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);
Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики, Университет Гамбурга (Германия);
Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);
Т. А. Гончарова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;
Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);
Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);
Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;
Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;
З. Надь, доктор антропологии, профессор Университета г. Печ (Венгрия);
Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;
В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;
Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);
М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 82719.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.
Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.
ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.
Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 15.05.2024. Дата выхода в свет: 17.05.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18,75. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1278/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.
Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 2 (44) 2024

**TOMSK
2024**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*
*N. A. Tuckkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the "Museum of Nature and Human" (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);*
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
T. A. Goncharova, candidate of historical sciences, associate professor of TSPU;
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;
M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 15.05.2024. Publication date: 17.05.2024. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1278/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: G. V. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

ЛИНГВИСТИКА

Давидюк Т. И. Свойства субъекта причастий на -(е)т в конструкциях с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-9-20 9

Ишкильдина Л. К. Дуфон [б̥а] в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-21-34 21

Кашкин Е. В. Понятие 'прямой' и его семантические связи в татышлинском говоре удмуртского языка
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-35-45 35

Тюнтешева Е. В., Озонова А. А., Кошкарёва Н. Б. Родная земля в языковой картине мира народов Сибири
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-46-57 46

Ханова А. Ф., Большина Т. А., Драгой О. В. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020)
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-58-69 58

Чертыкова М. Д. Животноводческая лексика в хакасском языке (сравнительно-сопоставительный аспект)
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-70-83 70

АНТРОПОЛОГИЯ

Бурнаков В. А. Образ «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – XX век)
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-84-93 84

Дашиева Л. Д. Культ коня в традиционной культуре бурят
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-94-102 94

Плетнева Л. М. Материальные следы погребально-поминального обряда в насыпях курганов и на погребенной почве в южной группе курганов могильника Аникин Камень 1
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-103-112 103

Султангареева Р. А., Хуббитдинова Н. А., Хусаинова Л. М., Шагапова Г. Р., Шакурова Ш. Р. Экоигрушки в башкирской культуре
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-113-123 113

Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н. Детская смертность и ее причины в среде тобольских бухарцев середины XIX века (по материалам метрических книг Комаровской мечети)
DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-124-137 124

РЕЦЕНЗИИ

Сурина А. А. People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes / V. N. Davydov St. Petersburg: MAE RAS, 2022. 316 p. 138

НАШИ АВТОРЫ 143

AUTHORS 145

CONTENTS

From the Editors	8
-------------------------------	---

LINGUISTICS

Davidyuk T. I. The Subject of Argument Clauses with the Participle -em in Tatyshly Udmurt DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-9-20	9
Ishkildina L. K. Dufon [ɔ̃] in the Karaidel Dialect of the Northwestern Dialect of the Bashkir Language DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-21-34	21
Kashkin E. V. The Concept of 'Straight' and Its Semantic Relations in Tatyshly Udmurt DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-35-45	35
Tyuntешева E. V., Ozonova A. A., Koshkarev N. B. HOMELAND in the Linguistic Image of the World in Siberian Languages DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-46-57	46
Khanova A. F., Bolgina T. A., Dragoy O. V. The Coefficient of Emotiveness of «Mother Tongue» in the Context of Measuring the Symbolic Power of Minority Languages in the Russian Federation (Based on the Russian Census Data from 2010 to 2020) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-58-69	58
Chertykova M. D. The Vocabulary Related to Livestock in the Khakass Language (Comparative-Contrastive Aspect) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-70-83	70

ANTHROPOLOGY

Burnakov V. A. The Concept of 'Horse and Human' in the Traditional Worldview of the Khakas (end of the XIX–XX century) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-84-93	84
Dashieva L. D. The Cult of the Horse in the Traditional Culture of the Buryats DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-94-102	94
Pletneva L. M. Material Evidence of Burial and Commemorative Rituals in the Burial Mounds and the Buried Soil of the Southern Burial Mound Group of the Anikin Kamen 1 Burial Ground DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-103-112	103
Sultangareeva R. A., Hubbitdinova N. A., Khusainova L. M., Shagapova G. R., Shakurova S. R. Eco Toys in Bashkir Culture DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-113-123	113
Faizullina G. Ch., Ermakova E. N. Child Mortality and Its Causes Among the Tobolsk Bukharis in the Second Half of the 19th Century (Based on Materials from Muslim Books of the Komarov Mosque) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-124-137	124

REVIEWS

Sirina A. A. People on the Move: The Use of Space by Northern Baikal Evenkis in the Context of Socio-Economic Changes / V. N. Davydov St. Petersburg: MAE RAS, 2022. 316 p.	138
--	-----

AUTHORS (in Russian)	143
-----------------------------------	-----

AUTHORS (in English)	145
-----------------------------------	-----

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.131

Т. И. Давидюк

СВОЙСТВА СУБЪЕКТА ПРИЧАСТИЙ НА *-(E)t* В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Исследуются свойства субъектов причастий на *-(e)t* (в рамках их употребления в конструкциях с сентенциальными актантами) в татышлинском говоре удмуртского языка. Материал для исследования был собран методом анкетирования в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. Одним из ключевых аспектов исследования является синтаксический статус немаркированных субъектов, входящих в состав причастной конструкции. В исследовании Е. Георгиевой такие субъекты в удмуртском и ряде других языков интерпретируются как инкорпорированные именные основы. На основании ряда свойств, которые демонстрируют немаркированные субъекты в конструкциях с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском, можно сделать вывод, что подход с инкорпорацией неприменим к собранному материалу. В частности, немаркированные субъекты способны модифицироваться прилагательными, числительными и указательными местоимениями. Также обращается внимание на связь между свойствами немаркированного субъекта и синтаксической позицией сентенциального актанта. Считается, что если сентенциальный актант занимает позицию подлежащего или прямого дополнения, то его немаркированный субъект остается беспадежным и представляет собой малую именную группу; в остальных случаях немаркированный субъект сентенциального актанта является полной именной группой и имеет падеж – номинатив. Во-первых, если сентенциальный актант занимает позицию подлежащего или прямого дополнения, то в нем в качестве немаркированных субъектов не могут выступать личные местоимения, имена собственные и одушевленные существительные, обозначающие людей; однако подобное для других сентенциальных актантов разрешается. Во-вторых, при сентенциальных актантах, не занимающих позицию подлежащего или прямого дополнения, немаркированный субъект способен присоединять именную морфологию. В-третьих, немаркированные субъекты при сентенциальных актантах, занимающих позицию подлежащего или прямого дополнения, ограничены в возможности отделяться от причастия, в отличие от немаркированных субъектов в других сентенциальных актантах.

Ключевые слова: *сентенциальный актант, немаркированный субъект, удмуртский язык, татышлинский говор, малая именная группа*

Введение

Во многих финно-угорских и алтайских языках [1–3] фиксируется дифференцированное падежное маркирование субъекта в нефинитных клаузах. Татышлинский говор удмуртского языка, распространенный в Татышлинском районе Республики Башкортостан¹, не является исключением: как иллюстрируют примеры (1)–(2), в клаузах с причастием на *-(e)t* в конструкциях с сентенциальными актантами (КСА) субъект может иметь как генитивную, так и немаркированную форму.

(1)	a.	<i>vas'a</i>	<i>kâl-e</i>	<i>pûnă</i>	<i>ût-em-ez.</i> ²
		Вася	слышать-PRS.3SG	собака	лаять-PTCP.PST-ACC

¹ Материал для настоящего исследования был собран нами в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2022–2023 гг. Подробная информация о проекте по исследованию татышлинского говора удмуртского языка доступна на сайте: <http://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>. Благодарю носителей татышлинского говора удмуртского языка, которые со мной работали, и Е. В. Кашкина за обсуждение материала.

² Обычно финитный глагол занимает последнюю позицию в предложении, тем не менее для современного удмуртского языка такой порядок слов не является строгим. В данном материале имеются предложения как с порядком SVO, так и с порядком SOV, поэтому, как представляется, порядок слов не является значимым фактором, влияющим на маркирование субъекта СА.

b.	<i>vas'a</i>	<i>kâl-e</i>	<i>pûnă-les'</i>	<i>ût-em-ze</i> ³ .
	Вася	слышать-PRS.3SG	собака-GEN2 ⁴	лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
	‘Вася слышит, что собака лает’.			

В данной работе рассматривается синтаксический статус немаркированных субъектов и показывается, что их нельзя считать инкорпорированными именными группами, как это сделано в работе Е. Георгиевой [5] на удмуртском материале. Мы считаем, что немаркированные субъекты в татышлинском удмуртском в одних случаях представляют собой малые именные группы без падежа, а в других – полные номинативные именные группы; синтаксический статус немаркированных субъектов зависит от позиции СА. Во втором разделе подробно рассматриваются свойства немаркированных субъектов. Третий раздел посвящен обсуждению собранного материала, а четвертый раздел завершает статью.

1. Свойства немаркированных субъектов в КСА

В работе Е. Георгиевой [5] рассматриваются следующие свойства немаркированных субъектов в нескольких финно-угорских языках (удмуртском, коми-зырянском и луговом марийском):

- какой именной группой может быть выражен немаркированный субъект;
- способность немаркированного субъекта присоединять именную морфологию и частицы;
- возможность модификации немаркированного субъекта;
- способность немаркированного субъекта отделяться от причастия;
- возможность анафорической отсылки к немаркированному субъекту.

Результаты исследования, проведенного Е. Георгиевой, показывают, что немаркированные субъекты в удмуртском языке выражаются только неодушевленными существительными, не могут присоединять именную морфологию и частицы, модифицироваться прилагательными и быть отделенными от причастия; кроме того, они не проходят тест на анафору. На основании перечисленных результатов исследовательница делает вывод о том, что немаркированные субъекты в удмуртском представляют собой инкорпорированные именные основы и составляют часть компаундов. Данные татышлинского говора удмуртского языка, которые будут представлены ниже, демонстрируют другие результаты перечисленных диагностик⁵, тем самым создавая препятствия для анализа немаркированных субъектов как инкорпорированных именных основ.

1.1. Типы субъектов

Предполагая, что иерархия одушевленности [6] может влиять на маркирование субъекта причастной клаузы в КСА, в качестве потенциальных немаркированных субъектов были рассмотрены следующие именные группы: личные местоимения 1–2-го лица, имена собственные,

³ В татышлинском удмуртском посессивное маркирование в причастных КСА в целом следует правилам посессивного согласования в послеложной группе: посессивное согласование с генитивным компонентом 2–3 лица обязательно, посессивное согласование с немаркированными компонентами 3-го лица невозможно, посессивное согласование с немаркированным компонентом 2-го лица необязательно, согласование с любым компонентом 1-го лица опционально [4].

⁴ В удмуртском языке, когда именная группа занимает позицию прямого объекта, падеж ее посессора меняется с обычного генитива с показателем *-len* на показатель *-les'*, который мы будем называть «вторым генитивом» (для данного падежного показателя распространен также ярлык «аблатив») и глоссировать как GEN2 в связи с этой его особенностью.

⁵ Тест на анафору и способность присоединять частицы в данной статье не рассматриваются, так как по этим диагностикам собрано недостаточно данных.

одушевленные существительные, относящиеся к людям, прочие одушевленные и неодушевленные существительные. Было выявлено, что выбор маркирования субъекта зависит не только от семантического класса именной группы, но и от падежного оформления СА: при СА, выполняющих роль подлежащего или прямого дополнения, личные местоимения 1–2-го лица, имена собственные и одушевленные существительные, обозначающие людей, не могут быть немаркированными:

- (2) a. *Tamara-lâ kel'š-e t̃nad kârž'a-m-ed.*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG ты.GEN петть-PTCP.PST-POSS.2SG
 b. **Tamara-lâ kel'š-e ton kârž'a-m(-ed).*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG ты петть-PTCP.PST-POSS.2SG
 'Тамаре нравится, что ты поешь'.
- (3) a. *Tamara-lâ kel'š-e Vas'a-len kârž'a-m-ez.*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG Вася.GEN петть-PTCP.PST-POSS.3SG
 b. **Tamara-lâ kel'š-e Vas'a kârž'a-m(-ez).*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG Вася петть-PTCP.PST-POSS.3SG
 'Тамаре нравится, что Вася поет'.
- (4) a. *Vas'a tod-e m̃n-es't-â-m košk-em-me.*
 Вася знать-PRS.3SG я.GEN2-POSS.1SG уйти-PTCP.PST-ACC.POSS.1SG
 b. *??Vas'a tod-e mon košk-em-me / košk-em-ez.*
 Вася знать-PRS.3SG я уйти-PTCP.PST-ACC.POSS.1SG уйти-PTCP.PST-ACC
 'Вася знает, что я уехал'.
- (5) a. *Ruslan kâl-e nâl-les' kârž'a-m-ze.*
 Руслан слышать-PRS.3SG девочка.GEN2 петть-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. *??Ruslan kâl-e nâl kârž'a-m-ze / kârž'a-m-ez.*
 Руслан слышать-PRS.3SG девочка петть-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG петть-PTCP.PST-ACC
 'Руслан слышит, что девочка поет'.

Для остальных СА в целом отсутствуют подобные ограничения, хотя предложения с немаркированными субъектами, выраженными личными местоимениями 1–2-го лица, именами собственными и одушевленными существительными, имеют несколько сниженную приемлемость по сравнению с генитивным оформлением субъектов:

- (6) *??Ruslan âšan-e anaj bert-em-lâ.*
 Руслан верить-PRS.3SG мать возвращаться-PTCP.PST-DAT
 'Руслан верит, что мать вернется'.
- (7) *??Tamara mon košk-em-e-les' kâška-Ø.*
 Тамара я уйти-PTCP.PST-POSS.1SG-GEN2 бояться-PRS.3SG
 'Тамара боится, что я уеду'.
- (8) *??mon Maša-jen veras'k-is'ko-ø Vas'a košk-em s'aris'.*
 я Маша-INS разговаривать-PRS-1SG Вася уйти-PTCP.PST об
 'Я разговариваю с Машей о том, что Вася уезжает'.

Одушевленные существительные, не связанные с обозначением людей, а также неодушевленные существительные могут выступать в роли немаркированных субъектов во всех рассмотренных СА:

- (9) *Tamara-lâ pûnă ût-em ug kel'šâ.*
 Тамара-DAT собака лаять-PTCP.PST NEG.PRS.3 нравится
 'Тамаре не нравится, что собака лает'.
- (10) *Ruslan adž'-i-z karandaš us'-em-ez.*
 Руслан видеть-PST-3SG карандаш падать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видел, что карандаш упал'.
- (11) *Ruslan kâška-ø pûnă kurtč'-em-les'.*
 Руслан бояться-PRS.3SG собака кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится того, что собака укусит'.

Информация о способах оформления различных типов субъектов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Стратегии оформления субъектов в КСА в татышлинском удмуртском

Оформление СА	Маркирование субъекта	Личные местоимения 1–2-го лица	Имена собственные	Одушевленные существительные (люди)	Одушевленные существительные	Неодушевленные существительные
NOM	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	*	*	*	ok	ok
ACC	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	??	??	??	ok	ok
DAT	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	?	?	?	ok	ok
GEN2	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	?	?	?	ok	ok
<i>s'aris</i> 'об'	генитив	ok	ok	ok	ok	ok
	немарк.	?	?	?	ok	ok

Еще одним отличием номинативных и аккумулятивных СА является то, что в них в качестве немаркированных субъектов невозможны посессивные именные группы (12b)–(13b). Для такой именной группы возможно только генитивное оформление (12a)–(13a). Тем не менее в других СА посессивная именная группа может быть немаркированным субъектом (14)–(16).

- (12) a. *mânâm ug kel'šâ kôrăš-len*
 я.DAT NEG.PRS.3 нравится сосед-GEN
pûni-jez-len ût-em-ez.
 собака-POSS.3SG-GEN лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
- b. **mânâm ug kel'šâ kôrăš-len pûni-jez*
 я.DAT NEG.PRS.3 нравится сосед-GEN собака-POSS.3SG
ût-em(-ez).
 лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
 'Мне не нравится, что собака соседа лает'.

- (13) a. *mon kâl-is'ko-ø kôrăš-len pûni-jez-les'*
я слышать-PRS-1SG сосед-GEN собака-POSS.3SG-GEN2
ût-em-ze.
лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
- b. **mon kâl-is'ko-ø kôrăš-len pûni-jez*
я слышать-PRS-1SG сосед-GEN собака-POSS.3SG
ût-em-ez / ût-em-ze.
лаять-PTCP.PST-ACC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
'Я слышу, что собака соседа лает'.
- (14) *mon kâška-s'ko-ø kôrăš-len pûni-jez ût-em-les'*
я бояться-PRS-1SG сосед-GEN собака-POSS.3SG лаять-PTCP.PST-GEN2
'Я боюсь того, что собака соседа лает'.
- (15) *Ruslan âšan-e Tamara-len anaj-ez bert-em-lâ.*
Руслан верить-PRS.3SG Тамара-GEN мать-POSS.3SG возвращаться-PTCP.PST-DAT
'Руслан верит, что мать Тамары вернется'.
- (16) *mon Vas'a-jen veras'k-is'ko-ø urom-len*
я Вася-INS разговаривать-PRS-1SG друг-GEN
pûni-jez ût-em s'aris'.
собака-POSS.3SG лаять-PTCP.PST об
'Я разговариваю с Васей о том, что собака друга лает'.

Таким образом, в отличие от данных Е. Георгиевой [5], татышлинские данные демонстрируют больше возможностей для способов выражения немаркированного субъекта. Также была выявлена зависимость между оформлением сентенциального актанта и маркированием его субъекта, которая, насколько известно, ранее не отмечалась для удмуртских идиомов.

1.2. Именная морфология

Рассмотрим немаркированные субъекты на предмет их способности присоединять показатели числа и посессивности. Здесь также СА, занимающие позицию подлежащего и прямого дополнения, обособляются от остальных СА: их немаркированные субъекты не могут принимать на себя показатели числа и посессивности:

- (15) a. *Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-jos-len ût-em-zâ.*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-PL-GEN лаять-PTCP.PST-POSS.3PL
- b. **Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-jos ût-em(-zâ).*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-PL лаять-PTCP.PST-POSS.3PL
'Тамаре не нравится, что собаки лают'.
- (16) a. *Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-je-len*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-POSS.1SG-GEN
ût-em-ez.
лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
- b. **Tamara-lâ ug kel'sâ pûni-je*
Тамара-DAT NEG.PRS.3 нравиться собака-POSS.1SG
ût-em(-ez).
лаять-PTCP.PST-POSS.3SG
'Тамаре не нравится, что моя собака лает'.

- (17) a. *Vas'a tod-e pùni-jos-les' ùt-em-ze.*
 Вася знать-PRS.3SG собака-PL-GEN2 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **Vas'a tod-e pùni-jos ùt-em-ez /*
 Вася знать-PRS.3SG собака-PL лаять-PTCP.PST-ACC
ùt-em-ze.
 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 'Вася знает, что собаки лают'.
- (18) a. *Vas'a kâl-e pùni-je-les' ùt-em-ze.*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-POSS.1SG-GEN2 лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **Vas'a kâl-e pùni-je*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-POSS.1SG
ùt-em-ez / ùt-em-ze.
 лаять-PTCP.PST-ACC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 'Вася слышит, что моя собака лает'.

Немаркированные субъекты в остальных СА присоединяют именные показатели, однако предложения с немаркированными субъектами, имеющими показатель посессивности, оцениваются чуть ниже по сравнению с немаркированными субъектами с числовым показателем:

- (19) *Ol'a âšan-e koč'âš-jos ùt-em-lâ.*
 Оля верить-PRS.3SG кот-PL лаять-PTCP.PST-DAT
 'Оля верит, что кошки лают'.
- (20) *Ol'a kâška-ø pùni-jos ùt-em-les'.*
 Оля бояться-PRS.3SG собака-PL лаять-PTCP.PST-GEN2
 'Оля боится того, что собаки лают'.
- (21) *?Ol'a kâška-ø pùni-je ùt-em-les'.*
 Оля бояться-PRS.3SG собака-POSS.1SG лаять-PTCP.PST-GEN2
 'Оля боится того, что моя собака лает'.
- (22) *?mon veras'k-is'ko-ø Vas'a-jen pùni-je*
 я разговаривать-PRS-1SG Вася-INS собака-POSS.1SG
ùt-em s'aris'.
 лаять-PTCP.PST об
 'Я разговариваю с Васей о том, что моя собака лает'.

Следовательно, можно заключить, что некоторые типы немаркированных субъектов в татышлинском удмуртском могут присоединять именную морфологию, что противоречит результатам, полученным в работе Е. Георгиевой [5].

1.3. Модификация

Во время работы над исследованием была проверена модификация немаркированных субъектов прилагательным, числительным и указательным местоимением. Выяснилось, что все немаркированные субъекты, независимо от СА, могут подвергаться такой модификации. Ниже приведены примеры модификации немаркированных субъектов в аккузативных СА (23)–(25) и других типах СА (26)–(27).

- (23) *Vas'a kâl-e peres' pînă üt-em-ez.*
 Вася слышать-PRS.3SG старый собака лаять-PTCP.PST-ACC
 'Вася слышит, что старая собака лает'.
- (24) *Vas'a adž'-i-z vit' karandaš uis'-em-ez.*
 Вася видеть-PST-3SG пять карандаш падать-PTCP.PST-ACC
 'Вася видит, что пять карандашей упало'.
- (25) *Ruslan adž'-i-z ta karandaš uis'-em-ez.*
 Руслан видеть-PST-3SG этот карандаш падать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видел, что этот карандаш упал'.
- (26) *Vas'a kâška-ø ta pînă üt-em-les'.*
 Вася бояться-PRS.3SG этот собака лаять-PTCP.PST-GEN2
 'Вася боится, что эта собака лает'.
- (27) *Vas'a âšan-e vit' karandaš uis'-em-lâ.*
 Вася верить-PRS.3SG пять карандаш падать-PTCP.PST-DAT
 'Вася верит, что пять карандашей упало'.

Результаты исследования относительно модификации немаркированных субъектов значительно отличаются от данных, представленных в работе Е. Георгиевой [5].

1.4. Отделимость

В плане отделимости номинативные и аккузативные СА снова отличаются от других СА: их немаркированные субъекты обладают крайне ограниченной отделимостью. Немаркированные субъекты таких СА могут (но не во всех идиолектах) быть отделены прямым дополнением, выраженным существительным (28). Также бо́льшая половина опрошенных носителей позволяет отделение немаркированного субъекта рефлексивным местоимением (29). Отделимость немаркированного субъекта прямыми дополнениями, выраженными личными местоимениями и именами собственными, затруднительна для большинства носителей; в этом случае предпочтительна генитивная стратегия оформления субъекта (30)–(31).

- (28) *ʔmon adž'-i-z pînă lâ / li-jez ž'ârj-em-ez.*
 я видеть-PST-3SG собака кость кость-ACC грызть-PTCP.PST-ACC
 'Я видел, что собака грызет кость'.
- (29) *ʔRuslan adž'-e pînă as-se n'ul-em-ez.*
 Руслан видеть-PRS.3SG собака REFL-ACC.POSS.3SG лизать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видит, что собака вылизывает себя'.
- (30) a. *Ruslan adž'-e pînă-les' mon-e n'ul-em-ze.*
 Руслан видеть-PRS.3SG собака-GEN2 я-ACC лизать-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 'Руслан видит, что собака вылизывает меня'.
- b. *ʔʔRuslan adž'-e pînă mon-e n'ul-em-ez.*
 Руслан видеть-PRS.3SG собака-GEN2 я-ACC лизать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видит, что собака вылизывает меня'.
- (31) a. *mon adž'-i-ø pînă-les' Tamara-jez kurtč'-em-ze.*
 я видеть-PST-1SG собака-GEN2 Тамара-ACC кусать-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG

- b. ^{??}*mon* *adž'-i-ø* *pünä* ***Tamara-jez*** *kurtč'-em-ez.*
 я видеть-PRS-1SG собака Тамара-ACC кусать-PTCP.PST-ACC
 'Я видел, что собака укусила Тамару'.

Отделение немаркированных субъектов в номинативных и аккузативных СА непрямыми дополнениями, а также обстоятельствами в виде локативных выражений и наречий невозможно:

- (32) a. *mon* *tod-is'ko-ø* *koč'âš-les'* ***pünä-les'*** *kâška-m-ze.*
 я знать-PRS-1SG кот-GEN2 собака-GEN2 бояться-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **mon* *tod-is'ko-ø* *koč'âš* ***pünä-les'*** *kâška-m-ez.*
 я знать-PRS-1SG кот собака-GEN2 бояться-PTCP.PST-ACC
 'Я знаю, что кошка боится собаки'.
- (33) a. *Vas'a* *kâl-e* *pünä-les'* ***azbar-ân*** *üt-em-ze.*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-GEN2 двор-LOC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **Vas'a* *kâl-e* *pünä* ***azbar-ân*** *üt-em-ez.*
 Вася слышать-PRS.3SG собака двор-LOC лаять-PTCP.PST-ACC
 'Вася слышит, что собака во дворе лает'.
- (34) a. *mon* *tod-is'ko-ø* *pünä-les'* ***ättä*** *üt-em-ze.*
 я знать-PRS-1SG собака-GEN2 часто лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 b. **mon* *tod-is'ko-ø* *pünä* ***ättä*** *üt-em-ez.*
 я знать-PRS-1SG собака часто лаять-PTCP.PST-ACC
 'Я знаю, что собака часто лает'.

Немаркированные субъекты в остальных СА обладают достаточно хорошей делимостью. В предложениях (35)–(36) показана возможность отделения немаркированных субъектов прямыми дополнениями, выраженными личным местоимением и именем собственным. Отделение немаркированных субъектов локативными выражениями и наречиями также возможно для большинства носителей (37)–(38).

- (35) *Ruslan* *kâška-ø* *pünä* ***mon-e*** *kurtč'-em-les'.*
 Руслан бояться-PRS.3SG собака я-ACC кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится, что собака укусит меня'.
- (36) *mon* *âšan-is'ko-ø* *pünä* ***Tamara-jez*** *kurtč'-em-lâ.*
 я верить-PRS-1SG собака Тамара-ACC кусать-PTCP.PST-DAT
 'Я верю, что собака укусила Тамару'.
- (37) [?]*mon* *âšan-is'ko-ø* *Ruslan* ***Kazan'-ân*** *ül-em-lâ.*
 я верить-PRS-1SG Руслан Казань-LOC жить-PTCP.PST-DAT
 'Я верю, что Руслан живет в Казани'.
- (38) [?]*Ruslan* *kâška-ø* *pünä* ***ättä*** *kurtč'-em-les'.*
 Руслан бояться-PRS.3SG собака часто кусать-PTCP.PST-GEN2
 'Руслан боится, что собака часто кусается'.

Таким образом, по параметру делимости полученные результаты не совпадают с результатами Е. Георгиевой. Исследовательница указывает на то, что немаркированные субъек-

ты никак не способны отделяться от причастия, тогда как материалы, собранные автором настоящей статьи, демонстрируют то, что даже немаркированные субъекты в номинативных и аккумулятивных СА способны отделяться некоторыми элементами.

2. Обсуждение

Сравнение результатов, полученных для татышлинского удмуртского, и данных Е. Георгиевой приведено в табл. 2.

Таблица 2

Свойства немаркированных субъектов: сравнение данных Е. Георгиевой [5] и данных, полученных для татышлинского удмуртского

Свойство	Результаты Е. Георгиевой [5]	Данные татышлинского удмуртского
Тип субъекта	Немаркированными субъектами могут быть только неодушевленные существительные	Немаркированные субъекты могут быть выражены разными именными группами, в том числе личными местоимениями (см. табл. 1)
Именная морфология	Именная морфология невозможна на немаркированных субъектах	Именная морфология возможна у некоторых немаркированных субъектов (в СА, не занимающих позицию подлежащего и прямого дополнения)
Модификация	Немаркированный субъект нельзя ничем модифицировать	Немаркированные субъекты возможно модифицировать прилагательным, числительным и указательным местоимением
Отделимость	Немаркированный субъект не может быть отделен от причастия	Немаркированный субъект может быть отделен от причастия некоторыми прямыми объектами, а в случае немаркированных субъектов в СА, не занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, возможна отделимость и обстоятельствами

Как видно из табл. 2, полученные данные во многом расходятся с результатами Е. Георгиевой. Возможно, здесь сыграли роль диалектные различия между удмуртскими идиомами. Исследовательница явно не указывает, с носителями каких диалектов она работала, однако по косвенным признакам можно заключить, что работа велась с носителями, проживающими в Республике Удмуртия, тогда как материалы, представленные в настоящей статье, получены от носителей удмуртского языка, проживающих в Республике Башкортостан. Поэтому можно предположить, что морфологические и синтаксические свойства немаркированных субъектов зависят от диалектных различий между удмуртскими идиомами.

Е. Георгиева на основании полученных ею данных анализирует немаркированные субъекты как инкорпорированные именные основы. Однако татышлинские данные не поддерживают эту точку зрения. Во-первых, немаркированные субъекты могут быть модифицированы прилагательными, числительными и указательными местоимениями. Во-вторых, некоторые немаркированные субъекты могут быть оформлены именной морфологией. В-третьих, немаркированные субъекты могут быть отделены от причастия некоторыми лексическими единицами.

Нельзя не отметить, что в татышлинском удмуртском свойства немаркированных субъектов зависят от синтаксической позиции СА. В этом плане немаркированные субъекты распадаются на две группы: те, которые употребляются в СА, занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, и все остальные. Свойства немаркированных субъектов первого типа крайне ограничены: они не могут быть выражены личными местоимениями, именами собственными и одушевленными существительными, обозначающими людей, не способны присоединять именную морфологию и обладают слабой делимостью (могут быть отделены только некоторыми прямыми дополнениями). Другие немаркированные субъекты не демонстрируют подобных ограничений – так, они присоединяют именную морфологию и достаточно хорошо отделяются от причастия. Эти различия позволяют заключить, что немаркированные субъекты СА, не занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, можно считать номинативными субъектами. Однако немаркированные субъекты СА, занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, обладают явно иным синтаксическим статусом. Мы полагаем, что они представляют собой беспадежные малые именные группы (англ. *small nominals*) [7]. Такие именные группы не нуждаются в получении падежа, в отличие от полных именных групп. Именно поэтому немаркированные субъекты в СА, занимающих позиции подлежащего и прямого объекта, не могут быть выражены, в частности, личными местоимениями, которые являются полными именными группами, требующими падежа [8]. Что касается именной морфологии, то сравнение с другими беспадежными именными структурами, а именно с неоформленным прямым дополнением, которое может быть маркировано показателем числа в татышлинском удмуртском [9], показывает, что немаркированные субъекты в СА, занимающих позиции подлежащего и прямого дополнения, по-видимому, являются именными группами размера не больше NP. Крайняя ограниченность дистантного расположения по отношению к причастию может объясняться процессом псевдоинкорпорации, которая применялась для анализа немаркированных субъектов нефинитной предикации в некоторых тюркских языках [10, 11]. Некоторую трудность для применения анализа с псевдоинкорпорацией составляет тот факт, что немаркированные субъекты в СА, занимающих позиции подлежащего или прямого дополнения, могут быть отделены от причастия некоторыми прямыми дополнениями. Тем не менее аналогичная проблема встречается и в некоторых других языках, к анализу материала которых применяется подход с псевдоинкорпорацией [12].

Заключение

Таким образом, были рассмотрены свойства немаркированных субъектов в КСА в татышлинском удмуртском. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что анализ немаркированных субъектов в удмуртском как инкорпорированных именных основ, предложенный Е. Георгиевой [5], неприменим к материалу татышлинского удмуртского. Было обнаружено, что СА можно разделить на два класса в зависимости от свойств их немаркированных субъектов: СА, занимающие позиции подлежащего и прямого дополнения, и остальные СА. Немаркированные субъекты в СА первого типа предлагается считать беспадежными малыми именными группами: они не могут быть выражены личными местоимениями (и некоторыми другими именными группами) и не присоединяют именную морфологию. Немаркированные субъекты в СА второго типа представляют собой номинативные именные группы.

Условные обозначения

ACC – аккумулятив, DAT – датив, GEN – генитив, GEN2 – «второй» генитив, INS – инструмен-
тalis, LOC – локатив, NEG – отрицание, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRS –
настоящее время, PST – прошедшее время, PTCP – причастие, REFL – рефлексив, SG – единст-
венное число, 1, 2, 3 – лицо.

Список источников:

1. Kornfilt J. Subject Case in Turkish Nominalized Clauses // Syntactic Structures and Morphological Information / eds. U. Junghanns, L. Szucsich. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 129–215.
2. Сердобольская Н. В. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // Исследования по глагольной деривации: сб. ст. / ред. В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 314–347.
3. Bondarenko T. Subject marking and scrambling effects in Balkar nominalizations // Proceedings of the First Workshop on Turkish, Turkic, and the languages of Turkey (tu+1) / eds. I. F. Akkuş, İ. K. Bayırlı, D. Özyıldız. Graduate Linguistics Student Association, University of Massachusetts, 2018. P. 27–42.
4. Бызова А. А., Давидюк Т. И. Морфосинтаксические свойства именной и послеложной групп в татышлинском говоре удмуртского языка // XVIII Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 25–27 ноября 2021 г.).
5. Georgieva E. The case marking of subjects in Udmurt, Komi Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses // Nyelvtudományi Közlemények. 2016. Vol. 112. P. 77–107.
6. Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // Grammatical Categories in Australian Languages / ed. R. M. W. Dixon. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.
7. Pereltsvaig A. Small Nominals // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. Vol. 24(2). P. 433–500.
8. Déchaine R. M., Wiltschko M. Decomposing pronouns // Linguistic Inquiry. 2002. Vol. 33(3). P. 409–442.
9. Крюкова А. И. Дифференцированное маркирование объекта в татышлинском удмуртском. Экспедиционный отчет. Рукопись, 2023.
10. Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish // Differential Subject Marking / eds. H. de Hoop, P. de Swart. Dordrecht: Springer, 2009. P. 79–111.
11. Ótót-Kovács E. Differential Subject Marking in Kazakh // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2022. Vol. 28(1). P. 146–155.
12. Arkadiev P. M., Testeleys Ya. G. Differential nominal marking in Circassian // Studies in Language. 2019. Vol. 43(3). P. 715–751.

Давидюк Татьяна Игоревна.
Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.

Аспирант.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, стр. 51, Филологический факультет, Москва, 119991.

Программист.

Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ул. Колмогорова, 1, стр. 4, Лаборатория автоматизированных лексикографических систем, 119234.

E-mail: rachekit@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 27 октября 2023 г.

T. I. Davidyuk

THE SUBJECT OF ARGUMENT CLAUSES WITH THE PARTICIPLE -EM IN TATYSHLY UDMURT

This article presents a study of subjects in participle -(e)m constructions (in the context of their use as sentential arguments) in the Tatyshly dialect of the Udmurt language. The research material was collected during linguistic expeditions of the Department of Theoretical and Applied Linguistics (Lomonosov MSU) in the Tatyshly

region of the Republic of Bashkortostan in 2022–2023. One of the main aspects of this research is the syntactic status of unmarked subjects. In E. Georgieva's research, such subjects in Udmurt and other languages are interpreted as incorporated nominal stems. Based on a number of features exhibited by unmarked subjects in argument participial constructions in Tatyshly Udmurt, I conclude that the incorporation approach does not apply to my data. In particular, unmarked subjects can be modified by adjectives, numerals, and demonstratives.

Furthermore, the article emphasizes the correlation between the properties of unmarked subjects and the syntactic position of the sentential argument. I suggest that when the sentential argument occupies the subject or direct object position, its unmarked subject remains caseless and represents a small nominal. In other cases, the unmarked subject of the sentential argument is a complete noun phrase and is in the nominative case. First, when the sentential argument takes the subject or direct object positions, personal pronouns, proper nouns, and animate nouns denoting people cannot be unmarked subjects; however, this is allowed for other sentential arguments. Secondly, with sentential arguments not occupying the subject or direct object positions, the unmarked subject can take on nominal morphology. Thirdly, unmarked subjects in sentential arguments that occupy the subject or direct object positions are restricted in their ability to move away from the participle, unlike unmarked subjects in other sentential actants

Keywords: *sentential argument, unmarked subject, Udmurt language, Tatyshly dialect, small nominal*

References:

1. Kornfilt J. Subject Case in Turkish Nominalized Clauses. Syntactic Structures and Morphological Information, ed. by U. Junghanns, L. Szucsich. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2003. P. 129–215.
2. Serdobolskaya N. Nominativ v nominalizacii: sub'ekt zavisimoi predikacii ili imennoe zavisimoe [Nominative in nominalization: subject of dependent predication or nominal dependent]. Issledovaniya po glag'noy derivatsii: sbornik statey [Research on Verb Derivation: Collection of Articles] / ed. by V. Plungyan, S. Tatevosov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. P. 314–347 (in Russian).
3. Bondarenko T. Subject marking and scrambling effects in Balkar nominalizations. Proceedings of the First Workshop on Turkish, Turkic, and the languages of Turkey (tu+1), ed. by I. F. Akkuş, İ. K. Bayırlı, D. Özyıldız. Graduate Linguistics Student Association, University of Massachusetts, 2018. P. 27–42.
4. Byzova A., Davidyuk T. Morfosintaksicheskie svoystva imennoj i poslelozhnoj grupp v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka [Morphosyntactic properties of noun and postpositional phrases in Tatyshly Udmurt]. XVIII Conference on typology and grammar for young scholars (St. Petersburg, ILS RAS, 25–27 November 2021) (in Russian).
5. Georgieva E. The case marking of subjects in Udmurt, Komi Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses. Nyelvtudományi Közlemények, 2016. No. 112. P. 77–107.
6. Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity. Grammatical Categories in Australian Languages, ed. by R. M. W. Dixon. Canberra, Australian National University, 1976. P. 112–171.
7. Pereltsvaig A. Small Nominals // Natural Language and Linguistic Theory. 2006. No. 24(2). P. 433–500.
8. Déchaine R. M., Wiltschko M. Decomposing pronouns // Linguistic Inquiry. 2002. No. 33(3). P. 409–442.
9. Kriukova A. Differencirovannoe markirovanie ob'ekta v tatyshlinskom udmurtskom [Differential object marking in Tatyshly Udmurt]. Expedition report. Manuscript. 2023.
10. Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish. Differential Subject Marking, ed. by H. de Hoop and P. de Swart. Dordrecht, Springer, 2009. P. 79–111.
11. Ótót-Kovács E. Differential Subject Marking in Kazakh // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2022. No. 28(1). P. 146–155.
12. Arkadiev P. M., Testeleys Ya. G. Differential nominal marking in Circassian // Studies in Language. 2019. No. 43(3). P. 715–751.

Davidyuk Tatiana Igorevna.

Junior researcher.

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

PhD student.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory, GSP-1, 1-51, 1 Humanities Building, Faculty of Philology, Moscow, Russia, 119991.

Programmer.

Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University.

Leninskie Gory, 1, bld. 4, Moscow, Russia, 119234.

E-mail: rachekit@yandex.ru

Л. К. Ишкильдина

ДУФОН [ба] В КАРАИДЕЛЬСКОМ ГОВОРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА¹

Рассматриваются артикуляционно-акустические характеристики гласной типа [a] караидельского говора башкирского языка. Актуальность исследования вызвана тем, что до сегодняшнего дня фонетическая система башкирского языка описывалась в основном с опорой на наблюдения и слуховое восприятие исследователя. В связи с этим ставится задача определения характеристик фонем и их аллофонов по современным записям, сделанным в формате wav, с применением новых методик и компьютерных программ. Цель исследования – представить детальный анализ качества гласного типа [a] в односложных лексемах в анлаутной и медиальной позициях в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка. Новизна работы заключается в том, что впервые применяется экспериментально-акустический метод в описании гласной фонемы [a]. В работе использованы экспедиционные записи автора, сделанные в населенных пунктах Караидельского района Республики Башкортостан в 2022–2023 гг. Запись и расшифровка ведутся по специальной фонетической методике. Акустический анализ проводился с помощью компьютерной программы Speech Analyzer 3.0.1. Описание идет по методике, принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН. В основной части представлен анализ гласного [a] в анлаутной (VC) и инлаутной (CVC) позициях в таких односложных лексемах, как *ай* ‘луна, месяц’, *май* ‘масло, жир’ и *мал* ‘скот’, в произношении четырех информантов. Ранее башкирскими исследователями вариант фонемы [a] в этих позициях в караидельском и других говорах северо-западного диалекта башкирского языка классифицировался как лабиализованный «a°» либо как «o» с элементом «a». По нашим экспериментально-фонетическим исследованиям, гласный «a» в начале слова и первых закрытых слогах был зафиксирован как сложный двухкомпонентный звук «ба», обозначаемый Н. С. Уртегешевым как дуфон, состоящий из двух элементов: первого – гортанно-округленного типа «o», второго – гортанно-неокругленного типа «a».

Ключевые слова: башкирский язык, караидельский говор, двухкомпонентный гласный звук, дуфон, аллофон

Введение

Караидельский говор – пограничный говор между восточным и южным диалектами, содержащий в себе особенности трех диалектов башкирского языка. По территориальному распространению караидельский говор охватывает населенные пункты Аскинского и Караидельского районов Республики Башкортостан. Говор граничит с севера с гайнинским говором северо-западного диалекта, с востока – айским говором восточного диалекта, с юга – дёмским говором южного диалекта, с запада – таныпским говором северо-западного диалекта. Носителями караидельского говора являются башкиры родов балыксы и унлар. Как уточняется в работе С. Ф. Миржановой, это представители башкирских племен унлар или сумляр/сунлар, сун и кыр-ун, живущие в бассейнах рек Тюя (башк. Төй) и среднего течения р. Уфы (башк. Каризел) [1, с. 25].

По данным переписи 2021 г., в Аскинском и Караидельском районах проживают более 22 тысячи башкир, являющихся носителями караидельского говора. Первые экспедиционные выезды в населенные пункты караидельского говора относятся к 30-м годам XX в. По результатам экспедиций составлялись в основном научные отчеты (содержащие материалы и по другим говорам), которые не были опубликованы и хранятся в архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН (УФИЦ РАН). Крупная экспедиция по изучению северо-западного диалекта башкирского языка состоялась в 1954 г. под руководством Т. Г. Баишева, которая охватила также и Аскинский район. Составленный Т. Г. Баишевым научный отчет этой экспедиции, хранящийся в Научном архиве УФИЦ РАН, был издан Институтом истории, языка и литературы УНЦ РАН (ныне УФИЦ РАН) в 2008 г. [2]. В Отчете представлены фонетические, морфологические, лексические особенности языка башкир Аскинского района в сравнении с Янаульским, Балтачевским и Бураевским районами. Материалы по северо-запад-

¹ Исследование выполнено в счет гранта РФФИ, проект № 23-28-01343 «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (<https://rscf.ru/project/23-28-01343>).

ным говорам, в том числе и по караидельскому, были использованы в монографии Т. Г. Баишева «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (1955) [3]. В 1960–1970-х годах также совершались экспедиционные выезды в северо-западные районы Башкортостана, в том числе в места расселения башкир, носителей караидельского говора, материалы которых вошли в диалектологические словари (1987, 2002) [4, 5], «Диалектологический атлас башкирского языка» (2005) [6] и др. Данные караидельского говора как сравнительный материал представлены также в работах Ф. Г. Хисамитдиновой (1989), Р. З. Шакурова (2012), А. А. Юлдашева (2010) [7–9] и др. Образцы речи по современному состоянию караидельского говора содержатся в материалах этнолингвокультурологических экспедиций [10].

Впервые монографически описывается караидельский говор в составе северо-западного диалекта башкирского языка в монографии С. Ф. Миржановой [1]. В этой работе представлена современная классификация северо-западного диалекта с четырьмя говорами: караидельский, таныпский, нижебельско-ыкский, гайнинский. На сегодняшний день это единственная работа в башкирском языкознании, где подробно рассмотрены фонетические, морфологические и лексические особенности караидельского говора, отражающие их языковое состояние 60–80-х годов XX в. За более чем 40-летний период в говорах и диалектах, несомненно, произошли сдвиги и изменения, которые требуют фиксации и современного научного анализа. Учитывая это, с 2022 г. отдел прикладной лингвистики и диалектологии ИИЯЛ УФИЦ РАН возобновил исследование караидельского говора башкирского языка с применением новых методов и подходов.

Спецификой караидельского говора в области фонетики является функционирование древних консонантных сочетаний лт, мт, нт, рт и др., более широкое употребление фонемы [з] в отличие от литературного языка (в падежных аффиксах, частицах, окончаниях глаголов) и т. д.

В системе вокализма также отмечается специфика произношения. Особенно примечательны в этом отношении аллофоны фонемы [а]. Как утверждает С. Ф. Миржанова: «В говоре а функционирует в двух вариантах. В начале слова и в первых закрытых слогах выступает сильно огубленный звук, близкий к о, в других позициях употребляется неогубленный а. В ударных слогах и при экспрессии огубленный а^о звучит как звук о с элементом а: о^а. Примеры: а^олма ‘картофель’, а^оса ‘иней, снег на деревьях’, ка^омыл ‘жниво’, ма^ой ‘масло, жир’, ба^ош ‘голова, начало’, ба^обай ‘дядя старше родителей’» [1, с. 18–19].

Технологии и методики тех лет не позволяли представить точные классификации фонем и их факультативных вариантов, так как записи магнитных катушек расшифровывались на слух. В связи с этим в работе ставится задача определения характеристик фонем и их аллофонов по современным записям с применением новых методик и компьютерных программ, в данном случае – качества гласного типа [а] в односложных лексемах в анлаутной и медиальной позициях в караидельском говоре башкирского языка.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили звуковые записи, собранные по списку словоформ для фонетического разбора, содержащиеся в «Программе для сбора диалектного материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка» [11]. Полевые записи были сделаны в 2022–2023 гг. в ходе экспедиционных выездов в населенные пункты Караидельского района Республики Башкортостан с целью изучения современного состояния караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка.

В данной статье представлен анализ гласного [а] в анлаутной (VC) и инлаутной (CVC) позициях в односложных словах, таких как *ай* ‘луна, месяц’, *май* ‘масло, жир’ и *мал* ‘скот’ в произношении четырех информантов (см. список информантов). Словоформы записывались на диктофон в формате wav, изолированно, в троекратном произнесении. Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерной программы Audacity. Акустический анализ проводился с помощью компьютерной программы Speech Analyzer 3.0.1. Описание идет по методике, принятой в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН [12, с. 26–35].

В работе при определении ряда и подъема гласных была использована «Таблица гласных», разработанная Н. С. Уртегешевым [13, с. 232] на основе совмещенных соматических и акустических данных (табл. 1).

Градация количественных показателей звуков определялась по относительной длительности (ОД) к средней длительности звука (СДЗ): 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; свыше 300 % – сверхдолгий.

Таблица 1

Дополнительные артикуляции гласных по положению спинки языка в ротовой полости

ГОРТАННО-СВЯЗОЧНЫЕ									
1			Микширализованный (ө)						
	Палатализованный (')		Нейтрализованный			Веляризованный (ʏ)			
2	7.1–7.2	7.3	8.1	8.2	8.3	9.1	9.2	9.3s	
3	3000–2600	2599–2200	2199–1800	1799–1551	1550–1301	1300–1200	1199–900	899–600	
4	с			d			е		
5	ГНО	ГО		ГНО	ГО		ГНО	ГО	
1 140–399	ɪ / ɛ / ʏ	ʏ / ø		ɪ / ɛ / ʏ / а		ʏ / ø / u / o		ɪ / ɛ / ʏ	u / o
2 400–499	ɪ / ɛ / ʏ / а							ɪ / ɛ / ʏ / а	
3 500–600									
4 601–799	ɛ / ʏ / а	ø		ɛ / ʏ / а		ø / а		ɛ / ʏ / а	о
5 800–900	а			<u>а</u>		<u>о</u>		а	
				е / а		о			
6 901–1200				<u>а</u>		<u>о</u>			
				а		о			

Примечание: 1-я строка – название и расположение дополнительной артикуляции; 2-я – индексы нёбного свода; 3-я – диапазоны второй форманты (F₂, Гц); 4-я – участки спинки языка (с – средний, d – межзубный, e – задний); 5-я – округление во время работы голосовых складок: ГНО (гортанно неокругленный), ГО (гортанно округленный); 6–11-я строки – ступени отстояния (с первой по шестую) с диапазонами первой форманты (F₁, Гц).

Результаты

При детальном анализе в программе Speech Analyzer 3.0.1 словоформ *ай* ‘луна, месяц’, *май* ‘масло, жир’ и *мал* ‘скот’ в произношении четырех дикторов (см. список информантов) было зафиксировано употребление двухкомпонентного аллофона «ба». Двухкомпонентный одноядерный аллофон был обнаружен Н. С. Уртегешевым на материале ряда языков и обозначен им новым фонетическим термином – *дуфоном*: «Дуфоны – полудолгие гортанно-связочные гласные звуки, структурно сложные – с двумя разнотипными, неравнозначными по длительности вокальными компонентами в пределах одного ядра без глоттальной вставки (например, ба, те, об, ое, еа). Эти гласные на письме обозначаются одной буквой. <... > Дуфоны отличаются от дифтонгов тем, что у них два звукотипа сливаются в пределах одного вокального ядра, тогда как дифтонг представляет собой сочетание двух гласных, составляющее один слог» [14, с. 76].

В табл. 2 представлены выявленные артикуляционно-акустические характеристики дуфона «ба» в инициальной и медиальной позициях односложных основ.

Таблица 2

Написание, транскрипция, перевод, позиция в слове, АДС, СДЗ, АДЗ, ОДЗ, диктор	Первый компонент «о»				Второй компонент «а»				Определение
	АДК, мс	ОДКЗ, %	F ₁ , Гц	F ₂ , Гц	АДК, мс	ОДКЗ, %	F ₁ , Гц	F ₂ , Гц	
ай [ʔ ^ʏ (o ₄ a _{4.4})·j̥] ‘луна’, [V]C, АДС = 242 мс, СДЗ = 121 мс, АДЗ = 128 мс, ОДЗ = 105%, д. АРШ	54	42	668	1158	74	58	700	1638	однойдерный веляризованный дуфон 4-й ступени отстояния (по первому компоненту) полудолгий фарингализованный эпиглоттализованный с начальной звонкой целевой глоттальной вставкой: точная транскрипция [ʔ ^ʏ (o ₄ a _{4.4})·]
ай [ʔ(o ₃ ^ʏ a _{4.4})·j̥] ‘луна’, [V]C, АДС = 376 мс, СДЗ = 188 мс, АДЗ = 241, ОДЗ = 128%, д. НДГ	132	55	532	913	109	45	767	1651	однойдерный веляризованный дуфон 3-й ступени отстояния (по первому компоненту) полудолгий, по второму компоненту – фарингализованный эпиглоттализованный с начальной звонкой целевой глоттальной вставкой: точная транскрипция [(o ₃ ^ʏ a _{4.4})·]
ай [ʔ ^ʏ w ^ʏ (o ₂ a _{4.4})·j̥] ‘луна’, [V]C, АДС = 361, СДЗ = 120,3 мс, АДЗ = 157 мс, ОДЗ = 130%, д. ВРВ	85	54	469	1396	72	46	600	1469	однойдерный нейтрализованный дуфон 2-й ступени отстояния (по первому компоненту) полудолгий конечнотарингализованный эпиглоттализованный: точная транскрипция [ʔ ^ʏ (o ₂ a _{4.4})·]
ай [ʔ(ʔ ^ʏ o ₄ a _{4.4})·j̥] ‘луна’, [V]C, АДС = 316,8 мс, СДЗ = 158,4 мс, АДЗ = 180,4 мс, ОДЗ = 114%, д. ХРА	124,6	69	681	1095	55,8	31	746	1529	однойдерный веляризованный дуфон 4-й ступени отстояния (по первому компоненту) полудолгий конечнотарингализованный эпиглоттализованный с начальной глухой смычной глоттальной вставкой: точная транскрипция [(ʔ ^ʏ o ₄ a _{4.4})·]
май [m ^ʏ m(o ₄ a _{4.4})·j̥] ‘масло, жир’, C[V]C, АДС = 377 мс, СДЗ = 125,6 мс, АДЗ = 162 мс, ОДЗ = 129%, д. АРШ	67,8	42	696	1070	94,2	58	749	1513	однойдерный веляризованный дуфон 4-й ступени отстояния (по первому компоненту) полудолгий конечнотарингализованный: точная транскрипция [(o ₄ a _{4.4})·]
май [ʔ ^ʏ m ^ʏ (o ₃ a _{4.5})·j̥] ‘масло, жир’, C[V]C, АДС = 540 мс, СДЗ = 180 мс, АДЗ = 170 мс, ОДЗ = 94%, д. НДГ	86	50,5	558	968	94	49,5	843	1336	однойдерный веляризованный дуфон 3-й ступени отстояния (по первому компоненту) краткий фарингализованный эпиглоттализованный: точная фонетическая транскрипция [ʔ ^ʏ (o ₃ a _{4.5})·]

мал [mʲ(о̞₄а̞₄)·j̞] ‘скот’, C[V]C, АДС = 368 мс, СДЗ = 122,6 мс, АДЗ = 158 мс, ОДЗ = 129%, д. АРИШ	68	43	664	1135	90	57	697	1402	однойдерный веляризованный дифтонг 4-й ступени отстоя- ния (по первому компоненту) полудолгий фарингализован- ный эпиглоттализованный: точная фонетическая транс- крипция [ʲ(о̞₄а̞₄)·]
мал [ʲmʲ(о̞₃а̞₄)·ʲj̞] ‘скот’, C[V]C, АДС = 526 мс, СДЗ = 175,3 мс, АДЗ = 236, ОДЗ = 124 %, д. НДГ	95	40	592	1509	147	60	835	1321	однойдерный нейтрализован- ный дифтонг 3-й ступени от- стояния (по первому компо- ненту) полудолгий сильнофа- рингализованный: точная фонетическая транскрипция [ʲ(о̞₃а̞₄)·]

Примечание: АДС – абсолютная длительность слова (мс), СДЗ – средняя длительность звука (мс), АДЗ – абсолютная длительность звука (мс), ОДЗ – относительная длительность звука (%), АДК – абсолютная длительность компонента (мс), ОДКЗ – относительная длительность компонента к звуку (%).

На рисунках 1–8 представлены осциллограмма, спектрограмма, частота основного тона и фонетическая транскрипция словоформ ай ‘луна, месяц’, май ‘масло, жир’ и мал ‘скот’ в приношении четырех дикторов (см. список дикторов).

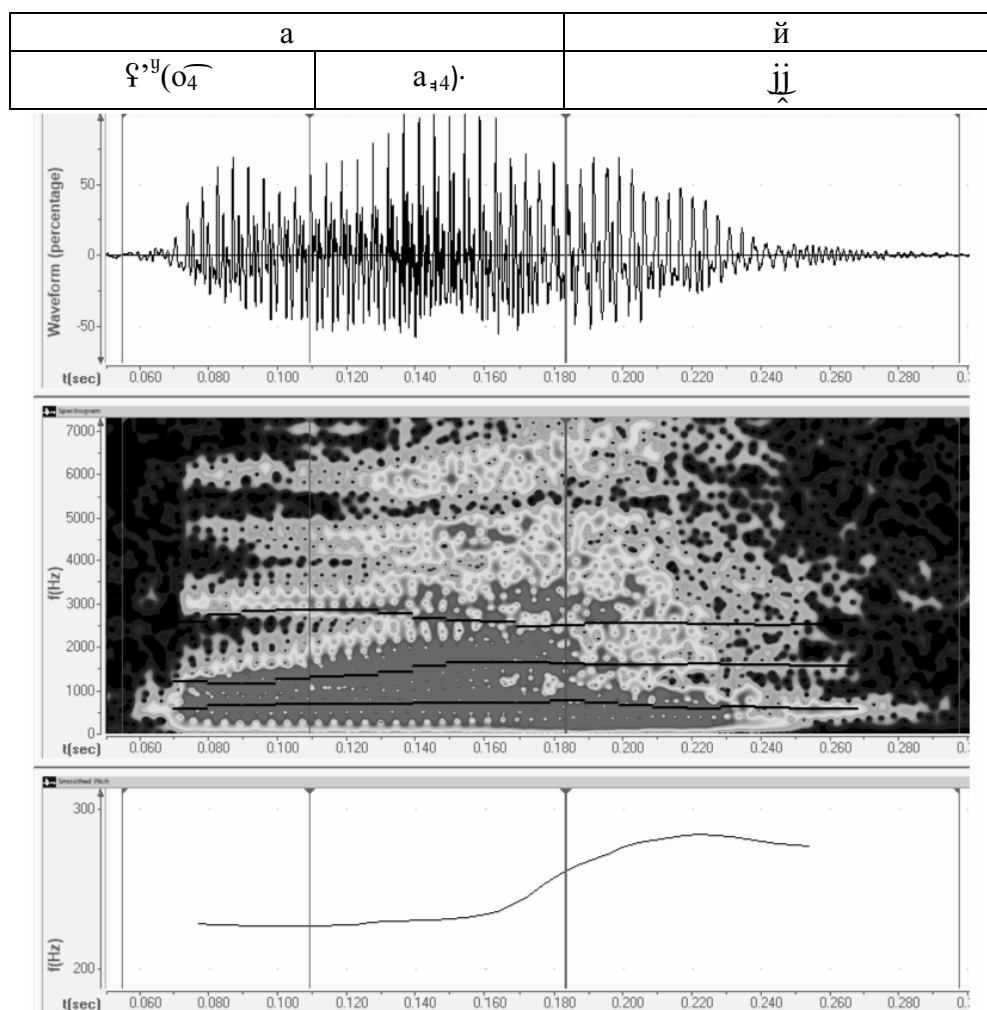

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова ай [ʲʷ(о̞₄а̞₄)·j̞]

‘луна’ (д. АРИШ)

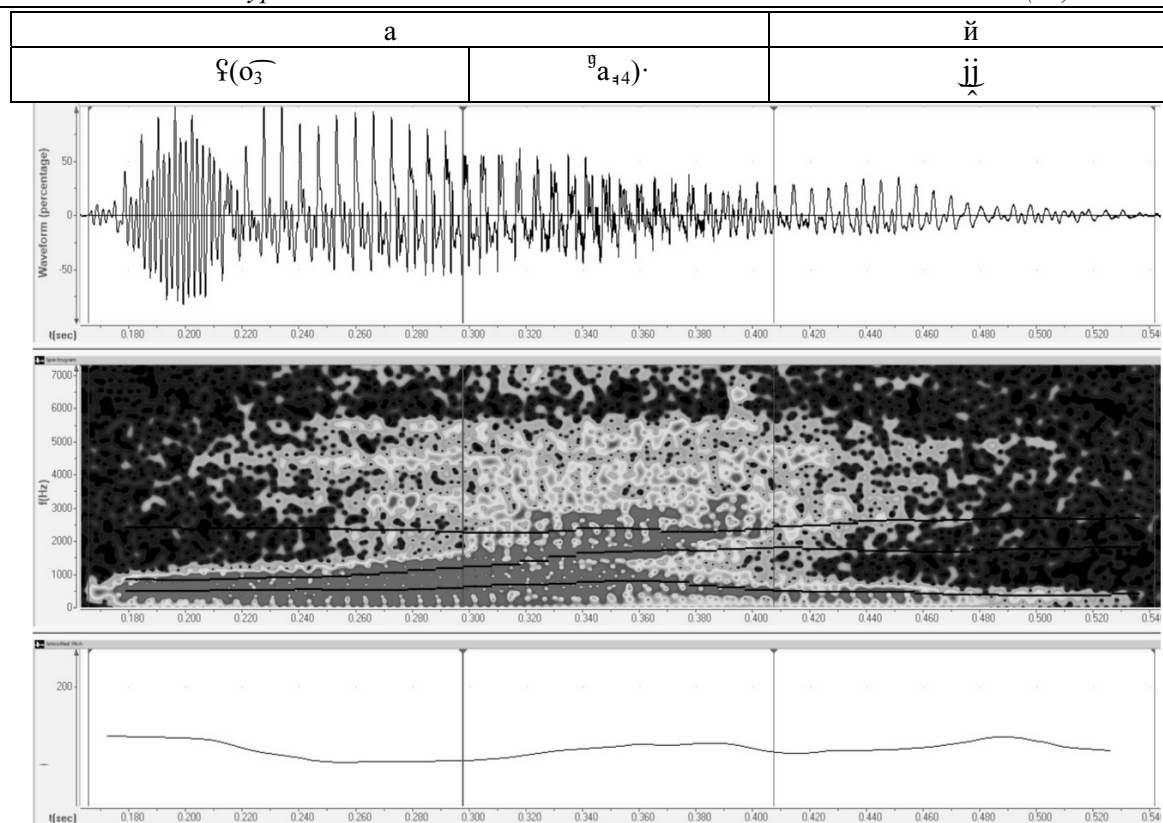

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *ай* [$\text{f}(\text{o}_3^{\text{y}}\text{a}_{44})\text{ij}$] ‘луна’ (д. НДГ)

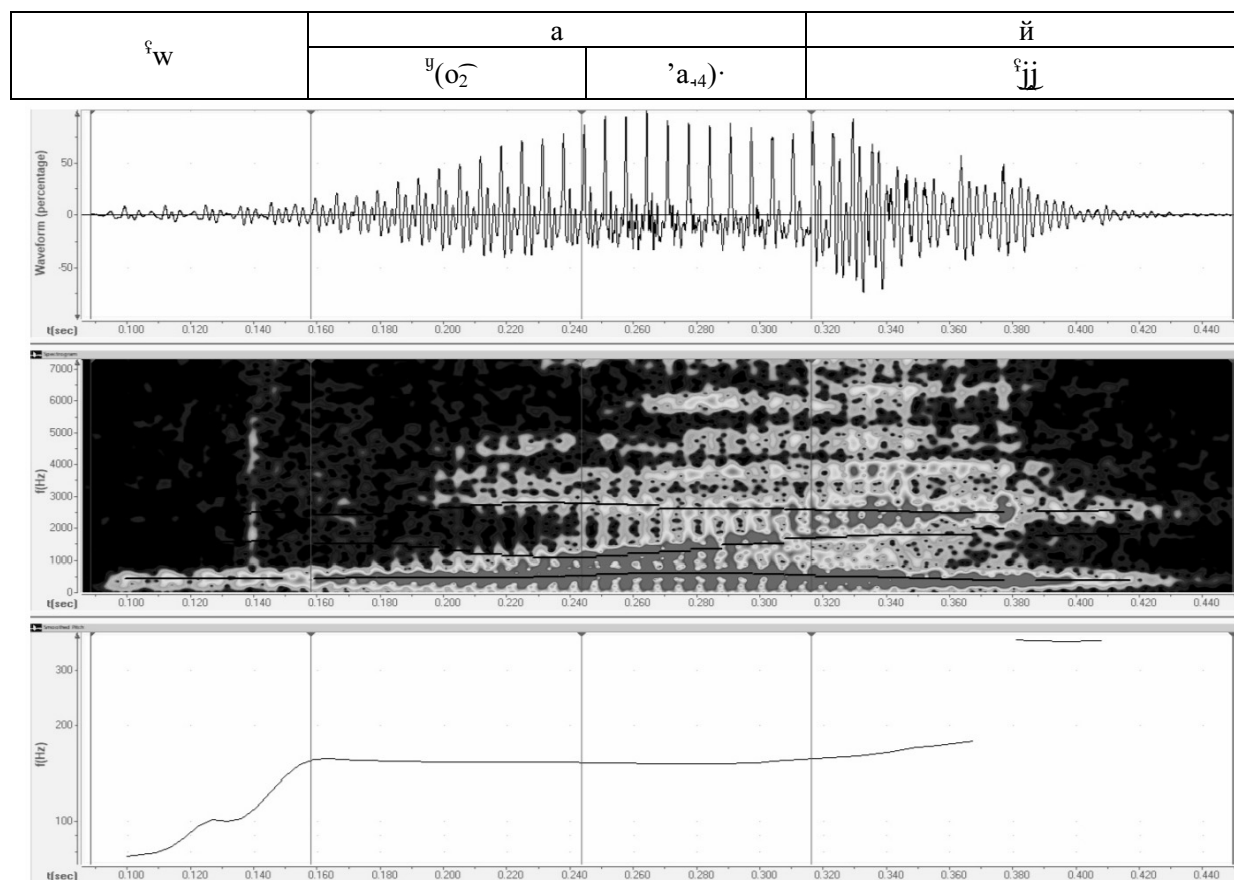

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *ай* [$\text{f}_w^{\text{y}}(\text{o}_2^{\text{'a}}\text{a}_{44})\text{ij}$] ‘луна’ (д. ВРВ)

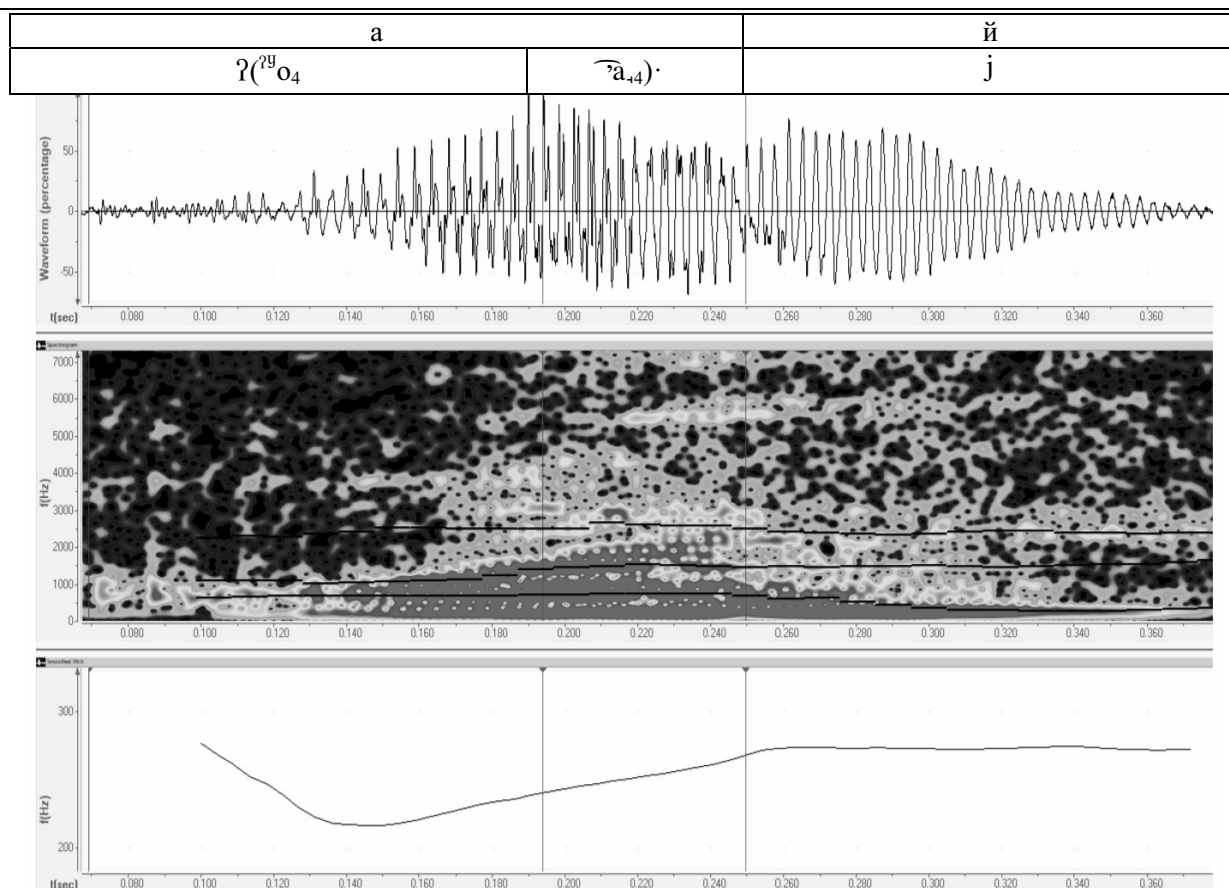

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова **ай** [$\text{ʔ}^{(ʔʉ)}\text{o}_4\text{ʔ}^{(ʔʉ)}\text{a}_{44}$ ·j] ‘луна’ (д. ХРА)

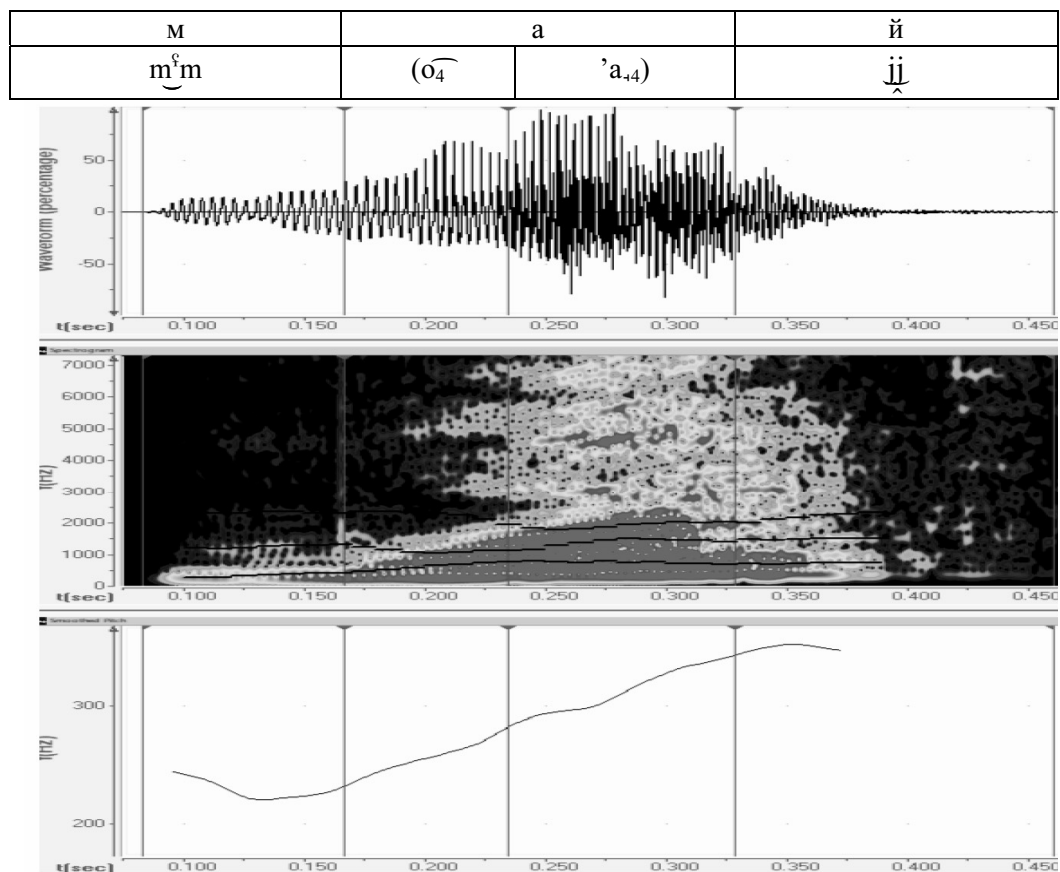

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова **май** [$\text{m}^{(m)}\text{m}(\text{o}_4)\text{ʔ}^{(ʔʉ)}\text{a}_{44}$ ·j] ‘масло’ (д. АРШ)

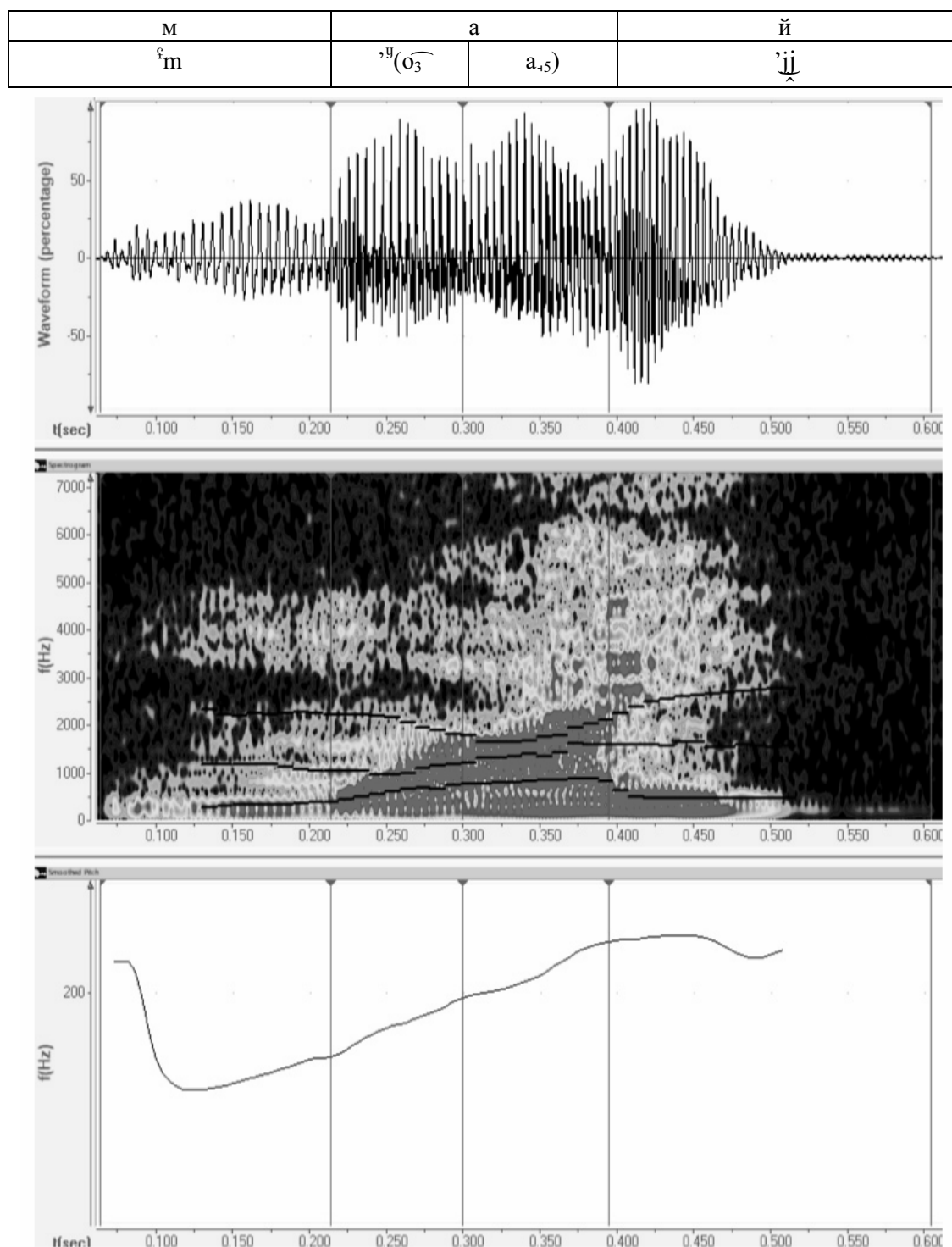

Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *май* [$\text{m}'\text{y}(\text{o}_3\text{a}_{.5})'\text{ij}$] 'масло' (д. НДГ)

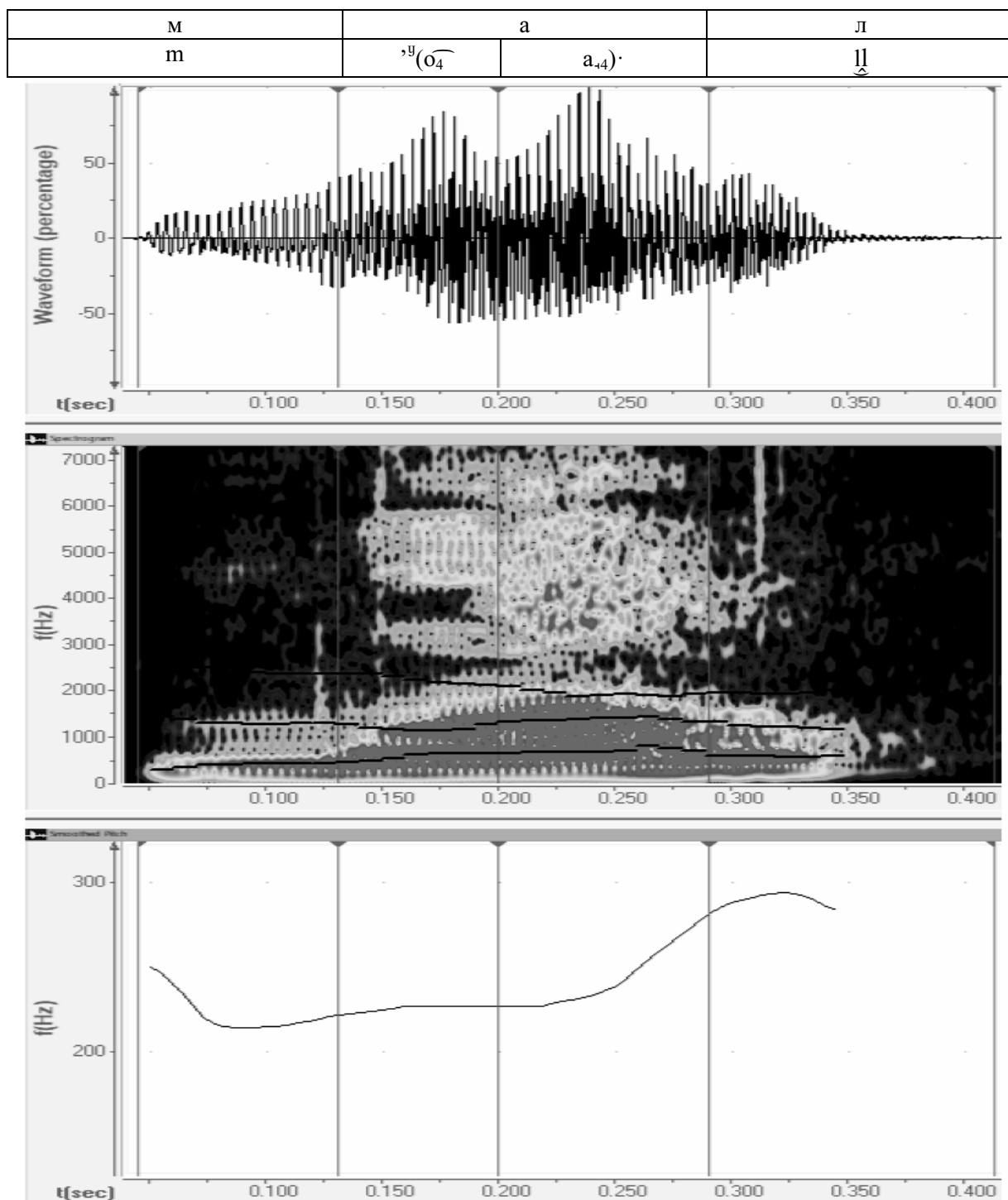

Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *мал* [mʲʲ(o₄a₄₄)·ll̞] ‘скот’ (д. АРШ)

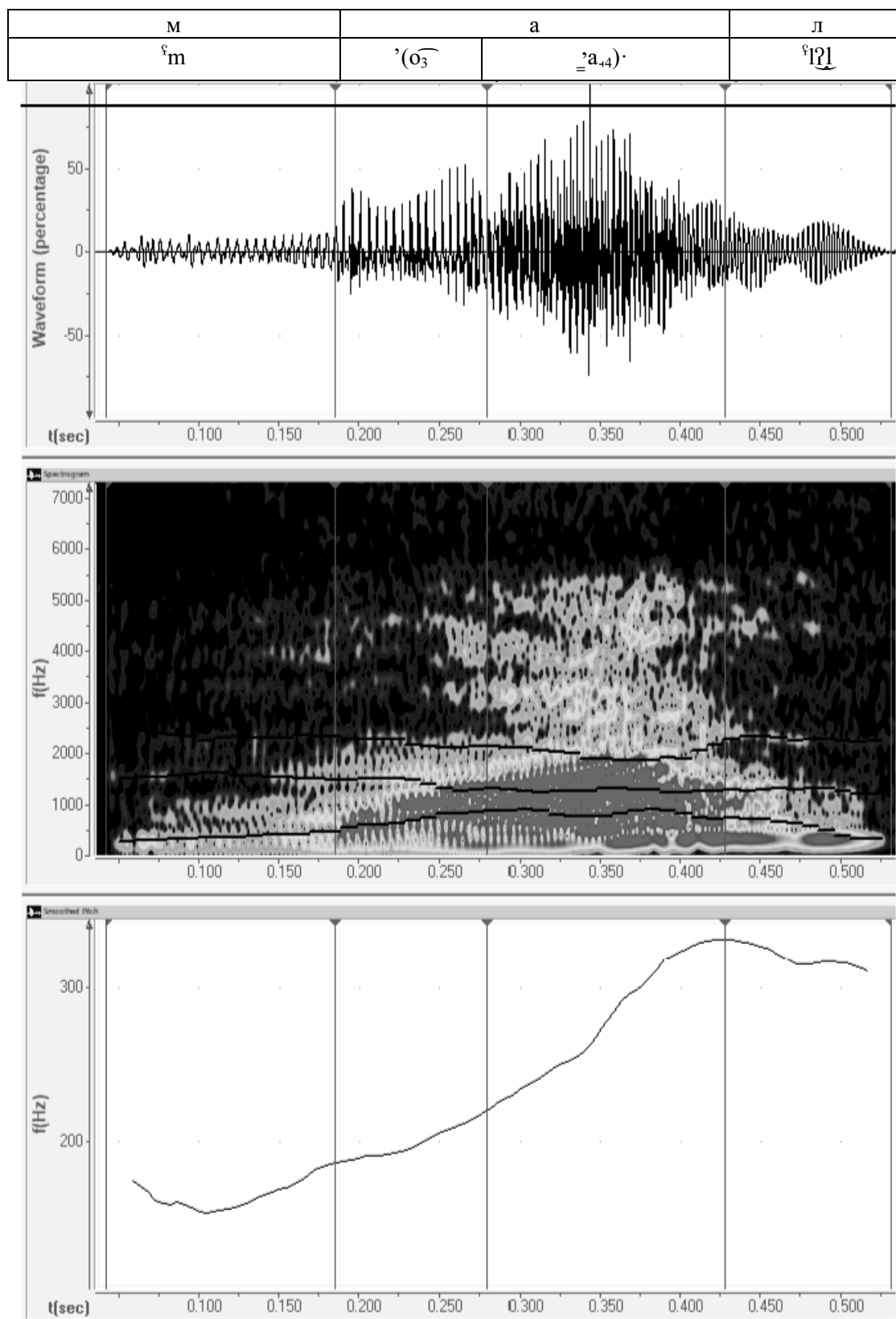

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова *мал* [ᵐʼ(о₃ₐ₄₄)·ᵐᵐ] ‘скот’ (д. НДГ)

1. Фонетический анализ гласной [а] в словоформе *ай* ‘луна’ показал реализацию одно-ядерного веляризованного 4-й или 3-й ступени отстояния (по первому компоненту) полудол-

ного фарингализованного эпиглоттализованного дифтона ба с начальной глоттальной вставкой (табл. 2). Компонент «а» фиксируется у всех четырех информантов как нейтрализованный 4-й ступени отстояния, по формантным показателям расположенный в центральной части твердого нёба (индексы 8.2, 8.3). Веляризованный гласный по таблице Н. С. Уртегешева (табл. 1) соответствует заднерядному гласному в традиционной классификации, нейтрализованный – центральнорядному (среднерядному).

Гласный «ба» реализуется в таких вариантах, как [^y(o₄a₄₄)·], [(o₃^ʁa₄₄)·], [^y(o₂a₄₄)·], [(^yo₄a₄₄)·] (рис. 1–4). Глоттальные вставки могут быть как звонкими, так и глухими смычными или щелевыми (ʔ, ʔ̥, ʕ). Эти особые артикуляционные изменения придают звуку акустический эффект сдавленности, напряженности, маркируя начало звука, слова.

У диктора ВРВ наблюдается *однойдерный нейтрализованный* (по традиционной классификации – среднерядный) *вариант дифтона 2-й ступени отстояния* (рис. 3). Отсутствие глоттальной вставки объясняется присутствием в инициале круглощелевого сонорного согласного «w», что не является особенностью говора, а единичным спонтанным произношением. В постпозиции к губным согласным веляризованные гласные меняют качественную характеристику – нейтрализуются, т. е. продвигаются вперед.

Качественные показатели компонентов дифтона «ба»: у компонента «о» формант F1 выступает в пределах 469–681 Гц, формант F2 – 834–1158 Гц; у второго компонента «а» – F1 – 600–767 Гц, F2 – 1469–1651 Гц.

Длительность компонентов дифтона у носителей исследуемого говора различается: у трех информантов (ВРВ, ХРА, НДГ) – компонент «о» в процентном соотношении больше, чем «а», у АРШ второй компонент «а» произносится дольше, чем первый «о».

2. Дифтонг «ба» в словоформе *май* ‘масло, жир’ у диктора АРШ был определен как *однойдерный веляризованный дифтонг 4-й ступени отстояния* (по первому компоненту) *полудолгий конечнотарингализованный*, точная фонетическая транскрипция – [(o₄a₄₄)·] (табл. 2, рис. 5).

У второго диктора НДГ в той же словоформе фиксируется *однойдерный веляризованный дифтонг 3-й ступени отстояния* (по первому компоненту) *краткий тарингализованный эпиглоттализованный*: точная фонетическая транскрипция – [^y(o₃a₄₅)] (табл. 2, рис. 6).

По второму компоненту «а» – гласный нейтрализованный (индекс 8.3) у обоих дикторов (АРШ, НДГ).

Если у диктора АРШ (рис. 5) тарингализованным является только второй компонент – «а», то у НДГ (рис. 6) наблюдается тарингализация и эпиглоттализация на протяжении всей фонации гласного звука.

Долгота гласного «ба» в произношении двух дикторов разная: у одного информанта (д. АРШ) фиксируется полудолгий вариант, у второго (д. НДГ) – краткий. Отличается и процентное соотношение компонентов дифтона между собой: у д. АРШ дольше компонент «а», у д. НДГ – «о».

Формантные показатели компонентов дифтона «ба»: у «о» F1 фиксируется в диапазоне от 558 до 696 Гц, F2 – от 968 до 1070 Гц, у «а» – F1 – 749–843 Гц, F2 – 1335–1513 Гц.

3. Медиальный гласный «ба» в лексеме *мал* ‘скот’ в произнесении двух дикторов (д. АРШ, д. НДГ, рис. 7 и 8 соответственно) может быть охарактеризован как *однойдерный полудолгий тарингализованный дифтонг 4-й или 3-й ступени отстояния*. Реализуется в таких аллофонах, как [^y(o₄a₄₄)·], [(o₃a₄₄)·].

У диктора АРШ (рис. 7) фиксируется также эпиглоттализация, у диктора НДГ (рис. 8) – сильная тарингализация. По реализации в ротовой полости у первого диктора компонент «о»

веляризованный (заднерядный), у второго – нейтрализованный (среднерядный); компонент «а» у обоих информантов нейтрализованный – индекс 8.3.

Качественные показатели компонентов «ба»: у «о» – F1 – 592–664 Гц, F2 – 113501509 Гц, у «а» – F1 – 697–835 Гц, F2 – 1321–1402 Гц.

В процентном соотношении долгота компонента «а» больше, чем у «о», у обоих носителей говора (д. АРШ, д. НДГ).

Заключение

Таким образом, в караидельском говоре северо-западного диалекта башкирского языка гласный «а» в открытых и закрытых слогах односложных лексем демонстрирует употребление в основном *двухкомпонентного одноядерного веляризованного нейтрализованного* (по первому и второму компонентам) *фарингализованного эпиглоттализованного дуфона «ба» 4-й либо 3-й ступени отстояния*.

В начале открытого слога наблюдается употребление глоттальной вставки в виде звонкого или глухого смычного или щелевого. Глоттальная вставка фиксируется также в сибирских тюркских языках, что может говорить о древнетюркском происхождении этой особенности произношения.

Из дополнительных артикуляционно-акустических характеристик гласного «а» в открытой односложной лексеме *ай* ‘луна’ также является сильная степень эпиглоттализации на протяжении всего звучания фона, а в закрытых слогах в таких словоформах, как *май* ‘масло, жир’ и *мал* ‘скот’, констатируется слабая фоновая эпиглоттализация.

Соотношение относительной длительности частей аллофона «ба» вариативна: в одних случаях больше компонент «о», в других – «а».

Дуфон «ба» был обнаружен также в соседнем с караидельским говором айском говоре восточного диалекта башкирского языка [15]. Тем самым можно констатировать, что гласный, ранее классифицируемый башкирскими учеными как лабиализованный «а°», на самом деле является сложным звуком, состоящим из двух компонентов: первого – гортанно-округленного типа «о», второго – гортанно-неокругленного типа «а».

Список дикторов:

АРШ – Ахметзянова Рафия Шарафутдиновна, 1958 г.р., д. Нижние Балмазы Караидельского р-на РБ, пенсионерка, образование – высшее (учитель географии). Национальность – башкирка.

ВРВ – Валеева Роза Вагизьяновна, 1957 г.р., д. Нижние Балмазы Караидельского р-на РБ, пенсионерка, образование – 11 кл. Национальность – башкирка.

НДГ – Нуриахметова Далира Габдулфаязовна, 1958 г.р., д. Нижние Балмазы Караидельского р-на РБ, пенсионерка, образование – среднее техническое. Национальность – башкирка.

ХРА – Хисамова Роза Ахуновна, 1954 г.р., д. Нов. Акбуляк (с 1975 г.) Караидельского р-на РБ, родом из д. Юлдаш, пенсионерка, образование – среднее специальное. Национальность – башкирка.

Список источников:

1. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 295 с.
2. Башкорт теленең төньяк-көнбайыш диалекты. 1954 йылғы диалектологик экспедиция отчеты. Өфө: Ғилем, 2008. 372 б.
3. Баишев Т. Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 112 с.
4. Словарь говоров башкирского языка в 3-х томах. Том 3 / ред. С. Ф. Миржанова. Уфа, 1987. 232 с.
5. Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002. 432 с.

6. Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 234 с., 169 карт.
7. Хисамитдинова Ф. Г. История башкирского языка: материалы по исторической фонетике: учеб. пособ. Уфа: Башк. пед.-т, 1989. 84 с.
8. Шәкүров Р. З. Башкорт диалектологияһы: укыу кулланмаһы. Өфө: Китап, 2012. 240 б.
9. Юлдашев А. А. Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков: очерки. М.: Издат. фирма "Восточная литература" РАН, 2010. С. 121–156.
10. Башкортостан Республикаһының төньяк-көнбайыш райондары буйынса диалектологик экспедиция материалдары / Абдуллина Г. Р., Исәнғолова Г. А., Карабаев М. И., Хөснәтдинова Р. Я. Өфө: Самрау, 2021. 415 б.
11. Ишкильдина Л. К., Валиева М. Р. Программа для сбора диалектного материала по караидельскому говору северо-западного диалекта башкирского языка (фонетика, морфология). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 68 с.
12. Уртегешев Н. С. Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 583 с.
13. Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филол. журнал. 2023. № 1. С. 226–242.
14. Уртегешев Н. С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 73–81.
15. Ишкильдина Л. К. Гласный типа "а" в айском говоре восточного диалекта башкирского языка: материалы конференции "Академическая гуманитарная наука в XX – начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития". Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. С. 228–235.

Ишкильдина Линара Камиловна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: lina86_08@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2023 г.

L. K. Ishkildina

DUFON [o̯a] IN THE KARAIDEL DIALECT OF THE NORTHWESTERN DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE²

This article examines the articulatory-acoustic features of the vowel type [a] of the Karaidel dialect of the Bashkir language. The study's relevance arises from the fact that the phonetic system of the Bashkir language has so far been described mainly based on the researcher's observations and auditory perception. In this context, we are faced with the task of determining the characteristics of phonemes and their allophones with the help of modern recordings in WAV format and using new techniques and computer programs. The study aims to present a detailed analysis of the quality of the vowel type [a] in monosyllabic lexemes in anlaut and medial positions in the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language. The novelty of the work lies in the fact that, for the first time, the experimental acoustic method is used to describe the vowel phoneme [a]. The work is based on expedition recordings made by the author in 2022–2023 in the settlements of the Karaidel region in the Republic of Bashkortostan. The recording and decoding were carried out using a unique phonetic technique. The acoustic analysis was carried out using the Speech Analyzer 3.0.1 computer program. The description follows the methodology used in the Laboratory for Experimental Phonetic Research named after V. M. Nadelyaev Institute of Philology SB RAS. In the main part of the article, an analysis of the vowel [a] in anlaut (VC) and inlaut (CVC) positions in such monosyllabic words as *ay* 'moon, month,' *may* 'butter, fat' and *mal* 'cattle' in the pronunciation of four informants are presented. Previous Bashkir researchers classified the variant of the phoneme [a] in these positions in Karaidel and other dialects of the northwestern dialect of the Bashkir language as labialized 'a^o' or as 'o' with the element 'a'. According to our experimental phonetic studies, the vowel 'a' at the beginning of words and in the first closed syllables was recorded as a complex two-component sound 'o̯a,' called a dufon (by N.S. Urtegeshev), which consists of two elements: the first is a guttural-rounded type 'o', and the second is a guttural-unrounded type 'a'.

Keywords: *Bashkir language, Karaidel subdialect, two-component vowel sound, dufon, allophone*

² The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01343 "Code switching in conditions of Bashkir-Russian bilingualism (based on dialect discourses)" (<https://rscf.ru/project/23-28-01343>).

Speaker's list:

ARSH – Akhmetzyanova Rafiya Sharafutdinovna, born in 1958, Nizhnie Balmazy village, Karaidel district, Republic of Bashkortostan, pensioner, higher education (geography teacher). Nationality: Bashkir.

VRV – Valeeva Roza Vagizyanovna, born in 1957, Nizhnie Balmazy village, Karaidel district of the Republic of Bashkortostan, pensioner, education – 11th grade. Nationality: Bashkir.

NDG – Dalira Gabdulfayazovna Nuriakhmetova, born in 1958, Nizhnie Balmazy village, Karaidel district of the Republic of Bashkortostan, pensioner, secondary technical education. Nationality: Bashkir.

KhRA – Khisamova Rosa Akhunovna, born in 1954, Nov. Akbulyak (since 1975) village, Karaidel district, Republic of Bashkortostan, originally from the village of Yuldash, pensioner, secondary specialized education. Nationality: Bashkir.

References:

1. Mirzhanova S. F. Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka [Northwestern dialect of the Bashkir language (formation and current state)]. Ufa: Bashk. book publishing house, 1991. 295 p. (in Russian).
2. Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka nauchnyy otchet dialektologicheskoy ekspeditsii 1954 goda [Northwestern dialect Bashkir language scientific report dialectological expeditions of 1954]. Ufa, 2008. 372 p. (in Bashkir).
3. Baishev T. G. Bashkirskiye dialekty v ikh otnoshenii k literaturnomu yazyku [Bashkir dialects in their relation to the literary language]. M.: Publishing house Mosk. Univ., 1955. 112 p. (in Russian).
4. Slovar' govorov bashkirskogo yazyka v 3 tomakh [Dictionary of dialects of the Bashkir language in 3 volumes. Vol. 3] / ed. S. F. Mirzhanova. Ufa, 1987. 232 p. (in Bashkir).
5. Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Dialectological dictionary of the Bashkir language]. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (in Bashkir).
6. Dialektologicheskii atlas bashkirskogo yazyka [Dialectological atlas of the Bashkir language]. Ufa: Gilem, 2005. 234 p., 169 maps (in Bashkir).
7. Khisamitdinova F. G. Istoriya bashkirskogo yazyka: materialy po istoricheskoy fonetike [History of the Bashkir language: Materials on historical phonetics]. Ufa: Bashk. ped.-t., 1989. 84 p. (in Russian).
8. Shakurov R. Z. Bashkirskaia dialektologiya: uchebnoye posobiye [Bashkir dialectology: a textbook]. Ufa: Kitap, 2012. 240 p. (in Bashkir).
9. Yuldashev A. A. Dialekty bashkirskogo yazyka [Dialects of the Bashkir language]. In: Dialekty tyurkskikhazykov: ocherki [Dialects of Turkic languages: essays]. M: Ed. company "Oriental Literature" RAS, 2010. P. 121–156 (in Russian).
10. Materialy dialektologicheskikh ekspeditsiy po severo-zapadnym rayonam Respubliki Bashkortostan [Materials of dialectological expeditions in the north-western regions of the Republic of Bashkortostan] / Abdullina G. R., Isyngulova G. A., Karabaev M. I., Khusnutdinova R. Ya. Ufa: Samrau, 2021. 415 p. (in Bashkir).
11. Ishkildina L. K., Valieva M. R. Programma dlya sbora dialektnogo materiala po karaidel'skomu govoru severo-zapadnogo dialekta bashkirskogo yazyka (fonetika, morfologiya) [A program for collecting dialect material on the Karaidel dialect of the northwestern dialect of the Bashkir language (phonetics, morphology)]. Ufa: IIAL UFITs RAS, 2023. 68 p. (in Russian).
12. Urtegeshev N. S. Foniko-fonologicheskaya sistema shorskogo yazyka v yuzhnosibirskom tyurkskom kontekste [Phonics-phonological system of the Shor language in the South Siberian Turkic context: diss. ... Dr. Phil. Sci.]. Novosibirsk, 2021. 583 p. (in Russian).
13. Urtegeshev N. S. Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitel'naya artikulyatsiya glasnykh [The structure of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels] // Sibirskiy filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]. 2023. No. 1. P. 226–242 (in Russian).
14. Urtegeshev N. S. Raneye ne opisannyi tip glasnykh: dufony [A previously undescribed type of vowel: diphones] // Yazyki i folklor korennykh narodov Sibiri [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2022. No. 1 (iss. 43). P. 73–81 (in Russian).
15. Ishkildina L. K. Glasnyy tipa "a" v ayskom govore vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka [Vowel type "a" in the Aï dialect of the eastern dialect of the Bashkir language] // Academic humanities in the 20th – early 21st centuries: achievements, trends and development prospects. Ufa: IIAL UFITs RAS, 2022. P. 228–235 (in Russian).

Ishkildina Linara Kamilovna.

Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow.

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the RAS.

Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: lina86_08@mail.ru

Е. В. Кашкин

ПОНЯТИЕ 'ПРЯМОЙ' И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА¹

В работе, выполненной на материале татышлинского говора периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка, рассматривается семантика лексем со значениями 'прямой' и 'прямо' (например, о направлении движения). Методологически работа опирается на фреймовый подход к лексической типологии, который предполагает анализ семантики лексем на основе исследования их сочетаемостных свойств. Данные преимущественно собраны методом анкетирования в Татышлинском районе Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, также в д. Верхнебалтачево, д. Бигинеево, д. Арибаш, с. Уразгильды). Помимо этого привлекался материал экспедиционного корпуса текстов и в качестве более широкого фона материал по другим вариантам удмуртского языка, полученный преимущественно из словарей и корпусов. Учитывались и типологические обобщения, сделанные при исследовании лексем с семантикой 'прямой'/'прямо' в других языках. В результате данного исследования установлено, что значения 'прямой' и 'прямо' выражаются в татышлинском говоре удмуртского языка лексемой *šon'er* и ее дериватом *šon'erak*, а также лексемой *ves'ak*. Проанализированы различия в дистрибуции этих лексем в контекстах, описывающих прямую линию с различными дополнительными топологическими свойствами и движение по прямой линии. Систематизированы характерные для них абстрактные контексты. Обсуждается вторичный характер развития у описанных лексем значений 'прямой'/'прямо', что нетривиально с типологической точки зрения: *šon'er* предположительно возводится к прауральскому корню со значением 'хороший, здоровый' (при этом не имея явных соответствий с обозначениями прямой линии в других уральских языках), а *ves'ak* деривационно связывается с заимствованным из русского языка универсальным кванторным словом *ves'*. Квантификационная семантика является базовой для *ves'ak* в других рассмотренных вариантах удмуртского языка, однако для татышлинского говора она не характерна, уступая место более узкому классу контекстов прямой линии или движения по ней.

Ключевые слова: уральские языки, удмуртский язык, татышлинский говор, лексическая типология, семантика, полисемия

Введение

Статья посвящена лексемам с базовой семантикой 'прямой'/'прямо' (о линии, направлении движения, ср. рус. *прямая дорога, идти прямо*) в татышлинском говоре удмуртского языка. Эти лексеммы развивают в языках мира обширную сеть переносных употреблений (ср. рус. *прямой рейс из Москвы в Томск; Я ему позвоню прямо сейчас; Ты прямо герой* и др.), которая становилась предметом частноязыковых и типологических исследований [1–4].

Татышлинский говор относится к периферийно-южному диалекту южного наречия удмуртского языка. Он преимущественно распространен в Республике Башкортостан и существенно отличается от литературного удмуртского языка, находясь в длительном тесном контакте с тюркскими говорами [5].

Материал собран в 2022–2023 гг. в экспедициях ОТиПЛА МГУ² в Татышлинский район Республики Башкортостан (преимущественно работа велась в с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, также в д. Верхнебалтачево, д. Бигинеево, д. Арибаш, с. Уразгильды). Методологической основой работы послужил фреймовый подход к лексической типологии, предполагающий исследование семантики лексем

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ им. М. В. Ломоносова).

² Подробнее о проекте см. <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>

на основе анализа их сочетаемости [6]. Мы проводили анкетирование носителей языка (перевод предложений с русского языка, оценка правильности и интерпретация предложений на удмуртском языке). Стимулы для анкет подбирались с учетом указанных выше типологических работ о поле ‘прямой’, а также исследовательских вопросов, продиктованных самим удмуртским материалом. Кроме того, учитывались материалы экспедиционного корпуса текстов [7]. Для оценки данных татышлинского говора в более широкой перспективе приводятся также сведения о других вариантах удмуртского языка, полученные преимущественно из словарей и корпусов.

В татышлинском говоре значения ‘прямой’ и ‘прямо’ выражаются лексемами *šon'er* (иногда также используется ее дериват *šon'erak*) и *ves'ak*, см. иллюстрации их употребления в (1)–(2).

- (1) *mi šon'er / ves'ak s'üres-ti mân-i-m.*
мы прямой прямой дорога-PROL идти-PST-1PL
‘Мы ехали по прямой дороге’.
- (2) *šon'er / ves'ak mân-ø.*
прямой прямой идти-IMP
‘Иди прямо’.

Как мы покажем далее, эти лексемы развивают разные сети полисемии и демонстрируют разные модели развития значений ‘прямой’/‘прямо’. В первом разделе обсуждается лексема *šon'er*. Второй раздел посвящен лексеме *ves'ak*. В третьем разделе подводятся итоги.

1. Лексема *šon'er*

1.1. Система употреблений

Помимо контекстов перемещения по прямой линии (см. (1)–(2)), лексема *šon'er* покрывает ряд других контекстов. Она может относиться к форме предмета (3) и к положению участника ситуации в пространстве (4).

- (3) *mânâm kule šon'er kiz' bodâ.*
я.DAT нужно прямой длинный палка
‘Мне нужна прямая длинная палка’.
- (4) *šon'er rik-ø.*
прямо сидеть-IMP
‘Сиди прямо’.

В большинстве исследованных идиолектов лексема *šon'er* описывает ровную поверхность, конкурируя в этом случае с тюркским заимствованием *tegiz* ‘ровный’(5). Литературное прилагательное *čoškyt* ‘ровный, плоский’ (см. о нем подробнее в [8, с. 206–209]) в татышлинском говоре не используется.

- (5) *mil'am vil' korka-ja-mâ vâž-mâ tegiz / ?šon'er.*
мы.GEN новый дом-LOC/ILL-POSS.1PL пол-POSS.1PL ровный прямой
‘У нас в новом доме пол ровный’.

Кроме того, лексема *šon'er* используется в ряде контекстов, которые в типологическом исследовании [2] рассматриваются как модели развития переносных значений единиц со зна-

чением 'прямой'. Это значение так называемого прямого маршрута, связанное с достижением конечной точки без остановок в промежуточных пунктах, см. примеры (6)–(7); второй из них приемлем только для части опрошенных носителей. В этом случае нельзя исключать калькирования русской модели, ср. в (6) заимствованное из русского языка существительное *pojezd*, определяемое прилагательным *šon'er* параллельно с русским выражением *прямой поезд*.

- (6) *moskva-is'en* *č'ornuška-je* ***šon'er*** *pojezd* *van'*.
 Москва-EGR Чернушка-ILL прямой поезд имеется
 'Из Москвы в Чернушку есть прямой поезд'.
- (7) [?]*nižbaltač'-is'en* *tatâšla-je* *pâr-a-tek* ***šon'er***
 Нижнебалтачево-EGR Верхние_Татышлы-ILL войти-ITER-CVB.NEG прямо
ufa-je *mân-i-ø*.
 Уфа-ILL идти-PST-1SG
 'Из Нижнебалтачево, не заезжая в Верхние Татышлы, я сразу поехал в Уфу'.

Кроме того, *šon'er* передает значение правильного выполнения действия:

- (8) *ton* *van'-ze* ***šon'er*** *les't-i-d*.
 ты весь-ACC.POSS.3SG прямо делать-PST-2SG
 'Ты все правильно сделал'.

В субстантивных употреблениях лексема *šon'er* может выражать значение 'правда' как в (9). Предпочтительны в этом случае лексема *zem* 'правда' и тюркское заимствование *diräs* с аналогичной семантикой. Употребление лексемы *šon'er* в примерах типа (9) носители зачастую оценивают как литературное, но не отвергают полностью.

- (9) *mânâm* *diräs-se /* *zem-ze /* ***šon'er-ze*** *vera-ø*.
 я.DAT правда-ACC.POSS.3SG правда-ACC.POSS.3SG прямой-ACC.POSS.3SG сказать-IMP
 'Скажи мне правду'.

1.2. Дериват *šon'erak*

В материалах также встречается лексема *šon'erak*. Формант *-ak*, с помощью которого она образована от *šon'er*, в целом в системе удмуртского языка является непродуктивным: в [9, с. 4] он трактуется как эмфатическая частица, в [10, с. 307] – как наречный суффикс. Лексема *šon'erak*, в свою очередь, встречается как в адвербиальных (10), так и в атрибутивных (11) контекстах.

- (10) ***šon'erak*** *mân-ø*.
 прямо идти-IMP
 'Иди прямо'.
- (11) *ta-iz* ***šon'erak*** *s'üres*.
 этот-POSS.3SG прямой дорога
 'Это прямая дорога'.

В первую очередь лексема *šon'erak* используется в проиллюстрированных в (10)–(11) контекстах движения по прямой линии. Она нехарактерна для описания формы предмета (^{??}*šon'erak bodâ* 'прямая палка') и ровной поверхности (^{*}*vâž šon'erak* 'пол ровный'), в части идиолектов применима к положению в пространстве ([?]*šon'erak puk* 'сиди прямо', см. также (12)).

Других употреблений лексемы *šon'erak*, по типологической классификации относящихся к переносным употреблениям лексем с семантикой 'прямой'/'прямо', мы не выявили.

- (12) *ž'ābo* *az'lo* *sāl-i-z* *šon'er* / *ʔšon'erak*,
 столб раньше стоять-PST-3SG прямо прямо
al'i *kārâž-t-is'k-em*.
 сейчас косой-CAUS-DETR-PST2
 'Столб раньше стоял прямо, сейчас покосился'.

1.3. История развития полисемии

Что касается истории семантического развития лексемы *šon'er*, в [11–12] делается предположение о развитии у нее значений 'прямой'/'прямо' на базе абстрактных значений. В базе данных Starling [12] *šon'er* связывается предположительно с прауральским корнем **šeŋä* 'хороший, здоровый', см. также приводимые в базе данных вероятные когнаты в других уральских языках: в финском *hyvä* 'хороший', в эрзянском *čiv* 'хороший, умелый, храбрый'³, в марийском *šu* 'здоровый, свежий', в коми *šan'* 'хороший, приветливый' и др. (В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев предлагают схожий набор соответствий). В Starling [12] приводится ряд прауральских корней, для которых восстанавливается значение 'прямой'/'прямо': **čama*, **ñilki*, **sirV*, **wojke*. Однако удмуртская лексема *šon'er* с ними не связывается, и видимых оснований для установления такой связи нет.

Перечисленные выше когнаты удмуртского *šon'er* объединены идеей соответствия какому-либо положительному стандарту. Значение 'прямой'/'прямо', развиваемое лексемой *šon'er*, оказывается частным проявлением такого инварианта, наряду со значениями 'ровный', 'правильный', 'правда'. При этом, по-видимому, не имеется надежной диахронической аргументации того или иного направления развития значений внутри удмуртского языка.

2. Лексема *ves'ak*

2.1. Система употреблений

Лексема *ves'ak*, как и лексема *šon'er*, относится в татышлинском говоре к прямой дороге и движению по прямой линии, см. (13)–(14) в дополнение к примерам (1)–(2).

- (13) *kāk* *gur²-ž'os* *kusp-ân* *ves'ak* *s'üres*.
 два деревня-PL промежуток-LOC прямой дорога
 'Между двумя деревнями прямая дорога'.
- (14) *n'ules* *pâr* *ves'ak* *pot-is'ko-m*.
 лес через прямо выйти-PRS-1PL
 'Через лес прямо выходим'.

В контекстах положения в пространстве (15) и формы объекта (16), доступных для лексемы *šon'er* (см. раздел 1), лексема *ves'ak* допустима не во всех идиолектах.

- (15) *ʔves'ak* *puk-ø*.
 прямо сидеть-IMP
 'Сиди прямо'.

³ В словаре [13] даются русские переводы 'добрый', 'почтенный', 'дельный', 'годный'.

- (16) *ʔmānāt* ***ves'ak*** *bodā* *kule.*
я.DAT прямой палка нужно
'Мне нужна прямая палка'.

Вне зоны 'прямого' в татышлинском говоре фиксируются лишь спорадические употребления лексемы *ves'ak* в контекстах общения без посредников (17) и эмфатического утверждения идентичности (18). Заметим, что в (19), где также представлено последнее из указанных значений, использование *ves'ak* отвергается носителями, что может быть связано с формированием устойчивых выражений с данной единицей.

- (17) *ʔmon* *malpa-s'ko-ø* *rajon-len* *glava-jen-âz* ***ves'ak*** *vere-s'kâ-nâ.*
я думать-PRS-1SG район-GEN глава-INS-POSS.3SG прямо сказать-DETR-INF
'Я думаю поговорить напрямую с главой района'.
- (18) *ʔmon* ***ves'ak*** *oz'â* *vera-j.*
я прямо так сказать-PST.1SG
'Я ровно так сказал'.
- (19) *pojezd* *rovnâ* *das* *č'as-ân /* *das* *č'as-ân* *ik /* ****ves'ak***
поезд ровно десять час-LOC десять час-LOC EMPH прямо
das *č'as-ân* *košk-e.*
десять час-LOC уйти-PRS.3SG
'Поезд отправляется ровно в 10 часов'.

2.2. История развития полисемии и данные других вариантов удмуртского языка

Согласно [9, с. 313], лексема *ves'ak* деривационно связана с заимствованным из русского языка универсальным кванторным словом *ves'* 'весь, все, всё, всё время' (о заимствовании этого и других кванторных слов в финно-угорские языки см. [14, с. 234–236], о семантике и дистрибуции лексемы *ves'* в татышлинском говоре см. [15]). О также входящем в ее состав форманте *-ak* см. в разделе 1.2. В удмуртских говорах, по данным [9, с. 313], *ves'ak* может развивать значения 'постоянно', 'целиком', 'прямо', причем последнее значение приписывается в словаре говоров, распространенным на территории современного Башкортостана.

В словаре литературного удмуртского языка [16] лексема *весьяк* получает дефиницию 'всегда, постоянно, всё время, целиком, всё', а ее употребление иллюстрируется примерами *весьяк огаздын улыны* 'всегда жить вместе' и *весьяклы / весьяк азелы* 'навсегда'. В литературных корпусах [16–17] также типичны примеры, где *весьяк* используется во временном значении, см. (20)–(21).

- (20) *Мон* ***весьяк*** *тоды-л-й-ø,* *со* *дор-ы* *коть-ку* *чай*
я всегда знать-ITER-PST.1SG тот сторона-ILL хоть-когда чай
юы-ны *лыкты-ны* *лу-о-з* *шуы-са.*
пить-INF прийти-INF становиться-FUT-3SG говорить-CVB
'Я всегда знала, что к ней когда угодно можно прийти попить чаю' [17: «Удмурт дунне» 2017.01.18 [2017]]
- (21) *Консерватори-ын* *но* *мон* ***весьяк*** *сыче* *уж-ен* *выр-и-ø:*
консерватория-LOC ADD я всегда такой работа-INS шевелиться-PST-1SG
факультет-а-мы, *курс-а-мы* *староста,* *профорг* *вал.*
факультет-LOC/ILL-POSS.1PL курс-LOC/ILL-POSS.1PL староста профорг быть-PST
'И в консерватории я всегда крутился в такой работе: на факультете, на курсе был старостой, профоргом' [17: «Удмурт дунне» 2007.11.16 [2007]].

Носители татышлинского говора, как правило, отвергают такие употребления, предпочитая в подобных временных контекстах адвербиалы *ättä* ‘всегда, постоянно’ и *kot' kü* ‘всегда’ (букв.: хоть когда)⁴, см. иллюстрации их употребления в (22)–(23).

- (22) *t'exn'ič'ka-jos* *ättä* *mis'kə-sa* *kəl'l'-o-zə* *val.*
 техника-PL постоянно мыть-CVB лежать-FUT-3PL быть.PST
 ‘Техники постоянно мыли [пол в школе]’ [7: SMA-12082022_NK_2_rabota]
- (23) *sobran'i-jos-əz* *kot'* *kü* *no* *ž'üs'* *kəl-ən*
 собрание-PL-ACC хоть когда ADD русский язык-INS
nuə-sa *mənə-l-is'ko-m* *val.*
 вести-CVB идти-ITER-PRS-1SG быть.PST
 ‘Собрания всегда проводили на русском языке’ [7: BHM-05082021_TD_o_sebe2]

В бесермянском диалекте удмуртского языка, по данным [18–19], лексема *ves'ak* (*veš'ak*) в транскрипции проекта, посвященного указанному идиому), используется в широком круге ситуаций: помимо контекстов движения по прямой линии (24), это и временные контексты, подобные проиллюстрированным в (20)–(21) для литературного языка, и различные употребления из фокусной и квантификационной зоны, см. (25)–(27).

- (24) *Ta* *сьорес* *вөл-ти* *весьак* *багурт-э* *мөн-ө.*
 этот дорога верх-PROL прямо Абашево-ILL идти-IMP
 ‘Ты по этой дороге прямо в Абашево иди’ [19, с. 357].
- (25) *l'og-i-ø,* *l'og-i-ø* *no,* *waš'k-i-ø* *mon* *veš'ak*
 наступить-PST-1SG наступить-PST-1SG ADD спуститься-PST-1SG я прямо
vi *prl-ə,* *sul'ep* *prl-ə* *č'ərti-jen* *č'oš.*
 вода однородная_среда-ILL шуга однородная_среда-ILL шея-INS вместе
 ‘Ступала, ступала и провалилась я прямо в воду, по самую шею в шугу’. [20: «Братья» (RSS41) [2003]].
- (26) *veš'ak* *mən-ø* *bur* *pala* *karə-sa.*
 прямо идти-IMP правый сторона.ILL делать-CVB
 ‘До конца иди по правой стороне’.
 [20: Эксперимент «Паритив (одушевленные)» (RA, TS) [2022]].
- (27) *kor-ez* *veš'ak* *š'is'm-em.*
 бревно-POSS.3SG прямо сгнить-PST2
 ‘Бревно сгнило целиком’ [18, с. 11].

В татышлинском говоре подобные примеры отвергаются. Семантика полного охвата выражается универсальными кванторными словами (пример (28), подробнее о них см. [15]) или адвербиалом *kopak* ‘полностью, совсем’ (29). Фокусные контексты эмфатического утверждения идентичности могут маркироваться частицей *ik* (30).

- (28) *gozə* *ves'* *žua-ø-z.*
 веревка весь гореть-PST-3SG
 ‘Веревка вся сгорела’.

⁴ Ко второму из указанных адвербиалов может прибавляться аддитивная частица *no*. Условия ее наличия или отсутствия требуют специального исследования.

- (29) *kor* *kopak* *s'is'm-em*.
 бревно полностью сгнуть-PST2
 'Бревно сгнило целиком'.
- (30) *so-len* *korka-jez* *n'uless* *dor-ân* *ik* *sâl-e*.
 тот-GEN дом-POSS.3SG лес сторона-LOC EMPH стоять-PRS.3SG
 'Его дом стоит прямо у леса'.

Таким образом, в других вариантах удмуртского языка, по которым имеются подробные данные, лексема *ves'ak* развивает значения из области квантификации, которая может затрагивать параметр времени (в литературном языке) и некоторые другие параметры ситуации (как полный охват объекта в бесермянском диалекте). Это соответствует внутренней форме данной единицы, образованной от универсального кванторного слова *ves'*. В бесермянском диалекте также отмечаются фокусные употребления *ves'ak* и интересующие употребления применительно к движению по прямой линии. Что касается татышлинского говора, то в нем лексема *ves'ak* связана в первую очередь с контекстами движения по прямой линии, в некоторых идиолектах также фиксируются отдельные контексты, типологически включаемые в число моделей метафорического развития лексем со значениями 'прямой'/'прямо'. Тем самым обозначение прямой линии в татышлинском говоре оказывается, по-видимому, вторичным относительно исходной квантификационной семантики лексемы *ves'ak*. Значение постоянного проявления некоторого свойства (например, осуществление ситуации в каждый релевантный момент времени в случае темпоральных адвербиалов типа 'всегда' или полный охват объекта в случае контекстов типа 'Бревно сгнило целиком') сдвигается в более узкое значение постоянного движения по прямой линии. Такая модель развития значений 'прямой'/'прямо' нетривиальна с типологической точки зрения: она не представлена ни в исследованиях [1–2], привлекающих материал различных языков и рассматривающих контексты прямой линии как исходные в модели семантической деривации, ни в типологической базе данных DatSemShift [21].

Заключение

В татышлинском говоре удмуртского языка значения 'прямой'/'прямо' выражаются лексемой *šon'er* (и ее производным *šon'erak*), а также лексемой *ves'ak*.

Лексема *šon'er* описывает прямую дорогу либо движение по ней, форму предмета, положение в пространстве. Кроме того, она передает значение 'ровный' (о поверхности), указывает на правильное выполнение действия и в субстантивном употреблении выражает значение 'правда', а также может описывать прямой (не содержащий промежуточных остановок) маршрут. Сфера употребления ее деривата *šon'erak* несколько уже и в первую очередь включает контексты прямой дороги и направленного прямо движения.

Лексема *ves'ak* также устойчиво описывает контексты прямой линии и движения в прямом направлении, в части идиолектов применяясь к положению в пространстве и форме предмета, а также спорадически используясь в отдельных контекстах, типологически относимых к числу вторичных относительно значений 'прямой'/'прямо'. При этом в литературном удмуртском языке данная лексема означает 'всегда, постоянно, все время, целиком, всё' (в корпусах фиксируются преимущественно темпоральные контексты). В бесермянском диалекте удмуртского языка, по которому имеются подробные данные, *ves'ak* как выражает значения 'прямой'/'прямо', так и используется в целом ряде квантификационных и фокусных контекстов.

С теоретической и типологической точек зрения интересно, что и у лексемы *šon'er*, и у лексемы *ves'ak* значение 'прямой'/'прямо', по-видимому, является вторично развившимся.

В базе данных DatSemShift [21] зафиксирован всего один пример вторичного развития значения ‘прямой’ (‘straight’) – из значения ‘стрела’ (‘arrow’) в случае бурятской лексемы *һомо(н)*. Поэтому наличие сразу двух лексем с вероятным вторичным развитием этого значения в татышлинском удмуртском выглядит нетривиально.

Более широкий теоретический вопрос, связанный с проведенным исследованием, касается исследовательских презумпций при изучении полисемии в лексической типологии. В качестве наиболее распространенной модели метафорического сдвига обсуждается перенос с физического свойства предмета на нефизическое свойство (ср. рус. *мягкий диван* → *мягкий человек*, *острый гвоздь* → *острый ум* и др.), см. [22–24] и др. При этом диахронический аспект развития семантического сдвига (см. обсуждение этой проблематики в [25–26] и др.) далеко не всегда принимается во внимание, поэтому модель сдвига с конкретного свойства на абстрактное может приниматься для той или иной лексемы априорно просто в силу значительной распространенности. Как показывает данный материал, конкретное физическое значение ‘прямой’/‘прямо’ оказалось вторичным относительно абстрактных значений положительной оценки и квантификации. Подобные модели семантического развития требуют более широкого исследования, а используемые в лексической типологии практики трактовки того, в каком направлении произошел семантический сдвиг, – более внимательной аргументации.

Список сокращений:

1, 3 – 1-е, 3-е лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; CVB – деепричастие; DAT – датив; DETR – детранзитивизатор; EGR – эгрессив; EMPH – эмфатическая частица; FUT – будущее время; GEN – генитив; ILL – иллатив; IMP – императив; INF – инфинитив; INS – инструменталис; ITER – итератив; LOC – локатив; NEG – отрицание; PL – множественное число; POSS – посессивность; PROL – пролатив; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PST2 – второе прошедшее время; SG – единственное число.

Список источников:

1. Cienki A. STRAIGHT: an image schema and its metaphorical extensions // *Cognitive Linguistics*. 1998. № 9–2. P. 107–149.
2. Лучина Е. С. Пути грамматикализации лексем со значением ‘прямой’. Дипломная работа. М.: МГУ, 2014. 118 с.
3. Наний Л. О. Прилагательные простейших форм и размеров китайского и русского языков в типологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 339 с.
4. Кашкин Е. В. Полисемия признаков лексем с семантикой ‘прямой’: данные горномарийского языка // *Родной язык*. 2018. № 2. С. 106–127.
5. Baidoullina A. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. *Magistritöö*. Tartu: TartuÜlikool, 2003. 160 с.
6. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // *Вопросы языкознания*. 2013. № 2. С. 3–31.
7. Корпус татышлинского удмуртского. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (дата обращения: 28.10.2023).
8. Кашкин Е. В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2013. 329 с.
9. Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. xxiv + 421 s.
10. ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевощиков. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962. 376 с.
11. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
12. Starling. Этимологическая база данных. URL: <https://starlingdb.org/> (дата обращения: 28.10.2023).
13. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. URL: <https://mv.helsinki.fi/home/rueter/PaasonenMW.shtml> (accessed on 26.10.2023).
14. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
15. Хомченкова И. А. Универсальные кванторные слова в татышлинском удмуртском. Доклад на Третьей конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 21–23 ноября 2022 г.). 23 с.

16. Udmcorpus – Национальный корпус удмуртского языка. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 28.10.2023).
17. Webcorpora – Корпуса удмуртского языка. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/> (дата обращения: 28.10.2023).
18. Козлов А. А. Бесермянский мереологический квантор *veš'ak* и история его грамматикализации. Доклад на II рабочем совещании по бесермяноведению и мордвинистике (Москва, ИЯз РАН, 27 октября 2015 г.). 21 с.
19. Усачёва М. Н., Архангельский Т. А., Бирюк О. Л., Иванов В. А., Идрисов Р. И. Тезаурус бесермянского наречия: имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан). М.: Издательские решения, 2017. 540 с.
20. Beserman multimedia corpus. URL: <http://multimedia-corpus.beserman.ru/search> (accessed on 28.10.2023).
21. DatSemShift. Database of semantic shifts in languages of the world. URL: <https://datsemshift.ru/> (accessed 31.10.2023).
22. Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Карпова О. С. Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия и ребрендинг // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 398–455.
23. Кюсева М. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Типологическая база данных адъективной лексики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: РГГУ, 2013. С. 407–419.
24. Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.) The typology of physical qualities. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2022. vi + 339 pp.
25. Zalizniak A. A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. № 50–3. P. 633–669.
26. Koch P. Meaning change and semantic shifts // The lexical typology of semantic shifts / ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. Berlin, Boston: Moutonde Gruyter, 2016. 21–66.

Кашкин Егор Владимирович.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, Москва, 119991.

E-mail: egorka1988@gmail.com

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2023 г.

E. V. Kashkin

THE CONCEPT OF 'STRAIGHT' AND ITS SEMANTIC RELATIONS IN TATYSHLY UDMURT

This article deals with the semantics of lexemes with the meaning 'straight(ly)' (e.g., about the direction of motion) in the Tatyshly subdialect of Udmurt (Peripheral-Southern dialect, Southern variety). Methodologically, the study follows the frame-based approach to lexical typology, which presupposes the investigation of lexical semantics through collocational analysis. The majority of the data was collected by elicitation in the Tatyshly district of the Republic of Bashkortostan (the villages of Nizhnebaltachevo, Staryj Kyzyl-Jar, Ivanovka, Novye Tatyshly, Starokal'mijarovo as well as Verkhnebaltachevo, Bigineevo, Aribash, Urazgil'dy). In addition, the text corpus collected in the field was used, and as a broader background, the data of some other varieties of Udmurt, mainly from dictionaries and corpora, were taken into account. The material from Udmurt is compared with typological generalizations about the lexemes with the meaning 'straight(ly)'. I show that the meaning in question in Tatyshly Udmurt can be expressed by the lexeme *šon'er* (and its derivative *šon'erak*) and by the lexeme *veš'ak*. I analyze the distributional differences between these lexemes in the contexts in which they describe a straight line with different topological properties and motion along a straight line. Their abstract uses are also systematized. I discuss the secondary development of the meaning 'straight(ly)', which is typologically sophisticated: *šon'er* is probably related to the Proto-Uralic root for 'good, healthy' (and has no obvious cognates among the lexemes referring to a straight line in other Uralic languages). At the same time, *veš'ak* is derived from a universal quantifier *ves'* borrowed from Russian. The quantificational semantics is fundamental to *veš'ak* in other Udmurt varieties for which detailed data are available. In Tatyshly Udmurt, however, it is unproductive and replaced by a narrower class of usages referring to a straight line.

Keywords: *Uralic languages, Udmurt language, Tatyshly subdialect, lexical typology, semantics, polysemy*

References:

1. Cienki A. STRAIGHT: an image schema and its metaphorical extensions // *Cognitive Linguistics*. 1998. No. 9–2. P. 107–149.
2. Luchina E. S. Puti grammatikalizacii leksem so znacheniem 'prjamoj' [Grammaticalization paths of the lexemes meaning 'straight']. Diploma paper. M.: MSU, 2014. 118 p. (in Russian).
3. Nanij L. O. Prilagatel'nye prostejsih form i razmerov kitajskogo i russkogo jazykov v tipologicheskom aspekte [Adjectives of basic shapes and dimensions in Chinese and Russian from the typological perspective]. Cand. Diss. in Philology. M.: HSE, 2016. 339 p. (in Russian).
4. Kashkin E. V. Polisemija priznakovyh leksem s semantikoj 'prjamoj': dannye gornomarijskogo jazyka [Polysemy of Hill Mari lexemes expressing the concept of 'straight'] // *Rodnoj jazyk*. 2018. No. 2. P. 106–127 (in Russian).
5. Baidoullina A. Tatyshlinskij govor udmurtskogo jazyka: fonetika i morfologija [Tatyshly subdialect of Udmurt: phonetics and morphology]. Magistr'töö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. 160 p. (in Russian).
6. Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frejmovyj podhod k leksicheskoj tipologii [Frame-based approach to lexical typology] // *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. P. 3–31 (in Russian).
7. Corpus of Tatyshly Udmurt. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/> (accessed on 28.10.2023).
8. Kashkin E. V. Jazykovaja kategorizacija faktury poverhnostej (tipologicheskoe issledovanie naimenovaniy kachestvennykh priznakov v ural'skih jazykah) [Language categorization of surface texture (typological study of terms for qualities in Uralic)]. Cand. Diss. in Philology. M.: MSU, 2013. 329 p. (in Russian).
9. Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. xxiv + 421 p.
10. GSUJa – Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Fonetika i morfologija [Grammar of contemporary Udmurt. Phonetics and morphology] / ed. by P. N. Perevoshchikov. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 376 p. (in Russian).
11. Lytkin V. I., Guljaev E. S. *Kratkij jetimologicheskij slovar' komi jazyka* [Brief etymological dictionary of Komi]. M.: Nauka, 1970. 386 p. (in Russian).
12. Starling. Etymological database. URL: <https://starlingdb.org/> (accessed on 28.10.2023).
13. Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. URL: <https://www.mv.helsinki.fi/home/rueter/PaasonenMW.shtml> (accessed 26.10.2023).
14. Majtinskaja K. E. Istoriko-sopostavitel'naja morfologija finno-ugorskih jazykov [Historical-comparative morphology of the Finno-Ugric languages]. M.: Nauka, 1979. 263 p. (in Russian).
15. Khomchenkova I. A. Universal'nye kvantornye slova v tatyshlinskom udmurtskom [Universal quantifiers in Tatyshly Udmurt]. Talk at the 3rd Conference on Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages (St. Petersburg, ILS RAS, 21–23 November 2022). 23 p. (in Russian).
16. Udmcorpus – Udmurt national corpus. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/home> (accessed on 28.10.2023).
17. Webcorpora – Udmurt corpora. URL: <http://udmurt.web-corpora.net/> (accessed on 28.10.2023).
18. Kozlov A. A. Besermjanskij mereologicheskij kvantor veš'ak i istorija ego grammatikalizacii [Beserman mereological quantifies veš'ak and the history of its grammaticalization]. Talk at the 2nd Workshop on Beserman and Mordvin studies (Moscow, IL RAS, 27 October 2015). 21 p. (in Russian).
19. Usacheva M. N., Arkhangelskiy T. A., Birjuk O. L., Ivanov V. A., Idrisov R. I. Tezaurus besermjanskogo narechija: imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan) [Thesaurus of the Beserman variety: nominals and function words (the subdialect of the village of Shamardan)]. M.: Izdatel'skie reshenija, 2017. 540 p. (in Russian).
20. Beserman multimedia corpus. URL: <http://multimedia-corpus.beserman.ru/search> (accessed 28.10.2023).
21. DatSemShift. Database of semantic shifts in languages of the world. URL: <https://datsemshift.ru/> (accessed 31.10.2023).
22. Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Karpova O. S. Semanticheskie perehody v atributivnyh konstrukcijah: metafora, metonimija i rebrending [Semantic shifts in attributive constructions: metaphor, metonymy and rebranding] // *Lingvistika konstrukcij* [Construction linguistics] / ed. by E. V. Rakhilina. M.: Azbukovnik, 2010. P. 398–455 (in Russian).
23. Kyuseva M. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. Tipologicheskaja baza dannyh adjektivnoj leksiki [Typological database of adjectival lexemes] // *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* (Bekasovo, 29 maja – 2 iyunya 2013 g.). Vol. 1: Osnovnaja programma konferencii. Vyp. 12 (19) [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference «Dialogue» (Bekasovo, 29 May – 2 June 2013, Vol. 1. Main conference programme. Vol. 12 (19)]. M.: RSUH, 2013. P. 407–419 (in Russian).
24. Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.) *The typology of physical qualities*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2022. vi + 339 p.
25. Zalizniak A. A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // *Linguistics*. 2012. No. 50–3. P. 633–669.

26. Koch P. Meaning change and semantic shifts // The lexical typology of semantic shifts / ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2016. P. 21–66.

Kashkin Egor Vladimirovich.

Candidate of philological sciences, senior research fellow.

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.

Volkhonka str., 18/2, Moscow, Russia, 119019.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: egorka1988@gmail.com

Е. В. Тюнтешева, А. А. Озонова, Н. Б. Кошкарева**РОДНАЯ ЗЕМЛЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДОВ СИБИРИ**

Рассматривается концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском, тувинском, якутском), в одном из обско-угорских языков – хантыйском, и в качестве сравнительного материала привлекаются монгольские языки. В отличие от русского языка, где концепт *РОДИНА* объединяет представления о малой родине и большой Родине как о стране, государстве, в языках Сибири концепт *РОДИНА* находится в процессе формирования во многом под влиянием русской лингвокультуры. В языковых картинах мира сибирских и монгольских народов родная земля предстает как идеализированное, освоенное предками физическое и сакральное пространство. Представления о родной земле связаны с рождением (земля, на которой родился; место захоронения последа), родством (определение родной земли как родителя – матери и/или отца; метафора связи с родной землей через пуповину), объектами, маркирующими «свое» пространство (река, гора, равнинное место с покосными угодьями, лес, родное стойбище, кочевье, очаг). Значимыми являются национально окрашенные качества, свойства, которыми наделяют родную землю носители данных лингвокультур (можжевельник, целебные источники, богатство флоры и фауны, изобилие населяющих родную землю людей и др.). Важным элементом является также эмоциональная составляющая исследуемого концепта, вербализованная яркими выразительными средствами, положительно характеризующими родную землю. Выделяются общие и этноспецифичные черты данного концепта в рассматриваемых языках. Так, универсальным является определение родной земли как места, где родился и вырос человек; представление о родстве человека со своей землей; сакрализация «своего» пространства; обязательное наличие водного объекта. Отмечаются некоторые общие черты между описанием Алтая в языковых картинах мира алтайцев и монгольских народов (устойчивые эпитеты ‘священный’, ‘золотой’, ‘целебный’ и др.). Уникальными являются, например, соматизмы и глаголы в разных тюркских языках, которые характеризуют родную землю как антропоморфное существо и др.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, хантыйский язык, монгольские языки, языковая картина мира, концепт, лингвокультура, лексика

Введение

Концепт *РОДИНА* относится к числу универсальных. В разных языковых картинах мира он либо объединяет понятия «большой Родины» как государственного объединения народов и «малой родины», места, где родился и вырос человек, либо в нем акцентируется представление о «родной земле». Для языков коренных народов Сибири общей чертой является концептуализация родной земли. Как показало исследование, концепт *РОДИНА* (большая Родина) в этих языках формируется во многом под влиянием русской лингвокультуры [1]. Неслучайно в исследованиях сибирских языков описываются, как правило, репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* [2–7].

В данной статье анализируется концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в тюркских языках Сибири (алтайском, хакасском, тувинском, якутском) и в одном из обско-угорских языков – хантыйском. Для сравнения привлекается материал монгольских языков (бурятского, калмыцкого и монгольского).

В языковых картинах мира сибирских и монгольских народов выделяются представления о родной земле, связанные с рождением, родством, объектами, маркирующими «свое» пространство, а также признаками, качествами, которыми наделяют родную землю носители данных лингвокультур. Концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* реализуется в физической сфере как представление об обжитом человеком пространстве, так и в сакральной сфере, в которой родная земля становится объектом почитания и наделяется священным статусом.

1. Репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в языках коренных народов Сибири

В тюркских языках Сибири и в монгольских языках концепт *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* представлен большим количеством репрезентантов (слов и устойчивых сочетаний), которые различа-

ются функциональными и сочетаемостными возможностями. В хантыйском языке таких репрезентантов немного.

В тюркских языках и в хантыйском обозначением родной земли является существительное со значением ‘земля’: алт. *жер* ~ хак. *чир* ~ тув. *чер* ~ як. *сир*, хант. *мўв* ‘земля’, а также парные слова и устойчивые сочетания, такие как хак. *чир-суз* ‘земля-вода’, тув. *чер-чурт*, хант. *мўв-йишук* ‘земля-вода’ и др.

Некоторые тюркские народы используют в этом значении также общетюркские лексемы *чурт* ‘стойбище, земля рода; родина’ и *эл* ‘родина; страна; народ’. Кроме того, в значении ‘родная земля’ употребляются такие этноспецифичные слова, как як. *алаас* ‘чистое поле или луг, окруженное(-ый) лесом; чистая поляна среди леса (обычно с озерком посередине); родная земля’, тув. *оран-таңды* ‘высокогорная тайга; родная земля’ и алт. *Алтай*.

В хантыйском языке существительное *мўв* ‘земля’ употребляется с уменьшительно-ласкательным суффиксом =*ийэ*, что указывает на привязанность говорящего к родной земле, эмоциональное отношение к ней: хант. *Имэлтыйән на ши мўвийем нәмән торһәллә, йишкийем нәмән мәрһәлтлә* [8, с. 533] ‘Вдруг опять **земелька=моя** трясется, **водичка=моя** гремит’.

В тюркских языках Сибири использование слова ‘земля’ в значении ‘родина’ с уменьшительно-ласкательным аффиксом встречается только в хакасском: *чиріңеєм* ‘родина моя’ (букв.: земляца=моя).

Важная общая черта исследуемых языков, сохранившаяся с древних времен, – использование для обозначения родины парного слова ‘земля-вода’ или употребление лексем ‘земля’ и ‘вода’ в конструкциях с параллелизмом: др.-т. *jerim subum* (букв.: земля=моя вода=моя) [9, с. 257]; хак. *чир-суз* ‘родная земля’ и ‘большая Родина’.

алт. *Јерлү кижи јерине јанар, суулу кижи суузына јанар* ‘Человек, имеющий землю, на свою землю возвращается, человек, имеющий реку, на свою реку возвращается’; хак. *Хайдаг чирде чирлігизің, хайдаг сугда суглыгызың?* ‘Где твоя родина, откуда ты родом?’ (букв.: в какой земле с землей ты, в какой реке с рекой ты) [10, с. 969–970].

В. А. Бурнаков указывает на то, что лексема *суз* ‘вода’ как важнейший маркер родного края в хакасском языке может выступать «не только в паре с землей/горой, но еще и самостоятельно» [11, с. 95]: *өскен-төрөн суз* ‘место (букв.: река), где родился и вырос’, *пир суз чон* ‘люди одной местности/реки’ и т. д. Как отмечает Н. А. Тадина, при знакомстве алтайцы называют не только свое имя, свой род, имена своих родителей, но и реку, в долине которой они выросли [12, с. 152]: алт. *Бис Урсул ичининг улүзы* ‘Мы из долины [реки] Урсул’. У хакасов такая формула речевого этикета встречается в фольклоре: хак. *Хайдаг чирдең, хайдаг сугдаң пол пардың?* [13, с. 58] ‘Из каких земель, из каких рек ты?’.

Аналогичное представление о родной земле-воде имеется и в языковой картине мира монгольских народов: калм. *һазр-усн* ‘малая родина’ (букв.: земля-вода) [14, с. 42]. По замечанию Д. Санжиной, у монголоязычных народов одной из важнейших морально-этических заповедей является *газар уһаа бузарлажа болохо үгы* ‘нельзя осквернять свои земли и воду’ (букв.: землю-воду, где родился) [15, с. 1488].

В южносибирских тюркских языках важность таких атрибутов родины как земля и вода подчеркивается также специальными глаголами: *чирсі-* ~ *черси-* (букв.: скучать по земле), *сухса-* ~ *суқсы-* (букв.: хотеть воды) ‘хотеть на родину’ < *чир* ~ *чер* ‘земля’ < *суз* ‘вода’ + афф. -*сы* с дезидеративным значением: хак. *Тойы-пайы иртіп парғанда, черліг кізі чирсін, суглыг кізі сухсып, нанаап парыпсан* ‘После того как свадьба-пир завершилась, имевшие землю **по своей земле тосковать** стали, имевшие воду своей **воды жаждать** стали – обратно домой уехали’; алт. *Јерим бар деп јерсин тур, / Суум бар деп суузан тур* ‘Говоря «есть у меня земля», **люби свою землю**, / Говоря «есть у меня река», **люби свою реку**» [16, с. 229].

В хантыйском языке в значении ‘родная земля’ также используются парные слова *мўв-йишук/йишук-мўв* ‘земля-вода/вода-земля’ и параллельные конструкции с обоими этими словами:

хант. *Тәм мўвс-йиукем пила ат вөллэм* ‘Пусть я буду жить на своей родной земле (букв.: с этой моей **землей-водой**)’ [8, с. 321–322]; *Щи вўш, мәнәтән, нын па нын мўвән, нын па нын йиукән* [17, с. 109] ‘Довольно, езжайте на вашу **землю**, на вашу **воду**’.

Параллелизм может устанавливаться также и между водой и лесом как неотъемлемым атрибутом земли: хант. *Мўн ци, тәм йиук мўвэв, вонт мўвэв өхтйән көщайа вөллэв* [18, с. 29] ‘Мы здесь, на этой **водной земле**, **лесной земле** являемся хозяевами’.

Указание на родное таежное пространство имеется и у хакасов: *тайга суэ* ‘тайга река’ [11, с. 95].

У тюрков Южной Сибири еще одним маркером родной земли является гора, которая играет очень большую роль в традиционных представлениях, что отражено и в языке, и в фольклоре, и в обрядовой практике. Часто в контексте ‘гора’ и ‘река’ употребляются вместе как атрибуты «своего» пространства: хак. *Чабыс таа полза, таам пар. / Тайыс таа полза, суум пар* ‘Хоть и низкая, [у меня] **гора** есть / Хоть и мелкая, [у меня] **река** есть’ (т. е. есть своя родина).

Алтайское обращение к родной земле – *агаш-тажым* ‘леса и горы мои’ (букв.: деревья-камни=мои). Горы – символ Алтая, что отражается в названии *Туулу Алтай* ‘Горный Алтай’. В фольклорных текстах, благопожеланиях, песнях используются устойчивые обороты, в которых алтайские горы сравниваются с предметами конской упряжи: *камчы сынду Алтай* ‘с хребтами, как плетъ, Алтай’, *кејим сынду Алтай* ‘с хребтами, как подседельник, Алтай’, *токум сынду Алтай* ‘с хребтами, как потник, Алтай’ и др.

В эпосе монгольских народов *Алтай* «обозначает свое, родное пространство, куда входят и земля, и гора» [19, с. 166].

Компонент, обозначающий высокую гору, цепь высоких гор, входит в наименование родной земли у тувинцев: *оран-таңды* < монг. *орон* ‘страна, государство; край; местность’ и *таңды* ‘высокая гора с лесами, ледниками, вершина, которая первой встречает утреннюю зарю; цепь высоких гор’ [20, с. 193]. *Таңды* – один из девяти традиционных сакральных объектов, которым поклонялись тувинцы. Старое название Тувы *Таңды-Тыва* также включало этот компонент.

В фольклоре тюркских народов Сибири прослеживается представление о горе как о родителе. Так, главный герой алтайских эпических сказаний или сказок своим отцом называет гору (*Ак Сүмер* ‘Белый Сумер’), а матерью – реку, озеро (*Агын суу* ‘текущая река’, *Ак-Сүт көл* ‘Белое молочное озеро’). В хакасской мифологии гора «представлялась плодоносящим центром, с которым связано происхождение рода и каждого его нового члена» [21, с. 36]. В хакасском эпосе «Алтын-Арыг» внутри скалы рождается богатырка: хак. *Ах хаяның істінде / Позы төреен Алтын-Арыг* ‘Внутри Белой скалы [и вправду] / Сама по себе Алтын-Арыг родилась’ [22, с. 57, 299].

У якутов, напротив, архетипом родины как идеального пространства выступает *алаас* – одно из «главных понятий в культуре народа саха» [23, с. 213], которое связано с равнинным ландшафтом. Уникальный природный ландшафт аласов, включающий сенокосные угодья, озера и леса – подходящую местность для охоты и собирательства, обеспечивал жизнедеятельность всего рода [23, с. 207].

Таким образом, к обязательным атрибутам родной земли относятся такие географические объекты, как водоемы и горы, наделяемые сакральной значимостью. У якутов, как и у хантов, представление об идеальном пространстве связано с равнинным ландшафтом.

2. Родная земля как место рождения и упокоения человека

«Своя», родная земля в рассматриваемых лингвокультурах – это место, где человек родился и вырос, что вербализуется репрезентантом концепта – конструкцией типа «глагол ‘родиться’ и/или ‘вырасти’ в причастной форме + существительное ‘земля’»: хак. *төрөн чир*, тув. *төрээн чер*, як. *төрөөбүт сир* ‘земля, где родился; родина’; алт. *туулган јер* (высок.), алт. *Чыккан јер* ‘место, где родился (вышел)’; алт. *өскөн-чыккан јер/чыккан-өскөн јер* ‘земля,

где вырос-родился / где родился-вырос, родина'; алт. *чыккан-чыдаган јер*, як. *төрөөбүт-үөскээбит сир* 'земля, где родился-вырос'; хак. *өскен төрен чир*, тув. *өскен-төрээн чер* 'земля, где вырос-родился'; хант. *сема питум мўв (тăхи)* 'земля (место), где родился' (букв.: на глаза появился), *енмам мўв* 'земля, где вырос'; калм. *төрсн һазр* 'земля, где родился' [15, с. 42]; бур. *турэһон газар* 'родная земля; родина' (букв.: земля, где родился).

Существуют также специфичные сочетания, обозначающие рождение человека на своей земле: як. *күнү көрбүт сир* 'место, где родился' (букв.: место, где увидел солнце); хант. *сема питум мўв (тăхи)* 'земля' (место), где родился (букв.: на глаза появился); монг. *унасан газар* 'родная земля' (букв.: земля, где упал).

В тюркской лингвокультуре связь человека с родной землей усиливается посредством традиционной метафоры пуповины, которая от рождения связывает человека с тем местом, где он появился на свет: алт. *кин Алтай* 'пуповина Алтай' (традиционное обращение к Алтаю); *Эне јер, киндик тудуш јер* [24, с. 179] 'Родная земля, земля, с которой связана пуповиной'; хак. *Полган на чонның кині пос чиринең палгалыстың* [25, с. 102] 'У любого народа пуповина связана с его родиной'; тув. *Кижиниң хини төрээн чери-биле тудуш* 'Пуповина человека связана с родной землей'.

У монгольских народов важнейшим маркером родовой территории являются места захоронения последов (*тоонто*) детей, посещаемые и почитаемые ими. *Тоонто* стало обозначением и малой родины, места рождения человека (*тоонто газар*) [2, с. 127; 15, с. 1491].

Почитание последа есть и в культуре обско-угорских и самодийских народов [26, с. 78].

Для тюркских народов родина – это также место, где человек стремится окончить свои дни: хак. *Өлген сөөгім кизи чирінде чатпазын, чирі-суума читірін* [13, с. 65] 'Пусть мое умершее тело не лежит на чужой земле, пусть доставят на родину мою'.

В тувинском языке выражение *төрээн черинге сөөгүн салыр* 'класть кости на родной земле' используется в речи пожилых людей, предчувствующих свой скорый уход. Алтайцы говорят *јери тартып јат* 'родина зовет' (букв.: тянет) о сильной тоске человека по родной земле, особенно в пожилом возрасте. У хакасов одно из названий неприкаянных посмертных душ – *хубай* – душа погибшего вдали от родной земли человека [27, с. 192].

Таким образом, через представление о родине как месте рождения и упокоения человека концепт **РОДНАЯ ЗЕМЛЯ** связан с такими центральными для любой лингвокультуры концептами, как **ЖИЗНЬ** и **СМЕРТЬ**.

3. Персонафикация родной земли

Идея родства человека с землей, на которой он родился, представленная через ассоциацию ее с родителями (матерью и/или отцом), имеется во всех рассматриваемых лингвокультурах и, по-видимому, универсальна (ср. рус. *Родина-мать*, нем. *Vaterland*). У сибирских тюрков образ родной земли может ассоциироваться как с матерью, так и с отцом, а также с обоими родителями, у хантов же только с матерью: алт. *эне јер* 'родина, родные места' (букв.: мать земля); хак. *ада-ине чирі* 'родина' (букв.: отца-матери земля), *ада чирі* 'родина, родные места' (букв.: отца земля), *инее чирі* 'родина' (букв.: матери земля); тув. *ие чер* 'мать-земля', *ада чер* 'отец-земля', *ада чурт* 'отцовская земля, родина'; як. *ийэ сир* 'мать-земля, родина, родная страна'; *аҕа дойду* 'родная земля, отечество'; хант. *мўв ауки* 'мать-земля'.

В представлениях многих тюркских народов родная земля выступает как персонафицированная сущность. Так, в хакаской языковой картине мира у родной земли, как и у человека, есть сердце, печень, грудь: хак. *Порчозы нымырт агастың / Парчан сулганча чир көксін* [28, с. 23] 'Цветы черемухи полностью покрывают **грудь земли**'; *Чирім наары-хойнында, / Тус-чылларның хучаанда / Полностью чоным чахсы сарназын...* [28, с. 16] 'На земле моей (букв.: **земли печень-пазуха**) в объятиях времени и годов / Пусть народ мой хорошо живет...'

В хакасской языковой картине мира родная земля обладает душой и дыханием: ...*Kör-zinнер ибiркiзiн, көрзiннер постарынның чир-суун, чир-сууның тынызын, аның ағыриин сизiнзеннер, чир-сууның сiлиин көрзiннер* [25, с. 34] ‘...Пусть [они] видят окружающий мир, пусть видят свою родину, **дыхание своей родины**, пусть замечают ее боль, пусть видят красоту родины’.

По представлениям алтайцев, Алтай – живое существо, он слышит, видит, к нему обращаются с просьбой и ожидают от него защиты: *Кайран алтайым, туулган јерим, бир алкыжын бер!* [24, с. 140] ‘Родной мой **алтай**, родная земля, дай мне свое благословение!’.

Персонализация Алтая подчеркивается наличием у него человеческих частей тела: алт. *Колтыгына кондырган, / Койнына сыгындырган* [29, с. 54] ‘В своих подмышках позволял ночевать, / За пазухой позволял охотиться на косуль’.

Таким образом, родная земля предстает в облике самых близких человеку людей – отца и матери, а также высших сущностей, основной функцией которых является защита людей, обеспечение их благоденствия.

4. РОДНАЯ ЗЕМЛЯ как освоенное пространство (физическая сфера)

Родная земля в языковой картине мира сибирских народов предстает как «свое», обжитое человеком пространство, территория его проживания.

Как в тюркских языках, так и в хантыйском для обозначения малой родины используется лексема со значением ‘земля’ с аффиксами принадлежности и в сочетании с местоимением ‘свой’: алт. ...*эмди мен катап ла јеримде* [30, с. 86] ‘...теперь я снова на родине (букв.: **на своей земле**)’; хак. *Анда пістің чирнің үчүн паза чонның чуртазы чарых ползын тіп, сурынарға кирек теен* [31, с. 38] ‘[Она] сказала, там нужно молиться за **нашу землю** (родину), чтобы жизнь народа была светлой’; як. *Сирим-буорум иннигэр / Сэрииһитинэн сырыттым, / Сэрииһитинэн барыабым / Силлиэ түһэр күнүгэр* [32, с. 37] ‘Ради Родины (букв.: **земли=моей-почвы=моей**) / Я был солдатом, / Уйду солдатом / В день, когда поднимется буря’; хант. *Мүвев мўн иса мосман тайлэв* ‘**Землю нашу** (родину) мы всегда бережем’ [33, с. 161].

Из монгольских языков такое наименование родной земли встречается в калмыцком: *Күлг ижлэн хээдг, күн һазран сандг* ‘Скакун рвется к своему табуноу, человек тоскует по родному краю’ (букв.: **по своей земле**)’ [14, с. 43].

В тюркской лингвокультуре родная земля ассоциируется с родным стойбищем, домашним очагом. В тувинском и хакасском языках в значении ‘родина’ используется общетюркское многозначное слово *чурт* ‘деревня, стойбище, дом, семья’ и включающие его парные слова (тув. *чурт, чер-чурт* ‘земля-малая родина’, хак. *чурт-суз* ‘земля, родина’). Смысловая структура слова *чурт* в тюркских языках показывает связь понятия ‘родина’ с родным для человека стойбищем, местом проживания его родоплеменной группы. Эта связь прослеживается и в парном слове як. *сирим-уотум* ‘место жительства и окружающая среда’ (букв.: моя земля, мой огонь), которое из рассматриваемых языков встречается только в якутском.

Родная земля человека – это земля, освоенная предками, место, где живут его родные: алт. *Адам жүрген Алтайым! / Энем жүрген Алтайым!* ‘Мой Алтай, где отец мой ходил / Мой Алтай, где мама моя ходила’, *малдап баскан Алтайым* ‘мой Алтай, где я пас скот’; хант. *Тят оpraśław-śaśiləw kaslijəт mїw, xoti mїŋ jel mālew* ‘Это земля предков (букв.: прадедов-бабушек), по которой они кочевали, как мы можем ее отдать’ [34].

5. Сакральная составляющая концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Сакрализация родной земли относится к лингвокультурным универсалиям. Это, в частности, отражают такие эпитеты родной земли, как ‘священный’, ‘божественный’ и т. п.,

например: хак. *Пу ызых чир. Прай тиксі Хакасия* [25, с. 55] 'Это священная земля. Вся наша Хакасия'.

В лингвокультуре алтайцев Алтай занимает центральное место, является ее «ключевой идеей» и играет определяющую роль для этнической идентификации. В алтайской языковой картине мира Алтай предстает как Бог, который защищает, оберегает, благословляет, кормит свой народ: алт. *Бускаланг чак тужунда / Тыныбыс алган Алтайыс!* [29, с. 51] 'В смутный век / Жизнь нашу спасший наш Алтай!'.

Обожествление родной земли-Алтая ярко проявляется у алтайцев, которые называют своим богом *Алтай Кудай* 'Алтай бог'. Божеством Алтай-Кудай в начале XX в. было замещено более древнее божество *Јер-Суу* (букв.: земля-вода) [35, с. 6]. Божество древних тюрков *Jersub*, по-видимому, также было связано с родной землей.

Почитание и обожествление Алтая отмечается у тувинцев Монголии и Китая, у монгольских племен (дорбетов, захчинов и ойратов), проживающих в Монголии. Алтай для них является «синонимом исторической родины, родовой территории, родной земли и священным местом их поклонения» [36, с. 27]. В народных песнях ойратов в качестве идеализированной сакральной родины выступает Алтай: «Алтайский хребет зачастую называют кочевьем отца и матери» [37, с. 17]. В фольклоре калмыков Алтай – сакральное пространство, далекая историческая родина [19, с. 166, 248]. Следы почитания Алтая сохранились в фольклоре тувинцев Республики Тыва и у бурят.

Неотъемлемыми компонентами «своего» пространства выступают также духи – хозяева родной земли, являющиеся ее покровителями: хак. *Пістің чирібіс-суубыс піледірзер: улуз хагбалыг чир* [13, с. 60] 'Наша родина, знаете вы: земля с великими духами'; тув. *Өскентөрээн черинге чалбарып, дораан саң салган, чер ээзинге аъш-чеминиң дээжизин тавыскалаан* [38, с. 90] 'Родной земле молясь и прося милости, сразу разожгли огонь для обряда окуривания, преподнесли хозяину земли самое лучшее из еды'; як. *Хата дойдум иччилэрэ харааннаан, сэрэтэн эттэхтэрэ буолуо дии санаан бэйэтин уоскутунар* [39, с. 33] 'Наверное, духи родины сказали, чтобы защитить, предупредить, – подумав, успокаивал он себя'; хант. *Łonxław omæsti jeməŋ m̥wew, oprasław-śasıləw uləm rut m̥wew, xolsa xuwłəm semli-wenšli otət elti sajlaləw* 'Священную землю, где боги наши сидят, родную землю, где предки (букв.: прадеды-бабушки) наши жили, защищаем от откуда-то всплывших слепых-бессовестных (букв.: без глаз – без лица) людей'.

6. Признаки, которыми наделяется родная земля, в лингвокультуре сибирских народов

Важная составляющая концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* – свойства, качества, которыми наделяют свою родину данные языковые коллективы. Этноспецифичные черты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* проявляются в национально окрашенных маркерах своей земли, значимых с точки зрения этноса.

Общим для тюркской и монгольской лингвокультур является представление о целебности родной земли: алт. *Алтай кижиге јери де эм* [24, с. 179] 'Алтайцу даже родная земля лекарство'; калм. *Урһсн һазрин усн аршан, төрскн һазрин шора эм гидг* 'Говорят, вода родины – аршан, пыль родины – лекарство' [14, с. 43].

Устойчивые эпитеты Алтая у алтайцев – *аржан суулу* 'с целебными источниками', *эмдү-томду* 'с лекарственными травами'; *артыш/арчын јытту* 'с можжевельным запахом' и др.

Выявляются общие тюрко-монгольские устойчивые эпитеты Алтая: алт. *Кан Алтай, бай Алтай* 'священный Алтай'; тув. цэнг. *Довураанга тодурган, / Балгажынгa байыткан бай Ал-дайым!* 'Своей землей нас насытивший, / Грязью нас обогативший, мой **богатый Алтай!**' [36, с. 28]; монг. *Ийм л сайханбаян / Хүдэр, хүрэн / Хан Алтай Хангай / Хоёр нутаг минь* 'Такие красивые **богатые** / Мощные, темные / **Хан Алтай** Хангай / две родины мои' [40, с. 168].

Слово *бай* в алтайском языке имеет значения ‘богатый’ и ‘священный’. Возможно, тув. *бай* и монгольское *баян* при названиях *Алтай* и *Хангай* также обозначают не просто богатство этих земель, а их сакральность.

Одной из распространенных метафор, сопровождающих образ Алтая в песенном и поэтическом творчестве западных монголов, является *алтан нутаг* ‘золотое кочевье’, при этом с помощью эпитета *алтан* ‘золотой’ «в архетипическом сознании характеризуется качественная структура мира. Эпитет “алтан” всегда связан с верхом и вертикалью». Это значение усиливается за счет прилагательного *богдын* ‘священный’ и существительного *орой* ‘вершина’ [37, с. 17–23].

У алтайцев один из эпитетов Алтая в фольклорных текстах также включает слово ‘золотой’: *Алтын сынду Алтай* ‘с золотыми хребтами Алтай’.

У хантов описание родной земли сопровождается упоминанием об изобилии населяющих ее людей, богатстве флоры и фауны: хант. *Najijen šöräs teləŋ tıw* / *Xqjijen šöräs teləŋ tıw* ‘Сотнями женщин полная земля, / Сотнями мужчин полная земля’ [41, с. 255, 256]; *Ай лүк пуны щүньэу мўвны*, / *Няу щи енмийийэджмэн?* / *Ай пеши пун щүньэу мўвна* / *Няу щи енмийийэджмэн?* [42, с. 108] ‘Перьями маленьких глухарей изобильная счастливая земля, / На ней ты вырос? / Шерстью маленьких оленят изобильная счастливая земля, / На ней ты вырос?’.

Таким образом, в каждом языке отмечаются свои, особенные признаки, свойства, характеризующие родную землю. Наблюдаются некоторые общие черты между описанием Алтая в языковых картинах мира алтайцев и монгольских народов (устойчивые эпитеты ‘священный’, ‘целебный’ и др.).

Заключение

У сибирских, а также монгольских народов в представлениях о родной земле выявляется много общего при наличии также некоторых этноспецифичных черт данного концепта.

Основные репрезентанты рассмотренного концепта – это слова с общим значением ‘земля’, подчеркивающие связь с тем физическим пространством, в котором обитает человек. Родная земля представляется как место, где человек родился и вырос, земля, освоенная предками, где живут родители, родственники; на родной земле обитают духи-хозяева, ее покровители. У тюркских народов подчеркивается, что на родине нужно окончить свои дни и быть похороненным.

Универсальным является представление о родстве человека со своей землей. Родина выступает в качестве родителя, с которым человек связан и физически (у тюркских народов – как с матерью через пуповину), и эмоционально. В тюркской языковой картине мира образ родины персонифицирован: частотными являются сочетания репрезентантов концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* с разнообразными соматизмами, уникальными для разных языков.

«Свое» пространство отмечается в рассматриваемых лингвокультурах такими маркерами, как река (у тюрков, монгольских народов и хантов), гора, родное стойбище, кочевье (у тюрков и монгольских народов), алас и очаг (у якутов), лес (у хантов), место захоронения последа (у монгольских народов).

Важная универсальная черта в лингвокультурах разных этносов – богатая палитра выразительных, эмоционально окрашенных средств, которыми сопровождаются репрезентанты концепта *РОДНАЯ ЗЕМЛЯ* в текстах: во всех сферах родной земле приписываются лучшие, самые высокие отличительные признаки. Это священное, сакральное пространство (во всех лингвокультурах), она целебна, целебны ее источники (у тюркских и монгольских народов) и травы (у алтайцев).

Представления о родной земле в языковой картине мира, фольклоре и обрядовой практике играют важнейшую роль в этнической самоидентификации и формировании общекультурных ценностей.

Список условных сокращений:

алт. — алтайский язык; др.-т. — древнетюркский язык; калм. — калмыцкий язык; монг. — монгольский язык; тув. — тувинский язык; хак. — хакасский язык; хант. — хантыйский язык; цэнг. — цэнгельский говор тувинского языка (Северо-Западная Монголия); як. — якутский язык.

Список источников:

1. Тюнтешева Е. В., Байыр-оол А. В., Озонова А. А., Шагдурова О. Ю., Тазранова А. Р., Федина Н. Н., Кошкарева Н. Б., Невская И. А., Шенцова И. В., Горбунова В. А., Стручкова Я. В. Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.
2. Содномпилова М. М. Концепт родина в культуре монгольских народов // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 124–134.
3. Голикова Т. А. Этнокультурологическое содержание концепта «Алтай»: материалы к словарю // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы IV Международных Березинских чтений. Вып. 14. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. С. 47–55.
4. Дьячковский Ф. Н., Попова Н. И. Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 58–66.
5. Чугунекова А. Н. Концепт ЧИР ('земля') в языковой картине мира хакасов // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 338–342.
6. Боргоякова Т. Г. Человек и его пространство в хакасском языковом сознании // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 3 (17). С. 50–57. doi: 10.23951/2307-6119-2017-3-50-57
7. Монгуш А. А., Бавуу-Сюрюн М. В. Лексические репрезентации концепта «Родина» в стихотворных текстах тувинских писателей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (40). С. 106–117.
8. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект): Более 9 000 слов. / под ред. А. А. Бурыкина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
9. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Хакасско-русский словарь / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
11. Бурнаков В. А. Вода в традиционном мировоззрении хакасов: образ и символ (конец XIX – середина XX в.) // Народы и религии Евразии. № 3 (20). 2019. С. 86–100.
12. Тадина Н. А. Река как образ родины у алтайцев // Реки и народы Сибири: сб. научных ст. СПб.: Наука, 2007. С. 151–159.
13. Күмүс абдырачах. Хакас чоңының нымахтары паза кип-чоохтары. Серебряная шкатулка: хакасские народные сказки и легенды. Абакан, 2018. 106 с.
14. Есенова Т. С. Лингвокультурный концепт «Родина» в языковом сознании русских и калмыков // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2009. № 3 (31). С. 38–44.
15. Санжина Д. Д. Земля в языковой картине мира монголоязычных народов. URL: <http://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/SANJINA-Darima-SANJINA-Дарима-Земля-в-языковой-картине-мира-монголоязычных-народов.pdf> (дата обращения 10.10.2023).
16. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеплеукаасöстөр). Новосибирск, 2010. 268 с.
17. Сказки Гришкина Геннадия Григорьевича / пер. с хантыйского языка П. Т. Тарлина. Ханты-Мансийск, 2012. 132 с.
18. Невероятные истории из жизни казымских ханты / сост. Е. Д. Каксина. Вып. 1. Ханты-Мансийск, 2018. 60 с.
19. Хабунцова Е. Э., Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э. Топонимы в фольклорном тексте калмыков // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 242–257.
20. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2006. 232 с.
21. Бурнаков К. С. Горы – неотъемлемая часть концепта «Родина» в этнической культуре хакасов // Вестник современных исследований. № 1.1 (28). 2019. С. 34–37.
22. Алтын Арыҕ. Алыптыҕ ныхах. Богатырские сказания, записанные от С. П. Кадышева. Абакан, 1987. 232 с.
23. Савицкая С. В. Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) // Вопросы психолингвистики. 2017. № 1 (31). С. 203–216.
24. Маскина Ж. Јүрүмнің журуктары. Горно-Алтайск, 2002. 184 с.
25. Чебодаева Л. И. Ыбекелернің чолларыңча. Уклинча уучаның чоохтары. По дорогам предков. Рассказы бабушки Уклинчи. Абакан, 2011. 194 с.
26. Сподина В. И. Ценностные характеристики «своей земли» в традиционной культуре коренных народов Югры как маркер этнической идентичности // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 328. С. 77–80.

27. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Лаборатория этнографии НИЧ ХГУ, 1999. 240 с.
28. Хакас чонның хынчатхан сарыннары. Любимые песни хакасского народа. Сборник песен на хакасском языке. Аҕбан, 2019. 68 с.
29. Алтай алкыштар: Алтай албытынын оос творчествозы / сост. Е. К. Укачина, Е. Е. Ямаева. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 1993. 144 с.
30. Кокышев Л. Юс письмо. Горно-Алтайск, 1990. 208 с.
31. Чебодаева Л. И. Обекелер чолларынча. Айолка оолахтың чарых түстөрү. По дорогам предков. Светлые сны мальчика Айолки. Абакан, 2018. 60 с.
32. Хотугу сулус: [сахалыы тылыннан уус-уран литературнай уонна общественно-политической сурунаал]. Якутская, 1947. No.5 (23). 125 с.
33. Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом “Новости Югры”», 2012. 207 с.
34. Шиянова А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта). Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2015. 156 с.
35. Тюхтенева С. П. Земля. Вода. Хан Алтай: этническая культура алтайцев. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. 169 с.
36. Дампилова Л. С., Юша Ж. М. Мифологический образ хозяина Алтая: функции и семантика // Сибирский филол. журнал. 2021. № 1. С. 24–36. doi: 10.17223/18137083/74/2
37. Белокурова С. М., Мушникова Е. А. Концепт «Родина» в монгольской лингвокультуре // Барышникова Н. Г., Белокурова С. М., Двоежанова Н. Г., Капустина Е. А., Карагодин А. А., Карагодина И. А., Киба О. А., Мушникова Е. А., Стенина В. Ф. Лингвокультурологический подход в контексте развития трансграничного сотрудничества Большого Алтая. Барнаул: Изд-во «Алтайский дом печати», 2018. С. 17–22.
38. Кудажы К-Э. К. Уйгучок Улуг-Хем: роман. Кызыл том. Кызыл: ТывНУЧ, 2002. 376 с.
39. Чолбон: [уус-уран литературнай уонна общественной-политической сурунаал]. Дьокуускай, 2015. № 9. 96 с.
40. Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Чулуун З. Топоним Алтай в мотиве пути в эпосе монгольских народов // Oriental Studies. 2018. Vol. 39. Iss. 5. С. 166–173.
41. Сказки, песни хантов полноватского Приобья / сост. Т. Р. Пятникова, Р. К. Слепенкова. Ханты-Мансийск: Ижевск, 2016. 344 с.
42. Земля кошачьего локотка. Кань куншолан / сост. Т. А. Молданов. Вып. 5. Ханты-Мансийск, 2010. 202 с.

Тюнтешева Елена Валерьевна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Озонова Айяна Алексеевна

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: ajanao@mail.ru

Кошкарёва Наталья Борисовна.

Доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 января 2024 г.

E. V. Tyunteshva, A. A. Ozonova, N. B. Koshkarev

HOMELAND IN THE LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD IN SIBERIAN LANGUAGES

The following article analyzes the concept of *HOMELAND* in the Siberian Turkic languages (Altai, Khakas, Tuvan, Yakut) and Khanty (an Ob-Ugric language), in contrast to the Mongolian languages. Compared to Russian, where *HOMELAND* encompasses the ‘small homeland’ and the ‘large homeland’ as a state, the concept of *HOMELAND* is still developing in the Siberian languages, partly under the influence of Russian linguaculture.

In the Siberian and Mongolian linguistic images of the world, the homeland is represented as an idealized space (both physical and spiritual) conquered by the ancestors. The notion of homeland is associated with birth (the land where a person was born and their afterbirth was buried), kinship (homeland as a parent, metaphorical connection with the homeland through the umbilical cord), objects that mark one's 'own' space (rivers, mountains, meadows, forests, campsites, hearths). Also important are the national characteristics and qualities attributed to the homeland by native speakers (junipers, healing springs, richness of flora and fauna, abundance of people). Emotional components of the concept are also essential and are verbalized through expressions that positively characterize the homeland. We distinguish common and unique national features of the concept of *HOMELAND* in the languages mentioned above. For example, *HOMELAND* is defined in all languages as the land where someone was born and raised; the idea of kinship with the land is also universal, as is the sacralization of space and the presence of a body of water. In the descriptions of the Altai, certain similarities can be found between the linguistic worldviews of Altaic and Mongolian (frequent epithets such as 'sacred,' 'golden,' and 'healing'). Certain unique somatisms and verbs characterizing the homeland as an anthropomorphic being are found in different Turkic languages.

Keywords: *Siberian Turkic languages, Khanty language, Mongolian languages, linguistic worldview, concept, linguaculture, lexis*

References:

1. Tyuntesheva E. V., Bayyr-ool A. V., Ozonova A. A., Shagdurova O. Yu., Tazranova A. R., Fedina N. N., Koshkareva N. B., Nevskaya I. A., Shentsova I. V., Gorbunova V. A., Struchkova Ya. V. *Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri* [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. Novosibirsk: Akademizdat, 2021. 300 p. (in Russian).
2. Sodnompilova M. M. Kontsept rodina v kul'ture mongol'skikh narodov [The concept of Homeland in the culture of the Mongolian peoples] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2007. No. 3. P. 124–134 (in Russian).
3. Golikova T. A. Etnokul'turologicheskoe sodержanie kontsepta «Altay»: materialy k slovaryu [Ethnocultural content of the concept «Altai»: materials for the dictionary] // *Yazykovoye bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty: materialy IV Mezhdunarodnykh Berezinskiykh chteniy* [Linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects. Materials of the IV International Berezinsky Readings]. Iss. 14. M.: INION RAN, MGLU, 2008. P. 47–55 (in Russian).
4. Dyachkovsky F. N., Popova N. I. Alaas kak kontsept yakutskoy lingvokul'tury [Alaas as a concept of Yakut linguoculture] // *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai studies]. 2014. No. 1 (12). P. 58–66 (in Russian).
5. Chugunekova A. N. Kontsept ChIR ('zemlya') v yazykovoy kartine mira khakasov [The concept of CHIR ('earth') in the linguistic picture of the Khakass world] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education]. 2017. No. 3 (64). P. 338–342 (in Russian).
6. Borgoiakova T. G. Chelovek i ego prostranstvo v khakasskom yazykovom soznanii [A person and his social space in the Khakass languages consciousness] // *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2017. No. 3 (17). P. 50–57 (in Russian). doi: 10.23951/2307-6119-2017-3-50-57
7. Mongush A. A., Bavuu-Syuryun M. V. Leksicheskie reprezentatsii kontsepta «Rodina» v stikhotvornykh tekstakh tuvinskiykh pisateley [Lexical representations of the concept of «Motherland» in poetic texts of Tuvan writers] // *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2020. No. 2 (iss. 40). P. 106–117 (in Russian). doi: 10.25205/2312-6337-2020-2-106-117
8. Solov'ov V. N. *Khantyysko-russkiy slovar' (kazym'skiy dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. A. A. Burykin (Ed.). Novosibirsk: izdatel'stvo SO RAN, 2020. 689 p. (in Russian).
9. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelayev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Sherbak (Eds.). Leningrad, Nauka, 1969. 676 p. (in Russian).
10. *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (Ed.). Novosibirsk, 2006. 1112 p. (in Russian).
11. Burnakov V. A. Voda v traditsionnom mirovozzrenii khakasov: obraz i simvol (konets XIX – XX v.) [Water in the traditional worldview of the khakas: image and symbol (late XIX – mid XX century)] // *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2019. No. 3 (20). P. 86–100 (in Russian).
12. Tadina N. A. Reka kak obraz rodiny u altaytsev [The river as an image of the homeland of the Altaians] // *Reki i narody Sibiri: sbornik nauchnykh statey* [Rivers and peoples of Siberia: collection of scientific articles]. SPb.: Nauka, 2007. P. 151–159 (in Russian).
13. Kümüs abdyrachakh. Khakas chonynyn nymakhtary paza kip-chookhtary. Serebryanaya shkatulka: khakasskie narodnye skazki i legendy [Silver Casket: Khakass folk tales and legends]. Abakan, 2018. 106 p. (in Russian).

14. Esenova T. S. Lingvokul'turnyy kontsept «Rodina» v yazykovom soznanii russkikh i kalmykov [The linguistic and cultural concept of «Homeland» in the linguistic consciousness of Russians and Kalmyks] // Gumanitarnyye issledovaniya. Zhurnal fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy [Humanitarian studies. Journal of Fundamental and Applied Research]. 2009. No. 3 (31). P. 38–44 (in Russian).
15. Sanzhina D. D. Zemlya v yazykovoy kartine mira mongoloyazychnykh narodov [The Earth in the linguistic picture of the world of the Mongolian-speaking peoples] / URL: <http://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/SANJINA-Darima-SANJINA-Дарима-Земля-в-языковой-картине-мира-монголоязычных-народов.pdf> (accessed: 10.10.2023) (in Russian).
16. Oynotkinova N. R. Altayskie poslovitsy i pogovorki. Altay kep le ukaa söstör [Altai proverbs and sayings]. Novosibirsk, 2010. 268 p. (in Russian).
17. Skazki Grishkina Gennadiya Grigor'evicha [Tales of Gennady Grigoryevich Grishkin]. Translated from the Khanty language by P. T. Tarlin. Khanty-Mansiysk, 2012. 132 p. (in Russian).
18. Neveroyatnye istorii iz zhizni kazymyskikh khanty [Incredible stories from the life of the Kazim Khanty]. The compiler of the collection is E. D. Kaksina. No. 1. Khanty-Mansiysk, 2018. 60 p. (in Russian).
19. Khabunova E. E., Gedeeva D. B., Ubushieva B. E. Toponimy v fol'klornom tekste kalmykov [Toponyms in the Kalmyk-folklore] // Novyye issledovaniya Tuvy [The new research of Tuva]. 2018. No. 3. P. 242–257 (in Russian).
20. Kenin-Lopsan M. B. Traditsionnaya kul'tura tuvintsev [Traditional Tuvan culture]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006. 232 p. (in Russian).
21. Burnakov K. S. Gory – neot'emlemaya chast' kontsepta «Rodina» v etnicheskoy kul'ture khakasov [Mountains are an integral part of the concept of «Homeland» in the ethnic culture of the Khakas] // Vestnik sovremennykh issledovaniy [Bulletin of Modern Research]. No. 1.1 (28). 2019. P. 34–37 (in Russian).
22. Altyn Aryg. Alyptyy nymakh. Bogatyrskie skazaniya, zapisannyye ot S. P. Kadyшева [AltynAryg. Heroic tales recorded by S. P. Kadyshchev]. Abakan, 1987. 232 p. (in Russian).
23. Savitskaya S. V. Sopostavitel'noe issledovanie yazykovogo soznaniya russkikh i yakutov (na primere obraza rodiny) [Comparative study of language consciousness of russians and yakuts (On the example of the image of homeland)] // Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2017. No. 1 (31). P. 203–216 (in Russian).
24. Maskina D'. D'ürümniñ d'uruktary [The colors of life]. Gorno-Altaysk, 2002. 184 p. (in Russian).
25. Chebodaeva L. I. Öbekelerniñ chollaryncha. Uklincha uuchanyñ chookhtary. Po dorogam predkov. Rasskazy babushka Uklinchi [On the roads of the ancestors. Stories of Grandma Uklinchy]. Abakan, 2011. 194 p. (in Russian).
26. Spodina V. I. Tsennostnye kharakteristiki «svoey zemli» v traditsionnoy kul'ture korennykh narodov Yugry kak marker etnicheskoy identichnosti [The value characteristics of «one's own land» in the traditional culture of the indigenous peoples of Yugra as a marker of ethnic identity] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2009. No. 328. P. 77–80 (in Russian).
27. Butanaev V. Ya. Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar' [Khakas-Russian historical-ethnographic dictionary]. Abakan: Laboratory of Ethnography NICHKhGU, 1999. 240 p. (in Russian).
28. Khakas chonnyn khynchatkhan sarynnary. Lyubimyye pesni khakasskogo naroda. Sbornik pesen na khakasskom yazyke [Favorite songs of the Khakas people. Collection of songs in the Khakas language]. Ayban, 2019. 68 p. (in Russian).
29. Altay alkyshar: Altay albatynyn oos tvorchestvozy [Altai good wishes. Oral folk art of the Altai people]. The compilers of the collection are E. K. Ukachina, E. E. Yamaeva. Gorno-Altaysk, «AkChechek». 1993. 144 p. (in Russian).
30. Kokyshev L. D'üs pis'mo [One hundred letters]. Gorno-Altaysk, 1990. 208 p. (in Russian).
31. Chebodaeva L. I. Öbekeler chollaryncha. Ayolka oolakhryn charykh tusteri. Po dorogam predkov. Svetlye sny mal'chika Ayolki [On the roads of the ancestors. Bright dreams of the boy Ayolka]. Abakan, 2018. 60 p.
32. Khotugu sulus: [sakhaly tylynan uus-uran literaturnay, uonna obshchestvenno-politicheskay surunaal]. Yakutskay, 1947. No. 5 (23). 125 p. (in Russian).
33. Lel'hova F. M. Slovar' glagolov khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy dialekt) [Dictionary of verbs of the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. Khanty-Mansiysk: OAO «Izdatel'skiy dom «Novosti Yugry», 2012. 207 p. (in Russian).
34. Shiyanova A. A. Parnyye slova khantyyskogo yazyka (na material shuryshkarskogo dialekta) [Paired words of the Khanty language (based on the material of the Shuryshkar dialect)]. Tyumen': OOO «FORMAT», 2015. 156 p. (in Russian).
35. Tyukhteneva S. P. Zemlya. Voda. Khan Altay: etnicheskaya kul'tura altaytsev [Earth. Water. Khan Altai: ethnic culture of the Altai people]. Elista: Izd-vo KalmGU, 2009. 169 p. (in Russian).
36. Dampilova L. S., Yusha Zh. M. Mifologicheskiy obraz khozyaina Altaya: funktsii i semantika [The mythological image of the owner of Altai: functions and semantics] // Siberian Journal of Philology. 2021. No. 1. P. 24–36 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/74/2
37. Belokurova S. M., Mushnikova E. A. Kontsept «Rodina» v mongol'skoy lingvokul'ture [The concept of «Homeland» in the Mongolian linguistic culture] // Baryshnikova N. G., Belokurova S. M., Dvoezhanova N. G., Kapustina E. A., Karagodin A. A.,

- Karagodina I. A., Kiba O. A., Mushnikova E. A., Stenina V. F. Lingvokul'turologicheskiy podkhod v kontekste razvitiya transgranichnogo sotrudnichestva Bol'shogo Altaya [Linguistic and cultural approach in the context of the development of cross-border cooperation in the Greater Altai]. Barnaul: «Altayskiy dom pečati», 2018. P 17–22 (in Russian).
38. Kudazhy K-E. K. Uyguchok Ulug-Khem The restless Ulug-hem]. Kyzyl tom. Kyzyl: TyvNYCh, 2002. 376 p. (in Russian).
39. Cholbon: [uus-uran literaturnay uonna obshchestvennay-politicheskay surunaal]. [Star: artistic and literary, socio-political magazine]. D'okuuskay, 2015. No. 9. 96 p. (in Russian).
40. Dampilova L. S., Khabunova E. E., Chuluun Z. Toponim Altay v motive puti v epose mongol'skikh narodov [The toponym Altai in the motif of the way in the epic of the Mongolian peoples] // OrientalStudies. 2018. Vol. 39. Iss. 5. P. 166–173 (in Russian).
41. Skazki, pesni khantov polnovatskogo Priob'ya [Fairy tales, songs of the Khants of the Polnovatsky Ob region]. The compiler of the collection is T. R. Pyatnikova, R. K. Slepenskova. Khanty-Mansiysk : Izhevsk, 2016. 344 p. (in Russian).
42. Zemlya koshach'ego lokotka. Kan' kunsholäj [The land of the cat's elbow]. The compiler of the collection is T. A. Mol-danov. No. 5. Khanty-Mansiysk, 2010. 202 p. (in Russian).

Tyuntешева Елена Валер'евна.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: tyunteshvae@mail.ru

Ozonova Aiiana Alekseevna.

Candidate of Philology.

Leading Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: ajanao@mail.ru

Koshkareva Natalia Borisovna.

Doctor of Philology, Professor.

Head of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

А. Ф. Ханова, Т. А. Больгина, О. В. Драгой

КОЭФФИЦИЕНТ ЭМОТИВНОСТИ «РОДНОЙ ЯЗЫК» В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕРЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОЩНОСТИ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 И 2020)¹

Исследуется особенность языковой ситуации РФ, при которой в социологических опросах и переписях населения респонденты указывают язык, которым они не владеют, родным. Данный феномен характеризует эмотивность родного языка и его особый символический статус, тесно связанный с этнической идентичностью. Вводится новый термин «коэффициент эмотивности», который определяет количественное соотношение людей, не владеющих, но указывающих язык в качестве родного. Усиление символического статуса языка и актуализация этнической идентичности тесно связаны с происходящими общественно-политическими событиями. Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что языковой конфликт 2017–2018 гг. оказал влияние на коэффициент эмотивности миноритарных языков РФ. Проведенный статистический анализ с использованием линейной модели со смешанными эффектами на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 гг. показал значимый положительный рост коэффициента эмотивности в 2020 г. Результаты исследования подтвердили влияние общественно-политических событий 2017–2020 гг. на подвижность конструкта этнической идентичности и связанной с ней символической мощности миноритарных языков РФ.

Ключевые слова: родной язык, идентичность, Всероссийская перепись населения, миноритарный язык, символическая мощность языка, коэффициент эмотивности

Введение

С одной стороны, миноритарные языки сегодня становятся уязвимее: проблемы жизнеспособности являются актуальными для многих языков России [1, с. 228]. С другой стороны, *этнический парадокс современности* заключается в том, что, несмотря на глобализационные процессы, в большинстве регионов мира происходит рост и усиление этнических чувств – процесс этнического возрождения [2, 3]. В структуре этнической идентичности язык является системообразующим элементом [4], при этом этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и одновременно в процессах межгрупповой дифференциации [5, с. 75]. Семидесятилетняя советская история создала специфический феномен в соотношении языка и этнической идентичности: «Появление в современной России целого слоя граждан, не знающих родного языка, но ощущающих тем не менее свою принадлежность к тому или иному этносу, дает ученым право скорректировать тезис о языке как об облигаторном этнообразующем признаке» [6].

На сегодняшний день в различных регионах РФ при определении своей идентичности по национальному признаку типичным является фактическое незнание родного языка, но указание национального языка в качестве родного, а также двойная этническая и языковая идентификация [7, с. 21]. Социологические исследования также показывают особое отношение к родному языку: «Для населения родной язык представляет очевидный интерес и вмещает вполне обозримый набор определений “язык детства, семьи, родственников”, “язык постоянного пользования”, “национальный (этнический) язык”» [8, с. 143]. Таким образом, существующее противоречие между планом выражения (первый усвоенный в совершенстве язык) и планом содержания (национальный язык) формирует определенную эмотивность родного языка, при этом до настоящего времени эмоциональный аспект термина не подвергался специальному изучению.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

А. А. Сомин подчеркивает, что в научном дискурсе «родной язык многозначен и покрывает целое семейство терминов – этнический язык, титульный язык, основной язык, материнский язык, первый язык, среди которых есть как те, которые в определенных контекстах и у определенных авторов будут синонимами, так и те, которые могут обозначать разные явления, но при этом все могут быть заменены на зонтичный родной язык» [9, с. 14]. Важно, что эмоциональный контекст «родной язык», эквивалентный *'mother tongue'*, заменяется в англоязычной научной терминологии на нейтральные *'native language'* (язык, который усваивают в детстве и, как правило, владеют им в совершенстве), *'heritage language'* (язык своей культурно-этнической принадлежности), *'L1'* (первый язык, родной язык), в то время как российский термин агрегирует различные аспекты языка в одно понятие [10, с. 11]). Так, в «Словаре социолингвистических терминов» родной язык включает четыре определения: 1) материнский язык; 2) этнический язык; 3) функционально первый язык; 4) *национальный язык – язык любого народа РФ, кроме русского* [11, с. 187]. Последний пункт противоречит изменениям Федерального закона № 317 от 03.08.2018 [12], вследствие чего стал возможным выбор русского языка в рамках дисциплины «Родной язык». Следует отметить, что изменения Федерального закона «Об образовании» вызвали широкий общественный резонанс, получивший название «языковой конфликт» [13, с. 781].

Принятые поправки к Конституции РФ в 2020 г. постулируют идеологему «русский язык – язык государствообразующего народа», которая привела к конкуренции русского языка и этнических языков, воспринимаемых как родные [14, с. 118]. При этом конкуренция происходит не в пользу общенационального языка, что усиливает символическую роль родных языков как идеологических конструкторов. Кроме этого, «данное противопоставление сформировало и закрепило повседневные языковые практики и стало базовым для активистских дискурсов и идеологий этнических национализмов» [там же]. Таким образом, языковой активизм указывает на устойчивый тренд возрастания общественной ответственности за судьбу родного языка [13, с. 775; 15, с. 156]. При этом в связи с существующей языковой ситуацией родной язык предполагает еще одну форму существования – функционально второй язык – это ситуация языкового возрождения, характеризующаяся появлением «новых говорящих», к которому относится говорящий, овладевший языком, скорее всего, в среднем или старшем возрасте, но не в юности [16, с. 185].

В свою очередь, происходящие социальные и общественно-политические события оказывают влияние на этническую идентичность, которая является подвижным конструктором [17, с. 30]. Например, данные социологических исследований говорят о сокращении доли индифферентных к этнической идентичности калмыков в четыре раза в 2020 г. по сравнению с 2017 г. [18, с. 199]. Ц. Д. Манджиева подчеркивает, что «родной язык перестает быть функционально первым языком. Несмотря на это, большая часть калмыков считает родным языком язык народа, видя в нем символ этнической идентичности» [19, с. 168]. В Республике Татарстан «символическая ценность татарского языка как родного превосходит показатели самооценки владения им, в свою очередь, активность применения родного языка в повседневной жизни зримо уступает показателям владения языком» [20, с. 257]. В Кабардино-Балкарской Республике выбор родного языка строится и на символических, и на функциональных основаниях, таким образом, как отмечает Е. М. Арутюнова, существует двойственность в понимании родных языков – жесткая привязка языка к этничности сохраняется и превалирует, но присутствует и функциональное понимание языков [21, с. 149].

Наблюдаемая тенденция усиления символического статуса родного языка и интенсификации этнической идентичности обусловлена, на наш взгляд, общественно-политическими процессами 2017–2020 гг. Необходимость количественного измерения эмотивности возникает в контексте не только исследований национального самосознания, но и при проведении экспериментальных исследований с билингвами. Следствием игнорирования эмотивности родного языка как особого маркера самоидентификации возможна неверная интерпретация результатов

исследований. Таким образом, российский феномен родного языка определяет целесообразность изучения его эмоционального аспекта, в связи с этим мы предлагаем ввести в научный оборот термин «коэффициент эмотивности» (КЭ) для измерения символической мощности языка, который представляет, на наш взгляд, количественное соотношение людей, не владеющих национальным языком, но считающих его родным. Исходя из этого, целью данной работы является измерение КЭ родного языка на материалах Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 гг. Мы предполагаем, что в контексте общественно-политической ситуации 2017–2020 гг. увеличилась символическая мощность родных (национальных) языков РФ. Таким образом, **гипотеза** данного исследования заключается в том, что КЭ во Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г. выше КЭ во Всероссийской переписи населения 2010 г.

Методы исследования

Участники

В исследовании анализировались данные, полученные по результатам Всероссийской переписи населения 2010 и 2020 годов [22, 23]. Во Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-2010) приняло участие 143 436 145 человек, из них 76 979 071 (53,8 %) женщин. Средний возраст 39,0 лет. Всероссийская перепись населения 2020 г. (ВПН-2020) содержит данные о 147 590 600 человек, из них 78 750 543 (53,5 %) женщин. Средний возраст 41,1 лет. В итоговый анализ вошли данные 15 951 122 (ВПН-2010) и 15 605 630 (ВПН-2020) человек, указавших родным языком автохтонные языки РФ.

Материалы

Исследование проведено на материале таблиц 5 и 8, т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство» (ВПН-2010) и таблицы 4 и 6, т. 5 «Национальный состав и владение языками» (ВПН-2020). Данные представлены количеством ответов на вопрос «Ваш родной язык» и «Какими иными языками Вы владеете». Следует отметить, что методология выбора родного языка в переписях существенно отличалась. В случае, когда респондент указывал несколько ответов в графе «Ваш родной язык» в ВПН-2010 «для лиц, назвавших родным два и более языка, указывался один из них *по выбору опрашиваемого*» [24]. В ВПН-2020 «при указании двух и более родных языков <...> приведено распределение населения <...> по *первому из указанных родному языку*» [25].

В настоящий анализ были включены только автохтонные языки РФ, за исключением русского, что обусловлено его социолингвистическим статусом – мажоритарным по отношению к миноритарным национальным языкам. Таким образом, в анализ были включены 74 автохтонных языка РФ, вошедшие в ВПН-2010 и ВПН-2020. Двадцать языков были исключены из анализа по причине отсутствия данных в ВПН-2010: алыторский, гинухский, ительменский, караимский, керекский, кетский, нганасанский, негидальский, нивхский, ногайско-карагашский, орочский, удэгейский, уйльта, ульчский, чулымско-тюркский, энецкий, эскимосский, югский, юитский, юртовско-татарский. Также из анализа был исключен крымско-татарский язык – в 2010 г. Крым не входил в состав Российской Федерации. Количественные данные были сгруппированы отдельно для ВПН-2010 и ВПН-2020. Каждый национальный язык включал сведения по количеству респондентов, указавших его родным языком и языком владения. Анализ проводился с использованием пакета *lme4* [26] статистического программного обеспечения R, версия 4.2.2 [27].

Статистический анализ

Ввиду специфики объекта исследования – количество носителей языка – мы не удаляли выбросы внутри каждой выборки. Тест Шапиро-Уилка показал, что данные распределены ненормально ($p < 0,001$), поэтому при анализе применялась трансформация Йео-Джонсона [28], позволяющая преобразовать данные с нулевыми и отрицательными значениями к нормальному распределению.

КЭ подсчитан по формуле: количество респондентов, указавших язык родным, минус количество респондентов, указавших его языком владения. Таким образом, подсчитанный КЭ выражал количественное отношение респондентов, указавших язык в качестве родного, но не владеющих им. Далее мы агрегировали данные ВПН-2010 и ВПН-2020 и построили линейную модель со смешанными эффектами для того, чтобы учесть случайные эффекты, связанные с измерениями по разным языкам. В модели зависимой переменной был КЭ, основным предиктором – год переписи, а также был учтен случайный эффект языка: $M1 \leftarrow lmer(KЭ \sim год + (1|язык))$.

Результаты

Линейная модель со случайным эффектом показала значимый положительный эффект года – $p < 0,01$ (см. таблицу): КЭ стал выше в 2020 г.

Модель со случайным свободным коэффициентом

<i>Predictors</i>	Коэффициент эмотивности		
	<i>Estimates</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
Intercept	44,37	32,03 – 56,70	< 0,001
Год	17,06	9,18 – 24,93	< 0,001
RandomEffects			
σ^2	587,92		
$\tau_{00 language}$	2295,30		
ICC	0,80		
$N_{language}$	74		
Observations	148		
Marginal R^2 / Conditional R^2	0,025 / 0,801		

Следует отметить, что национальные языки РФ имеют различный КЭ. На рисунке в качестве примера показано, насколько изменился КЭ за 10 лет для башкирского, калмыцкого и якутского языков.

Изменение КЭ с 2010 по 2020 год для башкирского, калмыцкого и якутского языков

Башкирский и якутский языки показывают положительную динамику увеличения КЭ и символической мощности, при этом следует отметить, что в 2010 г. КЭ башкирского языка

имел отрицательное значение, т. е. количество носителей, указавших родным языком башкирский, было меньше количества носителей, владеющих им, на 1 954 человека. КЭ калмыцкого языка демонстрирует снижение в 2020 г. по сравнению с 2010 г. на 26 196 человек, в то же время положительное значение КЭ говорит о высокой символической мощности калмыцкого языка.

Дискуссия

Гипотеза об увеличении КЭ в ВПН-2020 по сравнению с ВПН-2010 была проверена применением линейной модели со смешанными эффектами. Результаты показывают статистически значимое увеличение КЭ в 2020 г., что говорит об увеличении символической мощности национальных языков РФ и актуализации этнической идентичности.

Следует отметить, что содержание понятия «родной язык» на протяжении нескольких десятилетий менялось. Впервые в российских переписях пункт о родном языке, который используется в повседневной жизни, появляется в Первой всеобщей переписи населения 1897 г., где родным языком воспринимался язык, который опрашиваемый сам считал своим родным. В переписи 1920 г. родным языком считался уже разговорный язык семьи, а в переписи 1926 г. – разговорный язык опрашиваемого [29, с. 67]. Вариативность в понимании родного языка наблюдается в сознании граждан РФ и сегодня, при этом родной язык, теряя функциональный статус и переставая быть языком владения, приобретает символический статус, выступая в роли связующего элемента с семьей, родом и этносом.

Полученные в данной работе результаты исследования имеют большое значение для социальных наук и экспериментальных исследований. Во-первых, с точки зрения социолингвистики, «значительную роль в сохранении языкового разнообразия играет отношение к родным этническим языкам жителей страны» [30, с. 20]. Исследования такого рода позволяют расширить методологию социолингвистического прогнозирования, так как «в оценке витальности языка значима его символическая мощность» [31, с. 11]. Коэффициент эмотивности в данном случае выступает индикатором престижа языка, когда родной язык воспринимается как особая культурная ценность и тесно связан с понятием «потребность в языке» (*‘language need’*) – потребность в повышении статуса миноритарного по отношению к окружающему социуму родного языка малых народов [32]. Кроме этого, «потребность в языке» исследуется в социолингвистике в контексте эмоциональной значимости «когда родители передают детям миноритарный язык посредством овладения языковыми навыками (словарный запас, грамматика, семантика), но им не всегда удается привить своим детям эмоциональное осознание его значимости» [33]. Как подчеркивают исследователи, преодоление родителями противоречий между языковой политикой мажоритарного языка и внутрисемейной установкой к миноритарному языку необходимо для формирования у детей позитивного отношения к национальному языку и тесно связано с языковыми идеологиями (*‘language ideologies’*) – установившимися традициями, влияющими на выбор языка в тех или иных ситуациях общения. Такого рода практики оказывают влияние и на семейную языковую политику (*‘family language policy’*), в том числе на реализацию билингвизма в семье, и необходимы для витальности миноритарного языка [34, с. 917].

Во-вторых, коэффициент эмотивности дает представление о национальном самосознании и тех латентных социальных процессах, которые происходят в ответ на государственные инициативы в сфере национальной политики и образования. Неудовлетворенность языковой политикой, сужающей функциональность национальных языков, наблюдается и у молодого поколения: «молодежь (саха), признавая значимой ценность родного (этнического) языка, отмечает недостаточный уровень его институционального развития» [35, с. 109]. Кроме этого, замеры общественного мнения по языковой теме – важный предиктор этнических и межэтни-

ческих процессов. Для таких исследований символическая значимость языка в этничности исключительно важна, в том числе сейчас, когда последствия изменений языковой политики в школьном образовании ощущаются в активистских средах как сложные или болезненные [21, с. 152].

В-третьих, проведение экспериментальных исследований с участием билингвов должно осуществляться с учетом эмотивной значимости родного языка и региональной специфики. К примеру, как подчеркивает М. Ю. Донежук, «язык является одним из наиболее часто упоминаемых характеристиках “адыгскости”» [36, с. 76]. Поэтому анкеты с вопросами о демографии и родном языке участников исследования должны дополняться сведениями их языковой биографии. Использование расширенных опросников-самоотчетов LEAP-Q [37] и его аналогов позволит определить билингвальный профиль участников исследования при делении выборки на группы с доминантным и недоминантным языком владения. Несмотря на то, что опросники-самоотчеты относятся к субъективным методам оценки языковой компетенции, в контексте многозначности термина «родной язык» использование такого рода методологии рационально, так как данные LEAP-Q предоставляют исследователю объективную картину по усвоенному первому языку.

Следует отметить, что данное исследование не учитывало количество людей, не указавших родной язык, которое увеличилось в ВПН-2020 (16,6 млн чел.) по сравнению с ВПН-2010 (4,5 млн чел.) так же, как увеличилось количество людей, не указавших национальную принадлежность – 16,5 млн (ВПН-2020) и 5,8 млн (ВПН-2010) человек соответственно. Причинами могут быть как технические недочеты проведения переписи (через электронную систему «Госуслуги»), так и сознательный отказ [38, с. 36]. При этом результаты статистического анализа показывают, что «о значительной части населения перепись дала сведения только о дате рождения и поле живущих» [39, с. 11]. Однако количество людей, указавших родным автохтонные миноритарные языки РФ, в обеих переписях эквивалентно – 15,9 млн (ВПН-2010) и 15,8 млн (ВПН-2020) человек. Кроме этого, формулировки двух вопросов языкового блока ВПН-2010 и ВПН-2020 идентичны, поэтому мы предполагаем, что проведенный статистический анализ является обоснованным, а предложенный термин «коэффициент эмотивности» – целесообразным.

Сравнение результатов Всероссийской переписи населения имеет некоторые ограничения, связанные, как отмечает А. А. Сомин, с тем, что «разные формулировки вопросов и разные инструкции для переписчиков не позволяют в полной мере сравнивать между собой результаты разных переписей: переписей 2010 и 2002 гг., российских переписей и советских или же переписей в разных постсоветских государствах. Эти проблемы в совокупности с многозначностью родного языка <...> делают результаты практически несводимыми» [9, с. 15]. Кроме этого, результаты ВПН-2020 до сих пор активно подвергаются критике, при этом, как отмечает Е. М. Андреев и Е. В. Чурилова, «точность данных о населении по переписи 2021 г. не ниже, чем полученных в переписях 2002 и 2010 гг., однако результаты переписи 2021 г. должны быть скорректированы» [39, с. 4]. Принимая во внимание данные ограничения, следует отметить, что проведение лонгитюдных социолингвистических изысканий с охватом всех национальных языков РФ представляется проблематичным ввиду территориальных и климатических особенностей страны. Поэтому Всероссийская перепись населения является на сегодняшний день единственным масштабным исследованием этнолингвистического ландшафта России.

Заключение

В последнее десятилетие проблема многозначности термина «родной язык» становится объектом пристального внимания исследователей. В данной работе впервые была предпринята попытка количественного измерения эмотивности родного языка и статистического анализа

на материале двух Всероссийских переписей населения. Символическая функция языка является одной из его четырех основных этносоциальных функций [40, с. 425]. Гипотеза данного исследования об изменении коэффициента эмотивности в ВПН-2020 по сравнению с ВПН-2010 подтвердилась, что подкрепляет тезис об изменчивости конструкта этнической идентичности в зависимости от общественно-политических событий. Язык, будучи системообразующим элементом в структуре этнической идентичности, оказывает на нее непосредственное влияние – усиление символического статуса языка приводит к интенсификации этнической идентичности. При этом уникальность российской ситуации заключается в сложившемся противоречии между планом выражения и планом содержания – статус родного языка присваивается этническому языку на символическом основании. Дальнейшие исследования эмотивности родного языка позволят расширить социолингвистический инструментарий прогнозирования и оценки витальности языка в контексте его демографической и коммуникативной мощности, а также дополнит социологический анализ этнической самоидентификации при замерах общественного мнения.

Список источников:

1. Mikhailchenko V. Yu., Kondrashkina E. A., Kirilenko S. V. Language vitality of the people of Russia // Proceedings of SOCIOINT 2019 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. 24–26 June 2019. Istanbul, Turkey. P. 227–231.
2. Бирюков А. М. Глобализация и национальная идентичность. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=68081> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.
4. Gudykunst W. B., Schmidt K. L. Language and ethnic identity: An overview and prologue // Journal of Language and Social Psychology. 1987. Vol. 6. No. 3-4. P. 157–170. doi: 10.1177/0261927X8763001.
5. Донцов А. И., Стефаненко Т. Г., Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности. Вопросы психологии. 1997 № 4. С. 75–86.
6. Хилханова Э. В. Язык и этническая идентичность национальных меньшинств в современной России. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.html> (дата обращения: 10.12.2023).
7. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Балясникова О. В., Полянская А. Г., Разумкова А. В., Свинчукова Е. Г., Степанова А. А. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2017. 240 с.
8. Степанов В. В. Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / под ред. М. Ю. Мартыновой, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2019. С.140–154.
9. Сомин А. А. О неоднозначности понятия «родной язык» // Родной язык как фактор культурной идентичности: материалы Межрегиональной научно-практ. конф. с международным участием, г. Ижевск, 24–25 мая 2021 г. / сост. Е. В. Егорова. Ижевск: Национальная библиотека Удмуртской Республики, 2021. С.11–19.
10. Ханова А. Ф. Гипероним «родной язык»: противоречия и проблемы // Российская психолингвистика: итоги и перспективы: материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 г. М.: Изд-во РУДН, 2022. С. 116–117.
11. Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. 312 с.
12. Федеральный закон от 3.08.18 № 317 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (дата обращения: 10.12.2023).
13. Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815.
14. Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С.111–123.
15. Нигматуллина Т. А. Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности. М.: NOTABENE, 2021. 207 с.
16. Кириленко С. В. Типы говорящих // Социолингвистика. 2021, № 1(5). С.182–191.
17. Мухлынкина Ю. В. К вопросу формирования этнической идентичности // Научный вестник МГТУ ГА. 2015. № 215. С. 27–33.

18. Намруева Л. В. Изменяющаяся идентичность современных калмыков (анализ анкетных опросов 2017, 2020 гг. в Калмыкии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 196–203.
19. Манджиева Ц. Д. Родной язык современных калмыков (по материалам социолингвистического исследования) // Социолингвистика. 2021, № 1(5). С. 164–174.
20. Низамова Л. Р. Языковые компетенции, установки и поведение татар в Татарстане и регионах Сибири // Философия, социология, право: традиции и перспективы: сб. научных тр. Всерос. научной конф., посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН, Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г. / под ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2020. С. 256–259.
21. Арутюнова Е. М. Языковая сфера в Кабардино-Балкарской Республике в массовом общественном мнении: состояние и потенциальные проблемы во взаимодействиях // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 3 (55). С. 144–154.
22. Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 10.12.2023).
23. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 10.12.2023).
24. Методологические пояснения. Всероссийская перепись населения 2010. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство». URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/metod4.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
25. Методологические пояснения. Всероссийская перепись населения 2020. Т. 5 «Национальный состав и владение языками». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/T%D0%BE%5_Met_VPN-2020.pdf (дата обращения: 10.12.2023).
26. Bates D., Maechler M., Bolker B. Fitting linear mixed-effects models using lme4 // Journal of Statistical Software. 2015. Vol. 67. No. 1. P. 1–48. doi: 10.18637/jss.v067.i01
27. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2022. URL: <https://www.R-project.org/> (дата обращения: 10.12.2023).
28. Yeo In-Kwon J., Richard A. A New Family of Power Transformations to Improve Normality or Symmetry. Biometrika. 2000. Vol. 87. No 4. P. 954–959. doi: 10.1093/biomet/87.4.954
29. Бушуев А. С., Габдрахманова Г. Ф., Загидуллин И. К., Измайлов Б. И. Татары в переписях населения / отв. ред. Б. И. Измайлов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 76 с.
30. Михальченко В. Ю. Родной язык в контексте языковой политики в России // Языковая политика в России: уровни, практики, экспертно-аналитические механизмы: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф. / под общ. ред. М. А. Омарова, Н. М. Мухарьмова. Москва, 2022. С. 18–31.
31. Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю. Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 6–23. doi: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1
32. Марцинковская Т. Д., Солодникова И. В. Трансформации социокультурной и лингвистической идентичности в процессе социализации в мультикультурной среде. Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/315/581> (дата обращения: 10.12.2023).
33. Mohr B. K. Emotional salience in minority language transmission: How minority language-speaking parents are caught between emotional and pragmatic needs. // Oral presentation at Conference on Multilingualism (COM2021), University of Konstanz, Germany, 23–25 June 2021.
34. King K. A., Folge L., Logan-Terry A. Family language policy. Language and linguistics compass. 2008. Vol. 2 No. 5. P. 907–922. doi: 10.1111/j.1749-818X.2008.00076.x
35. Иванова Н. И. Этноязыковая идентичность молодежи саха в контексте включенности родных (этнических) языков молодежи других субъектов РФ в образы будущего // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2023. Вып. 2 (40). С. 100–113. doi: 10.23951/2307-6119-2023-2-100-113.
36. Донежук М. Ю. Этническая идентичность адыгов (по материалам исследования 2021 года). Известия СОИГСИ. 2022, № 43. С. 70–81.
37. Kaushanskaya M., Blumenfeld H. K., Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. Biling (Camb Engl). 2020. Vol. 23. No 5. P. 945–950. doi: 10.1017/s1366728919000038
38. Полунов А. Ю. Надэтническое самосознание и перспективы развития гражданской идентичности в России: материалы Всерос. стратегической сессии по укреплению общероссийской гражданской идентичности. Т. 1. Москва, 2023. С. 35–40.
39. Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет. Демографическое обозрение. 2023. Т. 10 № 3. С. 4–20. doi: 10.17323/demreview.v10i3.17967
40. Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. 872 с.

Ханова Айгуль Филусовна.
Научный сотрудник Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com

Большина Татьяна Александровна.
Младший научный сотрудник Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com

Драгой Ольга Викторовна.
Директор Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: odragoy@hse.ru
Ведущий научный сотрудник Отдела экспериментальных исследований речи.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: dragoy@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 9 января 2024 г.

A. F. Khanova, T. A. Bolgina, O. V. Dragoy

THE COEFFICIENT OF EMOTIVENESS OF «MOTHER TONGUE» IN THE CONTEXT OF MEASURING THE SYMBOLIC POWER OF MINORITY LANGUAGES IN THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON THE RUSSIAN CENSUS DATA FROM 2010 TO 2020)²

This study examines a linguistic situation in Russia, focusing in particular on the phenomenon of respondents in sociological surveys and Russian censuses reporting the language they do not actually speak as their mother tongue. This phenomenon emphasizes the emotional significance of the Russian term ‘mother tongue’ and its unique symbolic status. The authors introduce a new term, the ‘coefficient of emotiveness,’ which quantitatively measures the proportion of people who do not speak the language but describe it as their mother tongue. At the same time, the strengthening of ethnic identity and the increasing importance of a language as a symbol are influenced by socio-political changes. The study’s main hypothesis is that the language conflict of 2017–2018 impacted the emotional significance of minority languages in the Russian Federation. A linear mixed-effects model based on the 2010 and 2020 Russian census data revealed a significant positive increase in the coefficient of emotiveness in 2020. Our research confirms that the 2017–2020 socio-political context influenced the ethnic identity and symbolic meaning of minority languages in Russia

Keywords: *mother tongue, identity, Russian census, minority language, symbolic power of language, coefficient of emotiveness*

References:

1. Mikhilchenko V. Yu., Kondrashkina E. A., Kirilenko S. V. Language vitality of the people of Russia. Proceedings of SOCIOINT 2019 6th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities. 24–26 June 2019. Istanbul, Turkey. P. 227–231.
2. Biryukov A. M. Globalizaciya i nacional'naya identichnost' [Globalization and national identity]. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=68081> (access: 10.12.2023) (in Russian).
3. Marusenko M. A. Yazyki i nacional'naya identichnost': sovremennye vyzovy nacional'nomu edinstvu i territorial'noj celostnosti [Languages and national identity: modern challenges to national unity and territorial integrity]. M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2015. 575 p. (in Russian).

² The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the National Research University (HSE University).

4. Gudykunst W. B., Schmidt K. L. Language and ethnic identity: An overview and prologue // Journal of Language and Social Psychology. 1987. Vol. 6. No. 3-4. P. 157–170 (in Russian). doi: 10.1177/0261927X8763001
5. Doncov A. I., Stefanenko T. G., Utalieva Zh. T. Yazyk kak faktor etnicheskoy identichnosti [Language as a factor of ethnic identity]. Voprosy psihologii. 1997. No. 4. P. 75–86 (in Russian).
6. Hilhanova E. V. Yazyk i etnicheskaya identichnost' nacional'nyh men'shinstv v sovremennoj Rossii [Language and Ethnic Identity of National Minorities in Modern Russia]. 2002. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/khilkhanova-02.html> (access: 10.12.2023) (in Russian).
7. Ufimceva N. V., Cherkasova G. A., Balyasnikova O. V., Polyanskaya A. G., Razumkova A. V., Svinchukova E. G., Stepanova A. A. Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovliyaniya [Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence]. Pod red. N. V. Ufimcevoj. M.: Yaroslavl': Izdatel'stvo «Kancler», 2017. 240 p. (in Russian).
8. Stepanov V. V. Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya Rossii [Measuring Cultural Diversity in Russia]. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika / red. Martynova M. Yu., Stepanov V. V. M.: IEA RAN, 2019. P. 140–154 (in Russian).
9. Somin A. A. O neodnoznachnosti ponyatiya «rodnoj yazyk». Rodnoj yazyk kak faktor kul'turnoj identichnosti [Native language as a factor of cultural identity]. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem, g. Izhevsk, 24–25 maya 2021 goda / sost. E. V. Egorova. Izhevsk: Nacional'naya biblioteka Udmurtskoj Respubliki, 2021. P. 11–19 (in Russian).
10. Hanova A. F. Giperonim «rodnoj yazyk»: protivorechiya i problemy [The umbrella term «native language»: contradictions and problems]. Rossijskaya psiholingvistika: itogi i perspektivy: materialy XX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikacii, Moskva, 27–28 maya 2022 g. M.: Iz-vo RUDN, 2022. P. 116–117 (in Russian).
11. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. M., 2006. 312 p. (in Russian).
12. Federal'nyj zakon ot 3.08.18 No. 317 «O vnesenii izmenenij v stat'i 11 i 14 Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Concerning the Introduction of Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law «On Education in the Russian Federation»]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304090/ (access 10.12.2023) (in Russian).
13. Hilhanova E. V. Lyudi v yazykovoj politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sociolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoj Evropy) [People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)] // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815 (in Russian).
14. Arutyunova E. M. Russkij yazyk v rossijskoj identichnosti: teoreticheskie podhody i aktual'nyj kontekst [Russian Language in Russian Identity: Theoretical Approaches and Current Context] Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 111–123 (in Russian).
15. Nigmatullina T. A. Etnokul'turnaya kodifikaciya mnozhestvennoj regional'noj identichnosti [Ethnocultural codification of multiple regional identities]. M.: NOTA BENE, 2021. 207 p. (in Russian).
16. Kirilenko S. V. Tipy govoryashchih [Speaker types] // Sociolingvistika. 2021, No. 1(5). P. 182–191 (in Russian).
17. Muhlynkina Yu. V. K voprosu formirovaniya etnicheskoy identichnosti [On the formation of ethnic identity] // Nauchnyj vestnik MGTU GA. 2015. No. 215. P. 27–33 (in Russian).
18. Namrueva L. V. Izmenyayushchayasya identichnost' sovremennyh kalmykov (analiz anketnyh oprosov 2017, 2020 gg. v Kalmykii) [The changing identity of modern Kalmyks (2017, 2020 survey analysis in Kalmykia)] // Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN. 2020. No. 1. P. 196–203 (in Russian).
19. Mandzhieva C. D. Rodnoj yazyk sovremennyh kalmykov (po materialam sociolingvisticheskogo issledovaniya) [Mother tongue of modern Kalmyks (a sociolinguistic study)] // Sociolingvistika. 2021. No. 1(5). P. 164–174 (in Russian).
20. Nizamova L. R. Yazykovye kompetencii, ustanovki i povedenie tatar v Tatarstane i regionakh Sibiri [Language competences, attitudes and behavior of Tatars in Tatarstan and Siberian regions.]. Filosofiya, sociologiya, pravo: tradicii i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 30-letiyu Instituta filosofii i prava SO RAN, Novosibirsk, 19–20 noyabrya 2020 g. Pod red. M. N. Vol'f. Novosibirsk: Ofset TM, 2020. P. 256–259 (in Russian).
21. Arutyunova E. M. Yazykovaya sfera v Kabardino-Balkarskoj Respublike v massovom obshchestvennom mnenii: so-stoyaniye i potencial'nye problemy vo vzaimodejstviyakh [The language sphere in the Kabardino-Balkar Republic in the mass public opinion: condition and potential problems in interactions] // Gumanitarnyj yuga Rossii. 2022. Vol. 11. No. 3 (55). P. 144–154 (in Russian).
22. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda [Russian Census 2010]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (access: 10.12.2023) (in Russian).
23. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda [Russian Census 2020]. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (access: 10.12.2023) (in Russian).

24. Metodologicheskie poyasneniya. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010. T. 4 «Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo» [Methodological explanations of Russian Census 2010. Vol. 4: «National Composition and Language Proficiency, Citizenship»]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/metod4.pdf (access 10.12.2023).
25. Metodologicheskie poyasneniya. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020. Tom 5 «Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami» [Methodological explanations of Russian Census 2020. Vol. 5: «National Composition and Language Proficiency»]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/T%D0%BEm5_Met_VPN-2020.pdf (access 10.12.2023).
26. Bates D., Maechler M., Bolker B. Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67. No. 1. P. 1–48. doi: 10.18637/jss.v067.i01
27. R Core Team. R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. 2022. URL: <https://www.R-project.org/> (access 10.12.2023).
28. Yeo In-Kwon J., Richard A. A New Family of Power Transformations to Improve Normality or Symmetry. *Biometrika*. 2000. Vol. 87. No 4. P. 954–959. doi: 10.1093/biomet/87.4.954.
29. Bushuev A. S., Gabdrahmanova G. F., Zagidullin I. K., Izmajlov B. I. Tatary v perepisyah naseleniya [Tatars in Russian censuses]. *Otv. red. B. I. Izmajlov. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT*, 2021. 76 p. (in Russian).
30. Mihal'chenko V. Yu. Rodnoj yazyk v kontekste yazykovoj politiki v Rossii [Native language in the context of language policy in Russia]. *Yazykovaya politika v Rossii: urovni, praktiki, ekspertno-analiticheskie mekhanizmy: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshchej redakciej M. A. Omarova, N. M. Muharyamova. Moskva, 2022. P. 18–31* (in Russian).
31. Bitkeeva A. N., Vingender M., Mihal'chenko V. Yu. Prognozirovaniye i yazykovoe mnogoobrazie v Rossijskoj Federacii: sociolingvisticheskiy aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 6–23 (in Russian). doi: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1
32. Marcinkovskaya T. D., Solodnikova I. V. Transformacii sociokul'turnoj i lingvisticheskoy identichnosti v processe socializacii v mul'tikul'turnoj srede [Transformation of sociocultural and linguistic identity in the process of socialization in a multicultural environment]. *Psihologicheskie issledovaniya*. 2018. Vol. 11. No. 58. P. 4. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/download/315/581> (access: 10.12.2023) (in Russian).
33. Mohr B. K. Emotional salience in minority language transmission: How minority language-speaking parents are caught between emotional and pragmatic needs. Oral presentation at Conference on Multilingualism (COM2021), University of Konstanz, Germany, 23–25 June 2021.
34. King K. A., Folge L., Logan-Terry A. Family language policy. *Language and linguistics compass*. 2008. Vol. 2 No 5. P. 907–922. DOI: 10.1111/j.1749-818X.2008.00076.x
35. Ivanova N. I. Etnoyazykovaya identichnost' molodezhi saha v kontekste vkluchennosti rodykh (etnicheskih) yazykov molodezhi drugih sub'ektov RF v obrazy budushchego [The ethnolinguistic identity of the youth of sakha in connection with the inclusion of the mother tongue of the youth of other subjects of the Russian Federation in the images of the future] // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023. Issue 2 (40). P. 100–113 (in Russian). doi: 10.23951/2307-6119-2023-2-100-113
36. Donezhuk M. Yu. Etnicheskaya identichnost' adygov (po materialam issledovaniya 2021 goda) [Ethnic identity of the Adyghes (by the 2021 research)]. *Izvestiya SOIGSI*. 2022. No. 43. P. 70–81 (in Russian).
37. Kaushanskaya M., Blumenfeld H. K., Marian V. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. *Biling (Camb Engl)*. 2020. Vol. 23. No 5. P. 945–950. doi: 10.1017/s1366728919000038
38. Polunov A. Yu. Nadetnicheskoe samosoznanie i perspektivy razvitiya grazhdanskoj identichnosti v Rossii [Supra-ethnic self-consciousness and prospects for the development of civic identity in Russia]. *Materialy Vserossijskoj strategicheskoy sessii po ukrepleniyu obshcherossijskoj grazhdanskoj identichnosti*. Vol. 1. Moskva, 2023. P. 35–40 (in Russian).
39. Andreev E. M., Churilova E. V. Rezul'taty Vserossijskoj perepisi naseleniya 2021 goda v svete statistiki tekushchego ucheta naseleniya i perepisej predydushchih let [The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years] // *Demograficheskoe obozrenie*. 2023. Vol. 10. No. 3. P. 4–20 (in Russian). doi: 10.17323/demreview.v10i3.17967.
40. Yazyk i obshchestvo [Language and society]. *Enciklopediya. M.: Izdate'skij centr «Azbukovnik»*, 2016. 872 p. (in Russian).

Khanova Aigul Filusovna.

Research Fellow at the Center for Language and Brain.

Higher School of Economics.

Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.

E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com

Bolgina Tatyana Aleksandrovna.

Junior Research Fellow at the Center for Language and Brain.

Higher School of Economics.

Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.

E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com

Dragoy Olga Victorovna.

Director of Center for Language and Brain.

Higher School of Economics.

Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.

E-mail: odragoy@hse.ru

Leading Researcher at the Department of Experimental Study of Speech.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Bolshoy Kislovsky lane 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: dragoy@iling-ran.ru

М. Д. Чертыкова

**ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)¹**

Тематическая группа животноводческой/скотоводческой лексики в тюркских и монгольских языках представляет собой обширный пласт лексической системы языка, к ней относятся слова, именующие домашних животных и характеризующие их пол, возраст, породу, окрас, корм, части тела, территории и формы содержания и выпаса скота и т. д. В классификационной системе эти слова включаются в отдельные семантические подгруппы. Наиболее богатую группу составляют наименования животных, выражающие их половозрастные признаки. Актуальность изучения данного пласта лексики обусловлена тем, что в связи с развитием современных технологий сужается некогда богатый состав животноводческой лексики, тем самым встречается немало слов, перешедших в область архаизмов, в частности наименования конной упряжи. Относительно лошади – верного помощника кочевника – с древнейших времен тюркские и монгольские народы выработали разветвленную сеть терминологии. На примере хакасского языка мы показали, что в данной среде активно действуют сложные слова, представленные сочетанием общего наименования с определяющим словом, например, *улуз мал* «крупный скот», *иргек сосха* «боров, свинья-самец», *ине хой* «овцематка; букв. мать овца»; *сйбет адай* «моська; букв. карликовая собака» и т. д. Также обозначение определенных видов домашних животных достигается путем сочетания базовых терминов с прилагательными, причастиями, субстантивированными существительными. В качестве языкового материала по монгольским и тюркским языкам привлекались данные двуязычных словарей, а также этимологические сведения о конкретных терминах, содержащиеся в работах известных лингвистов-типологов.

Ключевые слова: животноводческая лексика, хакасский, тюркские, монгольские, языки, семантика, сопоставление

Введение

Тематика животноводческой лексики ввиду своей исторической и концептуальной значимости является актуальной в разноструктурных языках. Это наиболее устойчивый, базовый пласт лексического фонда любого языка, необходимость изучения которого связана с развитием современных технологий. В связи с этим некоторая часть важных элементов материальной культуры народа уходит в прошлое и, соответственно, их обозначения переходят в разряд архаизмов. Животноводческая лексика также имеет тенденцию к исчезновению, поэтому фиксация и ее исследование есть путь к сохранению лексического богатства языка. Вместе с тем животноводческая терминология активно используется в устойчивых выражениях, пословицах и поговорках. Тем самым этническая животноводческая отрасль во взаимодействии с религиозными, фольклорными, этнографическими системами вызывает значительный интерес не только лингвистов, но и представителей других смежных гуманитарных наук.

Испокон веков животноводство является основным видом хозяйственной деятельности монголов и тюрков с учетом природно-географических и климатических условий их места обитания, что отразилось в их мировоззренческой и языковой системах. Основной массив данного фрагмента лексической системы или представляет общетюркский фонд, или же имеет лексические параллели в монгольских, а также в тунгусо-маньчжурских языках, что свидетельствует о раннем периоде его развития. Скотоводческая лексика в монгольских и сибирских тюркских языках достаточно хорошо развита и относится к древнему пласту лексического фонда, поскольку животноводство (или скотоводство) есть древнейшая и базовая часть традиционной жизни кочевников и полукочевников. Об этом свидетельствуют исторические,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект».

фольклорные и археологические данные. Тюркские и монгольские языки отражают все этнические особенности данной отрасли жизнедеятельности человека. В этих языках большая часть животноводческой лексики представлена лексическими параллелями. Она служит богатым материалом для интерпретации в историко-сравнительном, семантико-структурном и лингвокультурологическом аспектах, а также исследования истории, языковых связей и контактов тюркских и монгольских народов. Данный пласт лексики составляет хорошо разработанную и организованную систему, отражающую половозрастные дифференциации и другие лексические особенности, связанные со временем рождения животных, их болезнями, моделями их содержания и т. д.

В близком взаимодействии с животноводческой лексикой находятся тематические группы терминов материальной культуры кочевников: это наименования мясных и молочных блюд/продуктов, жилища, бытовой утвари, одежды, обуви и других этнических деталей, приспособленных для условий кочевого скотоводства.

Необходимость изучения подобных тематических групп слов связана с вопросом алтайской гипотезы языков, в этом плане В. И. Рассадин солидарен с мнением А. М. Щербака о том, что исследование алтайской проблемы следует начинать «с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-монгольских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов» [1, с. 3].

Начиная с 60-х годов прошлого века скотоводческая лексика не раз становилась объектом исследований в этимологическом, сравнительно-сопоставительном аспектах, в основном на материале монгольских языков [2–11]. В этих и других работах, являющихся базовыми и классическими в алтаистике, детально исследованы этимология, происхождение, развитие и характер заимствований и лексических параллелей в тюркских и монгольских языках. Кроме того, «...специалистами по этимологии тюркских языков убедительно доказано, что все рассматриваемые здесь видовые и половозрастные названия пяти видов скота, бытующие также и у монгольских народов, представлены как в древнетюркском, так и в современных языках, унаследованы языками-потомками от общетюркского праязыка вместе с самим степным кочевым скотоводством, пришедшим из глубины тысячелетий» [7, с. 84]. В сибирских тюркских языках тоже имеются некоторые наработки по данной теме. На материале цэнгэльский-ского диалекта тувинского языка, носители которого проживают в северо-западных районах Монголии, системно описана животноводческая лексика в сравнении с аналогичной лексической системой литературного тувинского языка и других диалектов в диссертационном исследовании Б. Бадарч [12]. Отдельных лексических и семантических вопросов данной темы в алтайском языке касались работы Н. А. Яимовой [13], Н. Д. Алмадаковой [14] и др. Вопросы языковых контактов, этимологической характеристики общетюркской лексики животноводства якутского языка, их фонетические, морфологические и лексические особенности рассмотрены в работах Н. В. Малышевой [15], А. Е. Божедоновой [16] и др. Однако на материале хакасского языка животноводческая лексика, помимо полевого привлечения в этимологические анализы в упомянутых выше классических трудах, пока еще не получила специального системного освещения.

Ввиду недостаточной изученности животноводческая лексика в хакасском языке вызывает много вопросов в этимологическом, лексическом, структурном и лингвокультурологическом плане. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований. По нашим подсчетам, в хакасском языке действует 150 слов и словосочетаний, называющих различные виды домашних животных, а также 362 слова и словосочетания, выражающих понятия, связанные с лошадью [17]. Коневодство составляло основу жизни кочевника-скотовода. Б. Бадарч в исследовании лексики

животноводства в ценгэльском диалекте тувинского языка также указывает на преобладание лексики коневодства (46,8 %) [12, с. 4]. Сюда относятся слова, называющие детали снаряжения и упряжи лошадей.

Общее наименование домашнего скота в тюркских и монгольских языках: мал

М. М. Султыгова в диссертационном исследовании лексики животноводства ингушского языка скотоводческие культы в религиозных воззрениях считает одной из наиболее важных аспектов традиционной жизни ингушей. «Эти культы и связанные с ними многочисленные ритуалы в представлении народа должны были магически обеспечить размножение домашних животных, их здоровье, защиту от зверей и других бедствий, рост удою и вообще увеличение продуктивности животноводства» [18, с. 20]. К сказанному добавим, что подобный культ действовал и у других народов, поскольку эффективное ведение животноводства напрямую связано с благополучием семьи и всего рода. Возможно, данная взаимосвязь получила отражение в семантической структуре общего названия домашнего скота в ряде тюркских языков: лексема *мал* в Древнетюркском словаре обозначена как: «1. имущество; достояние; богатство; <...>; 2. товар; <...>» [19, с. 335]. В некоторых тюркских языках такое обозначение сохраняется, например, в чувашском языке: «*мул* – имущество, богатство, добро, деньги, приданое невесты» [20, с. 54], в кумыкском языке: «имущество: *мал*; *мал-мюлк*, *мал-матагъ*; движимое имущество: *тербенеген мал*; недвижимое имущество: *тербенемейн мал*» [21, с. 302], *аткез мал* «запрещенный товар, контрабандный товар» [22, с. 7] и др. Данный термин считается арабским заимствованием [20; 23]. Б. И. Татаринцев предполагает, что в тюркские, в частности в сибирские тюркские языки, оно попало через монгольское посредничество [20, с. 54–55], например, в бурятском языке *адуу мал* «скот», а в калмыцком языке *бод мал* «крупный скот»; халха-монг. *мал* «скот». Однако в киргизском языке слово *мал* является частотным и многозначным, совмещая в своей семантической структуре такие лексико-семантические варианты: «*мал*: 1) домашний скот; <...>; 2) южн. корова; <...>; 3) имущество, богатство, ценности; <...>» [24, с. 14]. В татарском языке *мал*, как многозначная лексическая единица, помимо обозначений понятий, связанных со скотоводством, выражает: «1. имущество движимое, состояние; собственность; богатство; добро; *мал берлеге* юр. общность имущества, совместное пользование имуществом; <...>; 2. товар, деньги, капитал; *мал туплау* – накопить капитал; <...>; 3. арг. тип, фрукт, негодяй; <...>; *мал итү* сделать полезным, пригодным для чего-л.; *мал казану (табу)* добывать состояние; становиться состоятельным» [25, с. 15]. Думается, что древнетюркское обозначение лексемой *мал* материальных ценностей и богатства не случайно, поскольку для тюрка, особенно для кочевника, основным материальным богатством является скот. По свидетельству Н. Д. Алмадаковой, в теленгитском языке лексема *мал* участвует в образовании сложного слова *мал-аш*, «которое носит еще более широкое значение “хозяйство, имущество, богатство”» [14, с. 9]. В хакасском языке сложное слово *мал-хус* выражает «хозяйство; букв. скот-птица» безотносительно к понятию «богатство, имущество». Например, *Малың-хузың амыр турча ба?* – Все благополучно в вашем хозяйстве? (букв. «[Твой] скот-птица стоит спокойно?»). *Аның малы-хузы даа чогул* – У него нет хозяйства (букв. «У него нет даже скота-птицы»). Соответственно, лексема *мал* в значениях «скот» и «богатство» является одним из ключевых в тюркских благопожеланиях, например, «алт.: *Бала-барка, мал-ажар көп болзын!* – Пусть у вас будет много детей, много скота» [26, с. 161].

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, базовым термином *мал* называются почти все виды домашних животных: «*мал* скот; собир. скотина; домашнее животное // скотный, животноводческий; *чоон мал* крупный рогатый скот; *хой мал* овцы; *от кінніг мал* травоядный скот; *саңдал сөөктіг мал* поджарый скот; *үс түктіг мал* трехцветная лошадь; <...>» [27, с. 230]. Аналогичные видовые названия дает *мал* и в других языках, например,

в татарском языке: *сыер малы* «корова», *сарык малы* «овца» и др. Лексема *мал* также используется в сочетании с соответствующими конкретизаторами для отражения определенных этнографических и фольклорных особенностей, например: *пулага соххан мал* «скотина, забитая для жертвоприношения», *ызых мал* «этно. животное (обычно лошадь), посвященное духам», *ах мал* «фолькл. белый скот (о благополучно содержащемся богатырском скоте)» и др. Также данная лексема в переносном значении, как и в русском языке, может характеризовать плохого, подлого человека, например: *Мал полба* – Не будь скотом. Но в татарском языке *мал* имеет переносное значение «красотка»: *кара бу малга, ярыйсы бит!* «Посмотри на эту красотку, ничего ведь!» [25, с. 15]. Наименования домашних животных, в отличие от наименований диких животных, редко развивают эвфемистическую функцию. В хакасском языке обнаружены только два эвфемизма в сфере животноводческой лексики: *салдама* «собака», *мүүреме* «корова». В их основу положены действия, производимые данными животными, с прибавлением словообразовательного, редкого в хакасском языке, аффикса *-mal/-me*: *салда* «грызть» + *ма*; *мүүре* «мычать» + *ме*.

Хакасская животноводческая лексика на фоне тюрко-монгольских лексических параллелей

Как отражение древних социальных и языковых контактов в этих в монгольских и сибирских тюркских языках имеется целый комплекс лексических параллелей (в основном базовые слова), выражающих отдельные виды скотоводческой лексики, например:

монг.: *буга* «олень, изюбр, марал; <...>» [28, с. 417]; калм.: *бух* «племенной бык *томхта бух*» [29, с. 28], которое в старомонгольском письменном языке зафиксировано как *buqa*. Вероятно, с этим монгольским словом связано др.-тюрк. *buyra* «верблюд-производитель» [19, с. 120]. Э. В. Севортян пишет об общетюркском характере этого слова, его этимологической близости с тюркским *биуи* «самец оленя» и связи с монгольским *buqa* [29, с. 230–232]. На эту же близость указывают авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»: «...системы значений и фонетические формы названий самцов крупного рогатого скота (**buqa*), лося – изюбра – оленя и верблюда пересекаются, что дает основания исследователям видеть в них единый корень **biu*, вероятно, ономотопозитического характера – подражание реву лося, изюбра в период гона» [4, с. 437–438]. В сибирских тюркских языках данная лексема не утратила первоначальной значимости: хака.: *пуга*: 1) бык-производитель; *пуга пызо* теленок-бычок; <...>; 2) самец марала или оленя; / *кёл пугазы* выпь; <...>» [27, с. 395]; алт.: бык «1. *бука*; 2. разг. *оборы јаан кылыгы кедер кижии*» [30, с. 59]; тув.: *буга*; племенной бык *эки ук-саалыг буга*; взять быка за рога *ажыл-херекче дораан кириптер*; уперся, как бык *дедиртепкеи чыдыпкан* [31, с. 57] и т. д.;

монг.: «*хурга(н)* 1. ягненок; барашек; *хэнз хурга* ягненок, родившийся поздно летом или осенью, ягненок-листопад; <...>; 2. похожий на ягненка, как ягненок; ягнячий; мелкий; малый» [28, с. 1033]; калм.: *зуурм хурһн* «ягненок, родившийся раньше срока»; хака.: *хураган* ягненок; *ах хураган* белый ягненок; <...>» [27, с. 864]; тоф.: *хураган* «ягненок в возрасте до одного года» [32, с. 230]; алт.: ягненок *кураан* (*кураган*); вырастить ягненка *кураан азыран алар* [33, с. 891]; тув.: *хураган* и т. д.

В. И. Рассадин отмечает, что монголоязычные народы разводили пять основных видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз, и, соответственно, в монгольских языках с этими животными связана хорошо разработанная лексика, «отражающая как сами разнообразные половозрастные названия скота и его масти, так и слова, называющие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т. п.» [7, с. 83]. Известно, что разведению того или иного скота способствовали климатические и географические условия. По сведениям В. Я. Бутонаева, хозяйство хакасов состояло в основном из крупного рогатого скота (коров, быков) и овец. Но «козы у хакасов не получили развития. Как правило, они паслись вместе с овцами. А самостоятельно они бродили по крутым

горам, и пастуха для них не требовалось. Еще в начале XIX века коз доили так же, как овец, коров и кобылиц. Но к началу XX века козье молоко почти не употребляли и держали их в основном из-за мягкого пуха, идущего на собственные нужды и на продажу» [34, с. 78]. Разведение свиней хакасы переняли у русских с конца XIX в., о чем свидетельствует и скудная лексика, выражающая данный вид хозяйствования: *сосха* «свинья»; *ине сосха* «свиноматка»; *сосха палазы* «поросенок»; *иргек сосха* «боров» и т. д.

Необходимо отметить, что виды скотоводства у разных народностей в зависимости от географических и климатических особенностей несколько отличаются. Тувинцы Цэнгэла выделяют пять видов домашнего скота: «1) *аът* «лошадь»; 2) *теве* «верблюд»; 3) *инек* «корова»; 4) *хой* «овца» и 5) *ешку* «коза». Яка (*сарлык*) и корову (*инек*) они относят к одному виду крупного рогатого скота» [12, с. 6]. Тем самым способы ведения скотоводства были максимально приспособлены к местным природным условиям, что говорит о глубокой древности разведения скота в Сибирском регионе.

В. Я. Бутонаев пишет, что до XVIII в. в хозяйстве хакасов присутствовало верблюдоводство. И в фольклорных текстах можно встретить упоминание о верблюде, например: *Ах ханның хапха чыган изін атан тибее чүктен турадырлар, ибге чыган изін атха артып тимнееннер* – Белого хана имущество погружали на верблюдов, домашний скarb на коней складывали [34, с. 79]. В хакасском языке сохранились наименования верблюда *тибе*; *тайлах тибе* «молодой верблюд»; *атан* «холощенный верблюд». Фонетические варианты данной лексемы действуют и в тюркских языках, например: сойот.: *тевэ/тэбэ*, тув.: *теве*; алт.: *тöд* и в монгольских языках, например: бур.: *тэмээн*; калм.: *темэн*; монг.: *тэмээн* т. д. Причем в калмыцком языке *темэн* также обозначает шахматный термин «слон»: *тер темэхэр шалв* он объявил шах слоном [35, с. 492]. Верблюдоводство является одним из традиционных видов животноводства калмыков-кочевников, чему способствуют степные зоны и климатические условия Калмыкии. Лексема *темэн* выступает как отражение данного вида деятельности, и ее участие в образовании других специализированных терминов свидетельствует о частотности употребления в языке: *темэн шовун* страус; *темэн харада* стриж; *темэн чики* щавель; *темэн тавг* кувшинчик, водяная лилия; *темэн коки* (бот.) ласточник, ватник; *темэн сүл* карагана [35, с. 492]. Также словарные источники выдают обозначения характерных разновидностей верблюдов: *май темән* одногорбый; *буур* самец; *торм* годовалый; *таальг* двухлетний; *шар шилв* трехлетний; *шүдлнъ темән* четырехлетний; верблюдица *инъги*; сужеребая верблюдица *хйәмл инъги*; верблюжонок *ботхи*; *торм* (годовалый) [36, с. 31] и др.

Относительно лексемы *атан*, то она однозначна как в тюркских, так и монгольских языках: кастрированный верблюд. Пример: *арви жылд атн болхар, нег жылд буул болнав*; посл.: лучше быть один год верблюдом-производителем, чем десять лет верблюдом-кастратом; <...>; [35, с. 55]. А. М. Щербак термин *атан* считает родственным *ат* «лошадь», но исключает его возможную связь с персидским *ахтан* «изымать; извлекать» [2, с. 83]. Однако в то же время интересно утверждение В. И. Рассадина о том, что в области верблюдоводства вся основная терминология современных монгольских языков, как и старописьменного монгольского языка, имеет тюркское происхождение. Так, общее название верблюда х.-монг. *тэмээ*, калм. *темэн*, бур. *тэмээн*, староп.-монг. *temegen* имеет прототипом др.-тюрк. *tebe* «верблюд» (< пратюрк. **teYwe* id.) [6, с. 162].

В разделе «Домашние животные» «Хакасско-русского и русско-хакасского тематического словаря» зафиксированы слова и словосочетания, характеризующие половозрастные признаки животных, например: *чүзек хой* «двухлетняя овца»; *час төлеге* «полугодовалый, годовалый ягненок»; *кинче хураган* «ягненок осеннего, позднего окота»; *огло мал* «молодой скот, молодняк, приплод»; *торбах пуга* «бычок на втором году» и иные стороны из хозяйственной жизни: *өкүней* «искусственно вскормленный ягненок»; *хайдол инек* «корова, дающая молоко без теленка (если пропадет теленок и т. п.)»; *төліг малы* «скотина, забитая на поминки» и др. [17].

Как видим, в структурном плане рассматриваемые лексические единицы часто представлены словосочетаниями, описывающими те или иные характерные признаки животных. Базовый же состав лексики, выражающей конкретные общие значения животных, включает такие лексические единицы, как: *мал* «скот», *ат* «лошадь», *пи* «кобыла», *хой* «овца», *хуча* «баран», *інек* «корова», *оскі* «коза», *адай* «собака», *хураган* «ягненок», *таңах* «курица», *пуга* «бык»; *көпчеге* «ягненок-сирота» и т. д. Нетипичный для тюркских языков морфологический облик лексемы *погба* «жеребенок, родившийся летом» позволяет утверждать, что она происходит из монгольских языков (*богба*), где обозначает «годовалый жеребенок».

Указанная лексика для передачи определенных видов и признаков домашних животных сочетается со следующими категориями слов:

– прилагательными, например, *маган хураган* «ягненок-альбинос; букв. белесый ягненок»; *сібет адай* «моська; букв. карликовая собака»; *тоң інек* «кыз. первотелка; букв. исходная корова», *іргек сосха* «боров; свинья-самец», *огло мал* «молодой скот, молодняк, приплод», *поос інек* «стельная корова»; *чилінніг інек* «корова с опухшими выменем перед отелом» и т. д. Прилагательные выражают масть, размер, пол, возраст, физиологическое состояние животного;

– причастиями: *аңнаңаң адай* «охотничья собака; букв. охотящаяся собака»; *пүүр тутчаң адай* «волкодав; букв. собака, которая ловит волков», *чүгүрчең ат* «рысак», *төллөңчең мал* «племенной скот», *тайнанчаң маллар* «жвачные животные» и т. д. Причастия с выраженным аффиксом *-чаң/-чең* указывают на постоянное свойство (и/или предназначение) животных. Значение свойства животного в настоящем времени имеют причастия с аффиксом настоящего времени на *-чатхан/-четкен*, например: *саалчатхан інек* «дойная корова». Причастия с аффиксом прошедшего времени *-ган/-ген*, *-ан/-ен* также указывают на постоянное свойство животного, отмеченное в прошедшем времени: *сімчеен сосха* «боров», *чімкеен хуча* «валух», *пулага соххан мал* «скотина, забитая для жертвоприношения»;

– субстантивированными существительными, т. е. определительными сочетаниями имен существительных: *інек мал* «крупный рогатый скот; букв. корова скот»; *ине хой* «овцематка; букв. мать овца»; *асхыр тибе* «самец верблюда; букв. самец верблюд»; *тазын өгіс* «кастрированный вол; букв. бык вол»; *тазын сарлых* «кастрированный як; букв. бык як» и т. д. Субстантивированные существительные в таких словосочетаниях с нулевыми аффиксами в роли определения указывают на видовые признаки животного. При этом чаще субстантивируются имена, выражающие возрастные, физиологические и половые признаки животного;

– существительными, указывающими принадлежность одного животного другому: *оскі палазы* «козленок; букв. дите козы»; *төл малы* «племенной скот; букв. скот рода-племени», *оскі хучазы* «козел-производитель; букв. баран овцы» и т. д. Встречаются и существительные, указывающие на местонахождение животного: *чурт хозаны* «кролик; букв. заяц дома» и т. д.

Если в тюркских и монгольских языках слова, выражающие возрастные характеристики животных, представляют собой отдельный богатый слой животноводческой лексики, то обозначения половой принадлежности животного более структурированы и упорядочены. В хакасском языке животные – особи женского пола обозначаются *мізі* «самка» (*мізі сосха* «свинья – самка», *мізі хураган* «ягненок женского пола», *мізі хоосха* «кошка» и др.), если самка на данном этапе имеет детеныша и кормящая, то иногда вместо *мізі* используется *ине* «мать» (*ине хой* «букв. кормящая овца»; *ине сосха* «свиноматка; букв. кормящая свинья» и др.). Определение *мізі* может использоваться по отношению и к женщине (*мізі кізі* «женщина; букв. самка человек»). В тувинском языке для обозначения самки некоторых видов животных и зверей употребляется лексема *кыс* «девушка»: *кыс теке* «верблюдица», *кыс бөрү* «волчица», *кыс адыг* «медведица»; *кыс дагаа* «курица» и др. Особи животных мужского пола в хакасском языке обозначаются словом *іргек* «самец»: *іргек пызо* «теленок – бычок», *іргек адай* «кобель»; *іргек сосха* «боров» и др. Слово *іргек*, в отличие от *мізі*, по отношению к человеку не применяется, как например, в турецком языке: *erkek* «мужчина», *erkek kardeş* «младший брат».

Следует отметить, что общевидовые наименования животных могут сочетаться с подобными определениями, указывающими не только на пол, но и на возраст, например, хак.: *чиит мал* «молодняк», *час төлге* «полугодовалый/годовалый ягненок» и др.

В системе животноводческой лексики также выделяются семантически оппозитивные по полу и возрасту слова, например, «овца» в хак.: *хой*; тув. *хой*; алт. *кой*; каз.: *қой*; тат.: *куй* и др.; «баран» в хак. *хуча*; тув.: *кошкар* (производитель); алт.: *куча, кочкор*; тат.: *бәрән, тәкә* и др. По данным казахских лексикографических источников, в казахском языке *қой* выступает обобщенным наименованием овец и баранов вне зависимости от половой принадлежности: *қой* «баран, бараний; овен» [37, с. 288] и «баран *қой*; шестимесячный *тоқты*; годовалый *ісек қой*; двухлетний *қунан қой*; трехлетний *дөнен қой*; кастрированный *азбан*; племенной *асыл тұқымды кошкар*; стадо баранов *қойдай өріп, топырлау*» [38, с. 33]. Относительно лексемы *хуча* авторы «Сравнительно-исторической грамматики» склонны связывать с исходной формой *qoɕnar*, при заимствовании на монгольские языки разговорный вариант: письм.-монг. *quśa*; бур. *хуса*; халх., калм.: *хуц* [4, с. 433]. Однако в киргизском языке произошел некоторый сдвиг в семантике данного слова: *куча* «ягненок – сосунок (самец)» [24, с. 456]. Данный факт авторы «Сравнительно-исторической грамматики» объясняют тем, что «словом *куча* называли тех новорожденных ягнят, которые не подвергались кастрации, будучи оставленными на воспроизводство; помета в словаре (самец) как будто говорит об этом» [4, с. 433]. В хакасском языке *хосхар* обозначает «горный козел» [27, с. 853], так же, как и в алтайском языке *кочкор* «дикий баран» [30, с. 75].

Для обозначения собаки почти во всех тюркских языках используется термин *ит*, щенка – *күчүк(ес)*, исключения составляют только хакасский *адай* и турецкий *köpek*. По сведениям А. М. Щербак, «...возможности употребления *күчүк* в древних и современных языках по отношению к разным животным очень широки, ср. алт. *күчүк* «волчонок», кирг. *tүлкү күчүгү* «лисенок», к.-калп. *käskip күшүгі* «волчонок»; ср. также др. монг. *arlanuküčük* «львенок» (Сл. Замахшари, II, 106)» [2, с. 128]. Интересен факт того, что «...в узбекском языке *күчүк* – взрослая собака и поэтому щенок – *күчүк бала*» [2, с. 129]. Также в тувинском языке общетюркское наименование собаки *ит* выступает компонентом сложного слова *мый-ыт* «кот», *кыс мый-ыт* «кошка». В хакасском языке *ит* в значении «собака» как устаревший термин встречается только в фольклорных текстах. *Адайча агылың чогул, Алтын Арыг, / Итче изиң чогул* (Айдолай 9) – Алтын Арыг, у тебя нет ума даже как у собаки. В данном клишированном выражении используются также уже вышедшие из активного словарного запаса синонимичные лексемы *агыл* и *ис* с общим значением «ум». В текстах богатырских сказаний часто встречается выражение-ругательство: *адай табан, ит табан*, соответствующее русскому: *собачье отродье: Алып Хыс Хан, аны көріп, / тағ чілі тазып, / Талай чілі көбіскен: / – Адай табан, ит табан / Алып Мөке, арга – сүмеңе / Тыңох түстің!* (Айдолай, 50) – Увидев его, / Алып Хыс Хан, сильно разозлилась, / Разбушевлась как море: / Собачье отродье Алып Моке, / Ну, и хитер ты, оказался! В активной лексике хакасского языка собака называется *адай*, а лексема *ит*, перейдя в разряд архаизмов, встречается только в языке фольклора. Так же фольклорная память сохранила термин *хубай хус* «букв. темно-коричневая птица», именующий гончую собаку, которая вылупилась из яйца. Помимо охранительной функции в быту «...в мировоззрении хакасов важнейшим назначением собаки было еще и оберегать своих хозяев от негативного воздействия потусторонних сил и изгонять злых духов» [39, с. 200].

В монгольском языке *нохой* «собака», так же, как и в других языках, участвует в выражении ругательств и в переносных значениях обозначает злого, подлого человека. Но особенность монгольского *нохой* состоит в том, что он в сочетании с соответствующими конкретизаторами приобретает метафорическое значение, связанное с хитростью, плутовством и мошенничеством: «...*нохой зан гаргах* шилж. плутовать; мошенничать; *нохой хэрэг* неприятный случай, неожиданная помеха; мудреная задача, мудреное дело; мудрено; *нохой хун* очень хитрый че-

ловек, плут; <...>» [28, с. 299]. Подобные термины-обозначения детенышей животных и зверей по семантике универсальны по отношению к близкородственным, например, *хулун* «жеребенок» может обозначать детеныша верблюда или марала (*тибе хулуны*; *сыын хулуны*), *пызо* «теленочек» – детенышей зубра или яка, а *типечек* или *чпуска* – детенышей куриц, уток и гусей и т. д. В другой семантической группе находятся общие наименования детенышей в форме изафетных конструкций с компонентом *пала* «дите, ребенок», например, *ёскі палазы* «козленок; букв. ребенок козы», *сосха палазы* «поросенок; букв. ребенок свиньи», *хоосха палазы* «котенок; букв. ребенок кошки» и др. Меньшинство составляют однозначные обозначения детенышей конкретных животных, например: *хураган* «ягненок».

Концептуальная сфера *ат* «лошадь» как наиболее развитый фрагмент животноводческой лексики

Общеизвестно, что у кочевников наиболее популярным и древним видом хозяйствования было коневодство. Являясь одной из самых богатых и разнообразных сфер тюркской и монгольской лингвокультур, данный концепт представляет исследовательский интерес у лингвистов [8, 40]. Термины, выражающие половозрастные признаки лошадей в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, подробно описаны в статье В. И. Рассадина [8].

По свидетельству В. Я. Бутонаева, у хакасов различалось два сорта коней: «1) *тулбар* – скакун, имеющий обычно крепкую литую спину и стройные ноги. Их выращивали специально для бегов (*чарыс*); 2) *аргамах* (*аргымах ат*) – крупная, сильная и выносливая лошадь, имеющая широкую кость. Аргымахи выдерживали без отдыха большие переходы, на них навьючивали тяжелые грузы» [4, с. 69]. В «Хакасско-русском словаре» толкование лексемы *тулбар* представлено как «богатырский конь», а *аргамах* – как «породистый конь» [27], хотя эти две лексемы не входят в активный словарный запас хакасского языка. Но вместе с тем крылатый конь *Тулпар*, верный друг, помощник и советчик богатыря, присутствует не только в хакасской, но и тюркской мифологии. Лексема же *аргамах* в соответствующих фонетических вариантах действует как в тюркских, так и в монгольских языках и обозначает породистого, резвого и быстрого коня. Только в семантике бурятского варианта *аргамаг* наблюдается отличительная особенность: «*аргамаг* аргамак (*сначала – верховая лошадь восточной породы; ныне – любая статная лошадь*); *аргамаг хулэг* аргамак-рысак; *аргамаг хаарал* аргамак буланый» [41, с. 78]. В. И. Рассадина считает, что данный термин имеет тюркское происхождение [8, с. 213], а А. М. Щербак предполагает, что он этимологически сближается с *аргалі/аркалі* «газель» [2, с. 89].

Как и в других языках кочевых/полукочевых народов, в хакасском языке лексика, связанная с коневодством, является одной из самых развитых полей, поскольку «представители кочевого общества питают особо трепетное отношение к лошади, что связано с традиционным укладом их жизни, где лошади отводится важное место. Лошадь на протяжении тысячелетий была верным другом и помощником тюрка в повседневной жизни, в военных сражениях и походах» [42, с. 78].

Ат – общетюркское название лошади: хак.: *ат*; каз.: *ат*; башк. *ат*; тув.: *аът*; сойот. *аът*; алт.: *ат*; шор.: *ат*; як.: *ат*; чув. *ут* и т. д. В монгольских языках *адуу(н)* в своем первичном варианте обозначает табун, косяк (чаще лошадей), например, в бурятском языке «<...>; *адуу мал хараха*: а) пасти скот; б) заниматься скотоводством; *адуу малаар баян* богатый скотом; *эхэ ба үүлтэртэ адуу мал* маточное поголовье и породистый скот; <...>» [41, с. 39]. В монгольском обозначении табуна лошадей лексемой *адуу(н)* в тюркских языках соответствует: хак.: *чылгы*; алт.: *жылкы*; сойот.: *чылһы/чылһы*; тув.: *чылгы*; кирг.: *жылкы*; тат.: *йылкы* и т. д. В хакасском языке конина обозначается как *ат иди* или же *чылгы иди*, тем самым в данном случае отсутствует соотносительность единичности и множественности объекта. Как пишет

А. М. Щербак, «...*jǐlki* как в древних, так и современных языках имеет особый семантический оттенок, уловить который, особенно в древних текстах, очень трудно» [2, с. 84].

Как мы уже отмечали выше, в «Хакасско-русском и русско-хакасском тематическом словаре» в разделе «Домашние животные» выделен подпункт «Концепт “Лошадь”» [17], который содержит 362 наименований и словосочетаний, выражающих понятия, связанные с лошастью. Среди них можно выделить следующие семантические типы:

– наименования мастей лошадей: *ax at/agat* «сивая лошадь»; *sarat* «соловая лошадь»; *xara at/xarat* «вороной конь»; *xara-xaltar* «темно-мухортый (о масти лошади)»; *хоор ат/хоорат* «каурый»; *хула ат/хулат* «саврасый» и т. д.;

– наименования деталей упряжи лошади: *сагыр* «попона»; *поза паг* «вожжи»; *ханчагы* «торока (ремни седла)»; *хосхын* «подхвостник (витый из ремённой кожи)»; *пурундос* «торба с зерном, одеваемая на морду лошади»; *кёме* «колечки на узде лошади»; *тинсе* «коврик (для седла)» и т. д.;

– наименования частей тела лошади: *сагыр* «круп лошади»; *саңмай* «лоб лошади»; *сах-чах бельт*. «щетка у лошади (*пучок волос на ноге под копытами*)»; *сүбүр* «хрящ ноздрей (*у лошади*)»; *туйгах* «копыто»; *харта* «прямая кишка лошади (*деликатес*)»; *умур* «*фолькл.* передняя часть груди лошади»; *чалын* «загривок»; *сүйнет* «*этн.* шкура коня, забитого на поминки [*хозяина*]»; *чабатчы* «*кач.* уголки рта (*у коня*)» и т. д.;

– словосочетания, описывающие характер лошади: *тураңхай ат* «лошадь, часто оста-навливающаяся (*от утомления*)»; *сараң ат* «невыносливая лошадь»; *нымзах чорыхтыг ат* «лошадь с мягкой ходьбой»; *ізенчік ат* «лошадь с норовом»; *хыпчах ат* «норовистая лошадь»; *чидекке чөрбес ат* «лошадь, не желающая идти на поводу»; *хатыг чорыхтыг ат* «лошадь с жестким ходом»; *сүрнүкчіл ат* «запинающийся конь»; *сайбыр пазыттыг ат* «гарцующий конь»; *чазан* «ленивый (*о лошади*)» и т. д.;

– словосочетания, выражающие статус лошади: *ўзўм ат* и *кистем ат* «конь, бегущий на небольшие расстояния, спринтер»; *хур ат* «лошадь, которая свободно пасется (*напр. с весны до осени*)»; *харын тапчан ат* «лошадь, идущая впереди, добывая корм (*для других лошадей*)»; *пас ат* «*этн.* лошадь, предназначенная для подарка родителям невесты»; *арыг мал* «*этн.* священная (*чистая*) скотина (*о лошадях*)»; *ызых мал* «*этн.* животное (*обычно лошадь*), посвященное духам» и т. д.;

– словосочетания, выражающие болезни и повреждения лошади: *туйгах кёскені* «название болезни лошадей, когда отваливаются копыта»; *күдее* «гриб, язва (*болезнь лошади*)»; *хазо* «хромота лошади (*от повреждения копыт*)»; *хотха* «выкидыш у кобылы»; *чаар* «ссадина (*обычно на спине лошади, сбитая седлом, седёлкой и т. п.*)» и т. д.;

– словосочетания выражающие возраст и время рождения жеребят: *хулбан хулун* «жеребенок, родившийся зимой (*с коротким волосяным покровом*)»; *көрбе* «жеребенок, родившийся осенью»; *чабага* «двухлетний жеребенок»; *кичірі тыгалах ат* «молодой конь» и т. д.

Здесь названы не все подгруппы слов из обширного концепта «лошадь», составными звеньями которого являются термины, выражающие такие признаки, как пол, масть, возраст, назначение, прирученность, физическая сила, включающая способность развивать скорость и др. Все эти слои лексики содержат этнические, культурные, метафорические смыслы, обусловленные экстралингвистическими факторами. Однако на современном этапе в связи с развитием современных технологий в быту лошадей заменили машины, соответственно, лексика, связанная с коневодством, постепенно уходит в прошлое.

Заключение

Таким образом, в обзорном порядке мы представили описание небольшой части скотоводческой лексики в хакасском языке и можем сделать следующие выводы:

– базовые термины животноводства хакасского языка включаются в общий состав тюрко-монгольских параллелей, что является свидетельством древних языковых и социальных контактов монгольских и тюркских племен. В этих языках животноводческая лексика составляет хорошо разработанную организованную систему, отражающую половозрастные дифференциации и другие лексические особенности, связанные со временем рождения животных, их болезнями, моделями их содержания, мясными и молочными продуктами питания и др.;

– общее обозначение домашнего скота *мал* «скот» в ряде тюркских языков получило переносное значение «богатство, имущество». В хакасском же языке подобное расширение семантики данного слова не наблюдается. Также животноводческая лексика активно участвует в текстах малых фольклорных жанров и благопожеланиях хакасов и других тюркских народов, тем самым отражает значимость материального и духовного богатства в жизни каждого этноса;

– как показывают анализ лексикографических источников и суждения и подтверждения известных лингвистов, в наименованиях основных видов домашнего скота тюркских и монгольских языков встречается немало лексических параллелей, свидетельствующих о тесных социальных взаимодействиях этих народов в похожих климатических, географических и хозяйственных условиях;

– базовые термины животноводства в исследуемых языках, как правило, являются односоставными, однако гендерные, возрастные и другие характеристики домашнего скота часто обозначаются двусоставными, сложными лексемами, т. е. путем сочетания базовых терминов с прилагательными, причастиями, субстантивированными существительными. Встречаются исключения в обозначении собаки в хакасском языке *адай* и турецком *köpek*. В остальных тюркских языках используется термин *ит*, щенка – *күчүк(ес)*. В хакасском языке лексема *ит* в значении «собака» сохранился лишь в фольклорных текстах; отдельную, наиболее богатую концептосферу представляют наименования лошади и связанные с ней лексические звенья, выражающие такие признаки, как пол, масть, возраст, назначение, прирученность, физическая сила, включающая способность развивать скорость и др.

Принятые сокращения:

алт. – алтайский язык; бур. – бурятский язык; калм. – калмыцкий язык; монг. – монгольский язык, каз. – казахский язык; кирг. – киргизский язык; к.-калп. – кара-калпакский язык; сойот. – сойотский язык; тат. – татарский язык; тоф. – тофский язык; тув. – тувинский язык; хак. – хакасский язык.

Список источников:

1. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та. 2008. 243 с.
2. Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1961. С. 82–172.
3. Бардаев Э. Ч. Номадная лексика монгольских народов (названия домашних животных по полу, возрасту и масти): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 1976. 28 с.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / отв. ред. член-корр. РАН Э. Р. Тенишев. М.: Наука. 2001. 822 с.
5. Михайлова М. О. Сопоставительный анализ скотоводческой лексики в алтайских языках // Проблемы исторического развития монгольских языков: материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург. 24–26 октября. 2007). Отв. ред. П. О. Рыкин. СПб: Нестор-История. 2007. С. 86–91.
6. Рассадин В. И. О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. № 3. 2009. С. 158–165.
7. Рассадин В. И. Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурятского гос. ун-та. № 8. 2011. С. 83–90.

8. Рассадин В. И. Конеоводческая терминология в монгольских языках: сравнительный аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. № 6. 2012. С. 212–214.
9. Рассадин В. И. О скотоводческой лексике калмыцкого языка // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 4 (12). 2013. С. 147–151.
10. Арименова Р. С. Семантика и родовидовые отношения названий животных (на материале монгольских и русского языков) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2012. № 1. С. 31–37.
11. Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Зооморфная лексика в составе якутских фразеологизмов и паремий (в сопоставлении с монгольскими языками) // Северо-восточный гуманитарный вестник. № 4(41). 2022. С. 67–78.
12. Бадарч Баярсайхан. Лексика животноводства в центральном диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 2009. 28 с.
13. Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск. 1990. 169 с.
14. Алмадакова Н. Д. Названия крупного и мелкого скота в тёлёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1-2. С. 7–15.
15. Малышева Н. В., Данилов И. А. Общeturкская лексика якутского языка, обозначающая наименования частей тела животного (сравнительно-исторический анализ) // Вестник Кемеровского ун-та. Т. 21, № 4. 2019. С. 1123–1130.
16. Божедонова А. Е. Этимологическая характеристика наименований основных мастей лошади в якутском языке // Вестник Северо-Восточного федерального ун-та им. М. К. Амосова. № 4 (72). 2019. С. 92–104.
17. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна»). Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2020. 224 с.
18. Султыгова М. М. Животноводческая лексика ингушского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала. 25 с.
19. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение. 1969. 676 с.
20. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV. М, Н, О, Ё, П. Отв. ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: «Наука». 2008. 443 с.
21. Русско-кумыкский словарь. Около 30 000 слов / под ред. З. З. Бамматова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1960. 1148 с.
22. Абдиев Т. К. Дореволюционные русизмы в кыргызском языке // Тюрко-монгольский мир: история и культура: материалы международной научной конф., посвященной 90-летию со дня рождения С. Г. Кляшторного. М.: Наука. Восточная литература. 2019. С. 5–10.
23. Рассадин В. И. Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке // Вестник Калмыцкого ин-та гуманитарных исследований РАН. 2015. № 3. Том 8. С. 107–111.
24. Киргизско-русский словарь. Около 40 000 слов / сост. проф. К. К. Юдахин. 2-я книга. Л–Я. Фрунзе: Главная редакция киргизской советской энциклопедии. 1985. 475 с.
25. Татарско-русский словарь: в 2-х томах. Том 2 (М–Я). Казань: Магарий. 2007. 726 с.
26. Тазранова А. Р. Лексема мал «скот» в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8(4). С. 158–165.
27. Хакасско-русский словарь: около 22 тыс. слов / под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
28. Большой академический монгольско-русский словарь / под общ. ред. академика АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. д-р филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA. 2001. 2007 с.
29. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междутюркские основы на букву Б / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Изд-во «Наука». 1978. 349 с.
30. Русско-алтайский словарь. В 2-х томах. Т. I (А–О) / под ред. А. Э. Чумакаева, А. Н. Майзиной, А. А. Озоновой, Н. Д. Алмадаковой; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2015. 800 с.
31. Русско-тувинский словарь. 32 000 слов / под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Коопертив «Журналист». 2015. 664 с.
32. Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Элиста. 2014. 532 с.
33. Русско-алтайский словарь. В 2 томах. Том II (П–Я) / под ред. А. Э. Чумакаева, А. Н. Майзина, А. А. Озона, Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2016. 896 с.
34. Бутонаев В. Я. Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан. 1981. С. 68–81.
35. Калмыцко-русский словарь. 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык». 1977. 764 с.

36. Русско-калмыцкий словарь. 25 000 слов / сост. Б. Б. Басангов; ответ. редактор Л. С. Сангаев. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1940. 332 с.
37. Бектаев К. Большой казахско-русский словарь. Астана: Алтын Қазына. 2007. 703 с.
38. Русско-казахский словарь / сост.: О. Айтбайулы, С. Абдрахманов, А. Кекильбай и др. Алматы: Арыс. 2007. 640 с.
39. Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о собаке // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2012. № 5. С. 196–216.
40. Каксин А. Д. Концепт АДУУ / МОРЬ / МОРИН ~ АКТ «лошадь» в монгольских языках: штрихи к национальной языковой картине мира // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл: Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эм-хтгэл (2015 оны 5-р сарын 21-22. Монгол улс, Улаанбаатар) / Эрхэлсэн: Ю. Цэндээ, С. Мияжав. Улаанбаатар, 2015. С. 229–236.
41. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2010. 636 с.
42. Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат «лошадь» (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. Вып. 38. С. 78–84.

Чертыкова Мария Дмитриевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 94, г. Абакан, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 февраля 2023 г.

M. D. Chertykova

THE VOCABULARY RELATED TO LIVESTOCK IN THE KHAKASS LANGUAGE (COMPARATIVE-CONTRASTIVE ASPECT)

The thematic group of livestock vocabulary in the Turkic and Mongolian languages is an extensive layer of the lexical system of the language. It includes words naming domestic animals and characterizing their sex, age, breed, color, food, body parts, territories, husbandry, and grazing. In the classification system, these words are divided into different semantic subgroups. The richest group consists of the names of animals that express their gender and age characteristics. The relevance of studying this layer of vocabulary arises from the fact that in connection with the development of modern technologies, the once rich composition of livestock vocabulary is narrowing, as a result of which many words have passed into the realm of archaisms, especially the names of horse harnesses. In relation to the horse – the faithful companion of the nomad – the Turkic and Mongolian peoples have developed an extensive network of terms since ancient times. Using the Khakass language as an example, we have shown that compound words are active in this environment, which are represented by the combination of a common name with a determiner, e.g., *улуз мал* (cattle), *иргек сосха* (hog or male pig), *ине хой* (sheep or Ewe); *сйбет адай* (Pug or Dwarf dog). Certain types of domestic animals are also designated by combining basic terms with adjectives, participles, and substantival nouns. Data from bilingual dictionaries and etymological information on certain terms from the works of famous linguists – typologists – were used as linguistic material on the Mongolian and Turkish languages.

Keywords: *livestock vocabulary, Khakas, Turkic, Mongolian, languages, semantics, comparison*

References:

1. Rassadin V. I. Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoj yazykovoj obshchnosti [Essays on the history of the addition of the Turkic-Mongol language community]. Chast' II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskih yazykov. Elista: Izdatel'stvo Kalmyckogo universiteta. 2008. 243 p. (in Russian).
2. Shcherbak A. M. Nazvaniya domashnih i dikih zhivotnyh v tyurkskih yazykah [The names of domestic and wild animals in Turkic] // Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskih yazykov. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1961. P. 82–172 (in Russian).

3. Bardaev E. Ch. Nomadnaya leksika mongol'skih narodov (nazvaniya domashnih zhivotnyh po polu, vozrastu i masti) [Nomadic vocabulary of the Mongolian peoples (names of pets by gender, age and suit)]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M. 1976. 28 p.
4. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. 2-e izd., dop. Otv. red. chlen-korr. RAN E. R. Tenishev. M.: Nauka. 2001. 822 p.
5. Mikhaylova M. O. Sopostavitel'nyj analiz skotovodcheskoj leksiki v altajskih yazykah [Comparative analysis of cattle – breeding vocabulary in Altai languages] // Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skih yazykov: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg. 24–26 oktyabrya. 2007). Otv. red. P. O. Rykin. SPb: Nestor-Istoriya. 2007. P. 86–91 (in Russian).
6. Rassadin V. I. O tyurkskom vliyani na slozhenie kompleksa skotovodcheskoj leksiki mongol'skih yazykov [On the Turkic influence on the addition of a complex of cattle -breeding vocabulary of Mongolian languages] // Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. No. 3. 2009. P. 158–165 (in Russian).
7. Rassadin V. I. Skotovodcheskaya leksika kalmyckogo yazyka v sravnenii s turecko-meskhetskoy [Cattle-breeding vocabulary of the Kalmyk language in comparison with Turkish-Meshetinskaya] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 8. 2011. P. 83–90 (in Russian).
8. Rassadin V. I. Konevodcheskaya terminologiya v mongol'skih yazykah: sravnitel'nyj aspekt [Horseful terminology in the Mongol languages: Comparative aspect] // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. No. 6. 2012. P. 212–214 (in Russian).
9. Rassadin V. I. O skotovodcheskoj leksike kalmyckogo yazyka [About cattle -breeding vocabulary of the Kalmyk language] // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. No. 4 (12). 2013. P. 147–151 (in Russian).
10. Arimenova R. S. Semantika i rodovidovye otnosheniya nazvanij zhivotnyh (na materiale mongol'skih i russkogo yazykov) [Semantics and generic relations of animal names (on the material of the Mongolian and Russian languages)] // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». 2012. No. 1. P. 31–37 (in Russian).
11. Danilova N. I., D'yachkovskij F. N. Zoomorfnyaya leksika v sostave yakutskih frazeologizmov i paremij (v sopostavlenii s mongol'skimi yazykami) [Zoomorphic vocabulary as part of Yakut phraseological units and proverbs (in comparison with Mongolian languages)] // Severo-vostochnyj gumanitarnyj vestnik. No. 4(41). 2022. P. 67–78 (in Russian).
12. Badarch Bayarsajhan. Leksika zhivotnovodstva v cengel'skom dialekte tuvinskogo yazyka (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte) [The vocabulary of livestock in the Tsengel dialect of the Tuvan language (in a comparative-conservation aspect)]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk. 2009. 28 p. (in Russian).
13. Yaimova N. A. Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altajskom yazyke [Tabuted vocabulary and euphemisms in Altai]. Gorno-Altajsk. 1990. 169 p. (in Russian).
14. Almadakova N. D. Nazvaniya krupnogo i melkogo skota v tyolyoskom (cholushmansk) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [The names of the cattle in the Teley (Cholushman) dialect of the Telengitic language (in a comparative aspect)] // Voprosy dialektologii. 2018. No. 1-2. P. 7–15 (in Russian).
15. Malysheva N. V., Danilov I. A. Obschetyurkskaya leksika yakutskogo yazyka, oboznachayushchaya naimenovaniya chastej tela zhivotnogo (sravnitel'no-istoricheskij analiz) [Common public vocabulary of the Yakut language, denoting the names of parts of the body of the animal (comparative historical analysis)] // Vestnik Kemerovskogo universiteta. Vol. 21. No. 4. 2019. P. 1123–1130 (in Russian).
16. Bozhedonova A. E. Etimologicheskaya harakteristika naimenovaniy osnovnyh mastej loshadi v yakutskom yazyke [Etymological characteristics of the names of the main stripes of the horse in the Yakut language] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Amosova. No.4 (72). 2019. P. 92–104 (in Russian).
17. Kaksin A. D., Chertykova M. D. Hakassko-russkij i russko-hakasskij tematicheskij slovar' (razdely «Chelovek», «Flora i fauna») [Khakass-Russian and Russian-Khakassian thematic dictionary (sections «Man», «Flora and Fauna»)]. Abakan: Izdatel'stvo FGBOU VO «Hakasskij gosudarstvennyj universitet im. N. F. Katanova», 2020. 224 p.
18. Sulygova M. M. Zhivotnovodcheskaya leksika ingushskogo yazyka [Life -breeding vocabulary of the Ingush language]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Mahachkala. 25 p. (in Russian).
19. Drevnetyurkskij slovar' [The ancient Turkic dictionary]. Redaktery V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Enishev, A. M. Shcherbak. Leningrad: Izd-vo «Nauka». Leningradskoe otdelenie. 1969. 676 p. (in Russian).
20. Tatarincev B. I. Etimologicheskij slovar' tuvinskogo yazyka [Etymological Dictionary of the Tuvan language]. Vol. IV. M, N, O, P. Otv. red. D. A. Mongush. Novosibirsk: «Nauka». 2008. 443 p. (in Russian).
21. Russko-kumyjskij slovar' [Russian-Kumyk dictionary]. Okolo 30 000 slov. Pod redakciej Z. Z. Bammatova. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. 1960. 1148 p. (in Russian).
22. Abdiev T. K. Dorevolucionnye rusizmy v kyrgyzskom yazyke [Pre -revolutionary Russes in Kyrgyz] // Tyurko-mongol'skij mir: istoriya i kul'tura: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya S. G. Klyashtornogo. M.: Nauka. Vostochnaya literatura. 2019. P. 5–10 (in Russian).

23. Rassadin V. I. Tyurko-mongol'skie nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v halha-mongol'skom yazyke [Turkic-Mongolian names of cattle in the Halha-Mongolian language] // Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2015. No. 3. T. 8. P. 107–111 (in Russian).
24. Kirgizsko-russkij slovar' [Kyrgyz-Russian dictionary]. V dvuh knigah. Okolo 40 000 slov. Sost. K. K. Yudahin. 2 kniga. L.–Ya. Frunze: Glavnaya redakciya kirgizskoj sovetskoj enciklopedii. 1985. 475 p. (in Russian).
25. Tatarsko-russkij slovar' [Tatar-Russian dictionary]: v 2-kh tomah. T. 2 (M–YA). Kazan': Magarij. 2007. 726 p. (in Russian).
26. Tazranova A. R. Leksema *mal* «skot» v altajskom yazyke v sopostavlenii s drugimi tyurkskimi i mongol'skimi yazykami [Lexeme *mal* «Cattle» in Altai in comparison with other Turkic and Mongolian languages] // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2022. No. 8(4). P. 158–165 (in Russian).
27. Khakassko-russkij slovar' [The Khakass-Russian Dictionary]: okolo 22 tys. slov. Pod obshch. red. O. V. Subrakovoj. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p. (in Russian).
28. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Pod obshch. red. ak. AN Mongolii A. Luvsandendeva i doktora filol. nauk, prof. C. Cedendamba. Otv. red. doktor filol. nauk, prof. G. C. Pyurbeev. Ok. 70 000 slov. M.: ACADEMIA. 2001. 2007 p. (in Russian).
29. Sevortyan E. V. Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu B [Etymological Dictionary of Turkic languages. Commonweight and inter-tierce foundations for the letter B]. Otv. Red. N. Z. Gadzhieva. M.: Izdatel'stvo «Nauka». 1978. 349 p. (in Russian).
30. Russko-altajskij slovar' [Russian-Altai Dictionary]. V 2 tomah. T. I (A–O) / pod red. A. E. Chumakaeva, A. N. Majzinoy, A. A. Ozonovoy, N. D. Almadakovoy; BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». Gorno-Altajsk, 2015. 800 p. (in Russian).
31. Russko-tuvinskij slovar' [Russian-Tuvin Dictionary]. 32 000 slov / pod redakciej D. A. Mongusha. Abakan: OOO «Koopertiv «Zhurnalist». 2015. 664 p. (in Russian).
32. Rassadin V. I. Tofalarsko-russkij slovar' [Tofalar-Russian dictionary]. Elista. 2014. 532 p. (in Russian).
33. Russko-altajskij slovar' [Russian-Altai Dictionary]. V 2 tomah. Tom II (P–YA) / pod red. A. E. Chumakaeva, A. N. Majzinoy, A. A. Ozonovoy, N. D. Almadakovoy; BNU RA «NII altaistiki im. S. S. Surazakova». Gorno-Altajsk, 2016. 896 p.
34. Butonaev V. Ya. Tradicionnye sposoby vedeniya skotovodstva u hakasov [Traditional ways to conduct cattle breeding in Khakasses] // Voprosy etnografii Hakasii. Abakan. 1981. P. 68–81 (in Russian).
35. Kalmycko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. 26 000 slov. Pod redakciej B. D. Munieva. M.: Izd-vo «Russkij yazyk». 1977. 764 p. (in Russian).
36. Russko-kalmyckij slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. 25 000 slov. Sostavil B. B. Basangov. Otv. red. L. S. Sangaev. M.: Gos. izd-vo inostrannykh i nacional'nykh slovaroj. 1940. 332 p. (in Russian).
37. Bektaev K. Bol'shoj kazahsko-russkij slovar' [Big Kazakh-Russian Dictionary]. Astana: Altyn Kazyyna. 2007. 703 p. (in Russian).
38. Russko-kazahskij slovar': nauchnoe izdanie [Russian-Kazakh Dictionary: Scientific Edition]. Sost.: O. Ajtbajuly, S. Abdrakhmanov, A. Kekil'bij i dr. Almaty: Arys. 2007. 640 p. (in Russian).
39. Burnakov V. A. Tradicionnye predstavleniya hakasov o sobake [Traditional hacas ideas about a dog] // Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive. 2012. No. 5. P. 196–216 (in Russian).
40. Kaksin A. D. Koncept ADUU / MOR' / MORIN ~ AKT «loshad'» v mongol'skih yazykah: shtrihi k nacional'noj yazykovoj kartine mira [The concept of ADUU / MOR' / MORIN ~ AKT «Horse» in Mongolian languages: strokes to the national linguistic picture of the world] // Ojrad sudlal: ugsaa, hel, soyol: Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn iltgelijn emhtgel (2015 ony 5-r saryn 21–22. Mongol uls, Ulaanbaatar) / Erhelsen: Yu. Cendee, S. Miyaazhav. Ulaanbaatar, 2015. P. 229–236 (in Russian).
41. Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryatsko-russkij slovar' [Buryat-Russian dictionary]. V dvukh tomah. T. I. A–N. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya». 2010. 636 p. (in Russian).
42. Chertykova M. D. Poslovichnaya konceptualizaciya obshchetyurkskoj zooleksemy at «loshad'» (na materiale khakasskogo yazyka) [The proverbial conceptualization of the common town zoolexem of at «Horse» (based on the Khakassian material)] // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2019. Vyp. 38. P. 78–84 (in Russian).

Chertykova Maria Dmitrievna.

Doctor of philology, senior research fellow.

Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University.

Lenina ave., 94, Abakan, Russia, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 397+398

В. А. Бурнаков

ОБРАЗ «КОНЬ – ЧЕЛОВЕК» В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – XX ВЕК)¹

Традиционный уклад жизни и хозяйственная деятельность хакасов были связаны с коневодством, которому отводилось важное место. Повседневный быт хакаса-скотовода был неразрывно связан с лошадью, от которой практически зависела вся его жизнь, начиная от повседневных хозяйственных действий вплоть до приема пищи. Это повлияло на то, что в традиционном сознании народа сформировался целый комплекс представлений об этом домашнем животном как о наиболее близком к человеку существе. В мировоззрении хакасов конь воспринимается не только как неперенный спутник и верный помощник человека, но и как равноправный партнер тандема «конь и человек». Целью данной статьи является характеристика образа «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов. В качестве хронологических рамок исследования избран период конца XIX – XX вв., что определено возможностями анализируемых источников – фольклорно-этнографических материалов. Ключевым в данной работе является методологический принцип историзма. В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что в культуре хакасов одним из значимых был образ «конь – человек», имевший положительную коннотацию. Это, безусловно, свидетельствует о той важной роли, которую выполняла лошадь в материальной и духовной сферах жизни этого народа. В традиционном сознании хакасов образ этого животного чрезвычайно близок к человеку, он осмысливается не просто как верный друг и помощник своего хозяина, но и наделен повадками человека. Репрезентация концепта «конь – человек» более полное раскрытие получила в эпических произведениях, а также в народных пословицах, поговорках и загадках. В устном народном творчестве хакасов образы коня и человека образуют двуединое целое. В фольклоре посредством образной параллели манифестируются представления о скакуне и его хозяине. Проводится ассоциативно-символическое сравнение поведения человека и лошади. Определяется, что образ этого животного предельно очеловечен и зачастую символически отождествлен именно с мужчиной.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура, мировоззрение, концепт «конь – человек», образ, символ, фольклор, соционормативные установки

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется возросшим интересом современного российского общества к традиционной культуре и частным ее проявлениям, в том числе многовековым представлениям о природе и животных. Повышенное внимание к традиции предков во многом обусловлено поиском идентичности в условиях стремительной утраты многих исторических и культурных ценностей.

Конь является одним из тех немногих домашних животных, которые играли и продолжают играть важную роль в быту и культуре многих народов. Большое значение коню и его образу придается и в их духовной жизни, и соционормативных практиках, что получило отражение в верованиях и фольклоре. Все это в полной мере присуще и хакасам. Многогранный образ коня широко представлен в традиционной культуре этого народа.

«Конскую» тематику в культуре хакасов в той или иной степени затрагивали многие исследователи. При этом отдельные ученые в рамках изучения тех или иных этнографических вопросов лишь коснулись ее, другие же занимались ею целенаправленно. Среди авторов, внесших наибольший вклад в изучение данной проблемы, следует отметить: Н. Ф. Катанова [1],

¹ Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Л. П. Потапова [2, 3], Н. П. Дыренкову [4], В. Я. Бутанаева [5, 6], М. А. Унгвицкую и В. Е. Майногашеву [7], Я. И. Сунчугашева [8], О. В. Субракову [9], Н. С. Чистобаеву [10], В. А. Бурнакова [11–17] и др.

В работах этих исследователей сквозь призму таких гуманитарных дисциплин, как археология, этнография, фольклористика и лингвистика, рассмотрены вопросы определения места и роли коня в мифологии, эпическом творчестве и языке хакасов. Отметим, что В. А. Бурнаков посвятил цикл статей специальному анализу роли и места коня в традиционном мировоззрении и обрядовой практике хакасов. Им был тщательно рассмотрен феномен коня *-ызых'а* в ритуальной жизни народа. Изучена роль коня в культовой деятельности самих шаманов. Проанализирована функция коня в обрядности, связанной с полным жизненным циклом человека: рождением, свадьбой и смертью. Помимо того, были рассмотрены мировоззренческие представления, связанные с восприятием этого животного как небесного и хтонического существа. Таким образом, лакуна, связанная с сакрализацией образа коня в культуре хакасов, была практически заполнена. Вместе с тем следует отметить то, что все же не все грани его образа получили должного освещения. Не достаточно изученным остается вопрос, касающийся его народного восприятия в качестве животного, наиболее приближенного к человеку, во многом обусловленного его утилитарным назначением. В традиционном сознании хакасов данная тенденция проявляется прежде всего в антропоморфизации образа коня и, соответственно, гиппоморфизации образа человека. Отсутствие подобного исследования на хакасском историко-этнографическом материале с привлечением данных фольклора и языка этого народа определяет новизну представленной работы. Итак, целью данной статьи является характеристика образа «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов.

Основой традиционного хозяйства тюрко-монгольских народов, как известно, является скотоводство. Ключевое место в нем отводится табунному коневодству, которое исторически было обусловлено кочевой/полукочевой жизнью степняков. Лошадей, как правило, разводили в большом количестве, что было обусловлено тем, что они являлись основным средством передвижения; на протяжении всего года могли без особого труда добывать подножный корм; во время перекочевков легко преодолевали огромные пространства и могли перевозить весь необходимый груз и т. д. [18, с. 266].

Трудно переоценить значение коня в повседневном быту кочевника-скотовода. Конь с древних времен используется как верховое, вьючное, упряжное и тяговое животное. Лошадь выступает в качестве важного источника мясомолочной продукции для человека. Ее шкура и волос широко используются для изготовления одежды и иных предметов домашнего обихода. Даже высохшие экскременты этого животного часто применяются как подручное топливо, обладающее высокими горючими свойствами. Кроме того, они же широко употребляются в качестве эффективного органического удобрения на обрабатываемых землях. Столь широкая утилитарная востребованность коня в быту, а также его ум и особая близость к человеку способствовали формированию почтительного отношения к лошади, нередко доходящего до его идеализации. Образ коня обладает широким семантическим полем и занимает видное место в религиозно-мифологической системе и соционормативных практиках тюрко-монголов, в том числе и хакасов.

В исторической литературе довольно устоявшейся является дефиниция «культ коня», применяемая в отношении отдельных аспектов духовной культуры многих народов Евразии, связанных с этим одомашненным животным. В частности, многими исследователями она без должного осмысления и шаблонно употребляется при обобщающей характеристике коня в мифоритуальном комплексе различных этнических сообществ. Заметим, что под «культом коня», как правило, ими понимается уважительное, а порой и трепетное отношение к коню, обусловленное его утилитарными и ритуальными функциями, а также высокой символической ценностью. В данном контексте указанная дефиниция зачастую неосознанно и машинально

переходит из одной работы в другую, при этом не получая соответствующей критичной оценки. Вместе с тем, как убедительно показал С. П. Нестеров [19, с. 8–10], термин «культ» по отношению к коню во многих случаях употребляется не совсем корректно. Поясним данный факт. Как известно, в науке под словом «культ» понимается непосредственно сам объект поклонения, т. е. божество или иная сверхъестественная сила, к которым верующие испытывают религиозные чувства и совершают в отношении них ритуальные действия [20, с. 113–115]. К примеру, в традиционных представлениях народов Саяно-Алтая однозначно можно выделить такие основные культы, как небо, вода, огонь, горы и т. д. Верующими они воспринимались в качестве высокочтимых божеств, наделенных мистической силой и оказывающих большое влияние на жизнь людей и других живых существ. В отношении них сформированы специальная ритуальная практика и определенные этические нормы. Конь же в соответствующей мировоззренческой системе и обрядности, несмотря на свой высокий семиотический статус, обычно выступает лишь в качестве второстепенного элемента – посредника, спутника, жертвы, предмета дарообмена и пр. Таким образом, сам по себе конь не фигурирует как исключительный и самостоятельный объект религиозного поклонения. Данная мысль в полной мере применима к восприятию коня в традиционном мировоззрении и обрядовой практике хакасов.

В культуре рассматриваемого народа конь был всесторонне и глубоко включен не только в сферу материальной, но и духовной жизни. Столь высокая значимость коня была точно сформулирована в такой хакасской народной загадке, как: «*Прай нимее кирек (ат)*» – ‘Для всех дел необходим (конь)’ [21, с. 109]. Это животное было неотъемлемым элементом мировоззренческой системы и обрядности народа, в том числе связанным с жизненным циклом человека – рождением, браком и смертью. В традиционном мировидении хакасов конь выступает в качестве неизменного и верного спутника человека. Он сопровождает своего хозяина на протяжении всей его жизни, начиная с рождения и заканчивая его погребением. В результате чего является естественной составляющей жизни не только отдельно взятого человека, но и всего этноса. Представление о неразрывной сакральной связи этого животного с хакасами получило свое воплощение в такой народной поговорке, как «*Лошадь – душа нашего народа*» (*ністің чонның тыны – ат*) [22, с. 30]. К сказанному добавим, что в представлениях хакасов конь часто воспринимается как земное существо, приносящее людям счастье. Исходя из этого, в традиционном сознании народа образ скачущего всадника был одним из ключевых символов благополучия. Данное убеждение получило отражение в таком распространенном благопожелании, как «*адыңның тінін [ідөк] пик тут*» – ‘Повод своего коня (также) крепко держи’. Оно символизирует собой пожелание человеку дальнейших жизненных успехов и счастья [23, с. 15].

Вместе с тем в мифологических представлениях хакасского народа конь устойчиво ассоциируется еще и с душой отдельного мужчины. В народных гаданиях по снам было принято полагать, что если девушке приснится конь, то именно это предвещает ей скорое замужество. В ситуации, когда беременной женщине приснился сон, где фигурировало обозначенное животное, то это непременно указывало на то, что в ближайшем будущем у нее родится мальчик [24, с. 178]. Учитывая данные мировоззренческие установки, становится понятен смысл старинного обычая *ат алызып*, когда близкие друзья в процессе побратимства обменивались самым дорогим, что у них было, а именно своими конями. Обозначенный акт был символически эквивалентен взаимообмену человеческими душами. Отметим и то, что во время свадебного ритуала новобрачную обменивали на коня (*нас ат*). В случае же расторжения брака женщине возвращался конь, причем с полным комплектом снаряжения (*ат-тон*) [5, с. 55]. Добавим и то, что согласно нормам обычного права хакасов в качестве возмещения ущерба за бесчестье девушки/женщины потерпевшая сторона обычно требовала от виновника коня [25, с. 95]. Таким образом, по своему символическому значению конь был равноценен мужчине / его душе.

Заметим, что символический параллелизм и отождествление образов коня и человека выступают типичным явлением в народных песнях. Приведем отрывок одной из них:

«Адам ады поэраам
Аттан хомай ат нимес;
Ада палазы поэраам
Аргадаң кинек нимес»

‘Отцовский рыжий конь
Среди коней не худший;
Отцовский сын, я сам
Среди людей не худший’ [26, с. 58].

В традиционной жизнедеятельности человека из всех домашних животных именно лошадь имеет наиболее длительный и близкий телесный контакт с ним ввиду того, что используется в качестве универсального транспортного средства, зачастую верхового. В культуре хакасов человек, любой всадник с самого раннего детства ощущает на коне себя совершенно естественно и свободно. Более того, он обычно испытывает чувство глубокого единства и гармонии со своим скакуном, тонко чувствуя каждое его движение и настроение, что нашло отражение в песенном фольклоре [1, с. 235].

Несмотря на большую народную любовь к коню, хакасам все же не было свойственно возводить его в культ. В противном случае это неизбежно способствовало бы отделению и значительному дистанцированию лошади от человека, что было немыслимо для скотовода в его повседневной жизнедеятельности. В традиционном сознании народа как раз наоборот ярко проявляется тенденция к профанации этого животного как своего рода антитезы процесса сакрализации, которая, несомненно, также имела место быть. Главным образом, это детерминировано максимальной включенностью лошади в обыденную жизнь хакаса и его утилитарную деятельность, что, безусловно, способствовало их чрезвычайному сближению. В. Я. Бутанаев совершенно верно отметил, что в хакасском и других тюркских языках обозначение имени человека и номинация «конь» передается одним словом – *ат*. Автор полагает, что данная норма восходит к народной эпической традиции, в которой герой имеет тесную взаимосвязь со своим скакуном [5, с. 55]. Следует добавить, что в фольклоре к именам героев, как правило, добавляется название его коня, причем с обязательным указанием его масти: например, «*Ах ой аттыг Айдолай*» – ‘Айдолай на бело-буланом коне’, «*Хара хулаттыг Хулатай*» – ‘Хулатай на темно-саврасом коне’ и др. [7, с. 46].

В культуре хакасов традиционно коневодством занимались исключительно лишь мужчины. Добавим и то, что в силу объективных исторических причин в прошлом в военных походах и сражениях участвовали преимущественно мужчины-воины как подобает верхом на коне. Потому в традиционном сознании хакасов образ коня неизменно ассоциируется именно с представителями сильного пола. Отождествление коня с мужчиной получило свое яркое воплощение в следующих народных пословицах и поговорках: «*ат – ирнің ханады*» – ‘конь – крылья мужчины’; «*ат сыырыры – хамчыда, ир тыыры – изерде*» – ‘выносливость коня в кнуте, сила (крепость) мужчины – в седле’; «*ир кізінің істінде изерліг ат чызаан*» – ‘мужская стойкость беспредельная (букв. внутри мужчины истлела оседланная лошадь)’ [22, с. 30; 27, с. 79].

В народных воззрениях распространено убеждение в том, что конь и его хозяин, а именно мужчина, чрезвычайно близки не только по духу, но и тождественны друг другу по складу характера, внешним данным и даже наименованию. Подобные суждения были запечатлены в устном народном творчестве хакасов [28, с. 225; 29, с. 104]. В героических сказаниях хакасов красной нитью проходит идея о том, что герой и его конь имеют взаимную принадлежность и общую судьбу. Подобная идея дополняется эпическими воззрениями об их потенциальной кровнородственной связи. Для многих фольклорных произведений типичным является наделение богатыря чертами сверхъестественного происхождения, сакральной связью

с духами-предками и т. д. Например, некоторые герои рождаются непосредственно от лошадей или отдельных природных объектов (скал и пр.), но вместе со своими конями [7, с. 98].

В соционормативной практике хакасов наличие коня для мужчины было мерилом его социального статуса и престижа в обществе. Данная норма постулируется в такой пословице, как «*кізі полза, аттыг полар, киик полза, түйктіг полар*» – ‘человек должен быть с конем, а кося – с шерстью’ [27, с. 79–80]. Еще в конце XIX в. С. Л. Чудновский, характеризуя хозяйственную специфику рассматриваемого народа, сообщал о том, что они преимущественно занимаются коневодством, а некоторые из них владеют табунами в пять-шесть тысяч голов [30, с. 82].

В традиционных суждениях хакасов отсутствие ездового животного рассматривалось как явный признак материальной несостоятельности и даже ущербности человека. Потому в благопожеланиях народа конь всегда был одним из распространенных символов богатства и благоденствия: «*алтанын мўнер аттыг пол, амзап чўрер тамахтыг пол*» – ‘пусть у тебя будет конь, чтобы ездить верхом, пусть у тебя будет еда, чтобы вкушать’; «*чабызах таа полза, аттыг пол, азааң чирге теңмес*» – ‘хоть и низенькая, пусть у тебя будет лошадь, ведь ты будешь ездов (букв. твои ноги не будут касаться земли)’ [27, с. 81]. Отношение хакасов к коню как одной из главных материальных и духовных ценностей в жизни мужчины было красочно описано М. А. Кастреном [31, с. 216]. Идея глубокой привязанности и бережного отношения к коню со стороны его хозяина также представлена в многочисленных народных песнях [1, с. 234].

Хакасы, как и многие другие народы Сибири и Центральной Азии, славились как прекрасные наездники, хорошо знающие повадки своего коня и всегда умело управляющие им. И даже в состоянии физической немогности они могли свободно и без ущерба для себя перемещаться на своих лошадях. В народе не без оснований распространено мнение о том, что и без соответствующего внешнего управления скакун обладает способностью самостоятельно найти дорогу домой и аккуратно доставить туда своего хозяина. Данные суждения основывались на реальных историях, которые неоднократно отмечались в этнографических материалах исследователей XIX в. [31, с. 215–216; 32, с. 309; 33, с. 24–25]. Наблюдения обозначенных ученых свидетельствуют не только об умелом владении конем даже в полубессознательном состоянии, но и глубокой привязанности и преданности этого животного своему хозяину и его высокому интеллекте.

Чрезвычайная близость лошади к человеку, обусловленная реалиями быта и традиционного мировосприятия, также способствовала тому, что в устном народном творчестве хакасов ее образ стал одним из доминирующих при характеристике моральных качеств человека, особенностей его поведения и ценностных ориентиров. В сравнительно-сопоставительном плане образы коня и человека широкое распространение получили в пословицах и поговорках. Обнародуем некоторые из них: «*ат аттың артых поладыр, кізі кізідең артых тўридір*» – ‘лошадь лучше других лошадей бывает, человек лучше других рождается’; «*тайга чирче чўрерге, аттың чахсызы кирек; чон пазында турарга, ирнің чахсызы кирек*» – ‘чтобы по тайге ездить, нужен хороший конь, во главе народа должен стоять хороший мужчина’; «*чахсы атты чўрізінең пілчелер, чахсы кізі тоғызынаң кўрчелер*» – ‘хорошего коня по ходу узнают, хорошего человека по работе видят’ и др. [34, с. 43].

В хакаских поговорках часто используется прием сравнительного параллелизма. Сквозь призму образа коня репрезентируются трудные условия, в которых может оказаться человек с самого раннего детства: «*чазыда чортпаан ат чоғыл, чазыбин өскен ир чоғыл*» – ‘нет лошади, которая не пробегала бы рысью по степи, нет мужчины, который бы рос без тягот жизни’; «*өкіс хулун ат өс парча, өкіс олған ир өс парча*» – ‘осиротевший жеребенок вырастает конем, сирота-ребенок вырастает мужчиной’ [27, с. 80]. Довольно устойчивой является смысловая параллель между жеребенком и ребенком, которая широко представлена в пословицах. В них подспудно формулируется вопрос своевременного воспитания подрастающего поколения:

«чабаганы ат өскірірге, паланы ир өскірірге» – ‘жеребенка надо выходить, чтобы стал добрым конем, ребенка надо воспитать, чтобы стал мужчиной’, «аттың чорығы кішідең, кізінің чахсызы – чииттең» – ‘ход лошади [виден] с раннего возраста, хорошее в человеке – смолodu’; «чахсы ат хулунде көренче, чахсы кізі кішіде пілдірче» – ‘хороший конь в жеребенке виден, хороший человек в ребенке заметен’; «ат полары – хулуннаң, ир полары – олғаннаң» – ‘каким будет конь, видно по жеребенку, каким будет мужчина, видно по ребенку’ [27, с. 80].

В традиционном мировидении хакасов образ всадника неотделим от понятия «пути/дороги». Обозначенные понятия широко представлены в малых жанрах фольклора. Приведем соответствующие паремии: «айдас атха чол чагын, көлбек кізее нанчы чагын» – ‘выносливому коню дорога близка, бескорыстному человеку друг близок’; «аттың ибегін чолда пілерзің, че кізі чахсызын чол сыгардох піл» – ‘резвость коня узнаешь в пути, но доброту человека узнай перед тем, как выйти в дорогу’; «ат чахсыда – чол хысха» – ‘если конь хорош, то и путь короток’; «аттың күзі чолда» – ‘сила коня познается в пути’ [27, с. 80].

В мифологическом сознании хакасов взаимосвязанный образ коня и человека репрезентируется не только в процессе антропоморфизации обозначенного животного, но и в гиппоморфизации как самого человека, так и отдельных его органов тела. Данное явление часто встречается в народных загадках, где: 1) конь ассоциируется с человеком; 2) человеческая голова уподобляется коню; 3) зубы и язык отождествляются с лошадьми; 4) уши человека соотносятся с ушами указанного животного и т. д. [1, с. 241, 242, 286, 367]. Признак гиппоморфности представлен и в таком образном выражении, манифестирующем факт искренней и неразлучной дружбы между людьми, как «ат хулагы» (букв. коня ухо) [23, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в культуре хакасов особо значимым был образ «конь – человек», имевший положительную коннотацию. Он был обусловлен историко-культурной спецификой их хозяйствования, главным образом развитым коневодством. В жизни хакаса-скотовода лошадь имела обширные утилитарные функции. Конь является одним из самых умных и преданных домашних животных. Поэтому в народе он всегда пользовался большим уважением и любовью и выступал в качестве символа благополучия. Все вышеперечисленные факторы, безусловно, способствовали абсолютному сближению лошади и человека. Наряду с этим следует констатировать тот факт, что вопреки ее активной включенности в ритуальную практику и сакрализации бытование так называемого культа коня у хакасов все же не обнаруживается. Наоборот, в народе конь часто воспринимается как профанное животное, имеющее неразрывную связь с хозяйственной деятельностью и повседневным бытом людей. Данная реальность способствовала тому, что в традиционном сознании хакасов образ рассматриваемого животного начинает очеловечиваться. При этом он осмысливается не просто как верный друг и помощник своего хозяина, но и наделяется соответствующими чертами человеческого характера. Репрезентация образа «конь – человек» более полное раскрытие получила в эпических произведениях, а также в народных пословицах и поговорках. Двуетельный образ богатыря и его коня является одним из самых ярких в сказительском искусстве хакасов. Герой и его скакун априори семантически взаимосвязаны как общей сакральной природой, так и единой целью своего бытия. Ассоциативно-символическое сравнение образов коня и человека широкое распространение получает в многочисленных паремиях и народных загадках. В них образ этого животного предельно очеловечен и зачастую символически отождествлен именно с мужчиной.

Список источников:

1. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
2. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами. Л., 1977. С. 164–178.

3. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 320 с.
4. Дыренкова Н. П. Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб: МАЭ РАН, 2012. 408 с.
5. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
6. Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
7. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
8. Сунчугашев Я. И. О двуглавых конях в хакасском героическом сказании // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 115–120.
9. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
10. Чистобаева Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: ООО «Кн. изд-во “Бригантина”», 2015. 170 с.
11. Бурнаков В. А. Традиционные представления хакасов о ызыхах // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 2 (42). С. 111–121.
12. Бурнаков В. А. Образ коня в шаманской атрибутике хакасов (конец XIX – середина XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой научной сессии института археологии и этнографии СО РАН. Т. XXVI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 775–780.
13. Бурнаков В. А. Конь и конская упряжь в обрядности детского цикла хакасов (конец XIX – середина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2022 а, № 1 (35). С. 115–123.
14. Бурнаков В. А. Конь как небесное существо в религиозно-мифологических представлениях хакасов (конец XIX – XX век) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2022 б, № 2 (36). С. 105–117.
15. Бурнаков В. А. Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2022 в. № 479. С. 89–99.
16. Бурнаков В. А. Конь в свадебной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология, 2023 а. Т. 22. № 3. С. 140–154.
17. Бурнаков В. А. Конь как хтоническое существо в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2023 б, № 1 (39). С. 102–117.
18. Щукин Н. С. Народы турского языка, обитающие в Сибири // Журнал Министерства внутренних дел, 1847. № 18. С. 255–284.
19. Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
20. Культ (религиозный) // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М.: Наука, 1993. 240 с.
21. Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.
22. Нарылкова О. В. Лошадь и ее наименования в хакасском языке // Ежегодник ИСАТ. Вып. XI. Абакан: Изд-во ХГУ, 2007. С. 29–31.
23. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь: учебное пособие. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1996. 144 с.
24. Бурнаков В. А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
25. Степанов А. П. Енисейская губерния. Часть II. СПб.: Тип-я Конрада Вингебера, 1835. 139 с.
26. Хакасские народные таппахи. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 132 с.
27. Чертыкова М. Д. Пословичная концептуализация общетюркской зоолексемы ат ‘лошадь’ (на материале хакасского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири, 2019. № 2 (38). С. 78–84.
28. Катанов Н. Ф. Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник, 1887. Т. 25. С. 218–234.
29. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. 212 с.
30. Чудновский С. Л. Енисейская губерния: К трехсотлетию юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск: Тип-я «Сибирской газеты», 1885. 198 с.
31. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
32. Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина, 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
33. Кропоткин А. А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. СПб.-М.: Изд. Тов-ва М. О. Вольф, 1895. Т. 12. Ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. С. 19–50.

34. Бытотова Л. И. Отражение концепта «лошадь» в языковом сознании русских и хакасов (на материале пословиц и поговорок) // Филологические науки в России и за рубежом. Санкт-Петербург: Реноме, 2013. С. 40–44.

Бурнаков Венарий Алексеевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: venariy@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24 октября 2023 г.

V. A. Burnakov

THE CONCEPT OF 'HORSE AND HUMAN' IN THE TRADITIONAL WORLDVIEW OF THE KHAKAS (END OF THE XIX–XX CENTURY)

The Khakas' traditional way of life and economic activity was connected with horse breeding, which was given an important place. The daily life of the Khakas, the cattle breeders, was inextricably linked to the horse, on which practically their entire life depended – from daily housework to eating. This has contributed to the development of a whole complex of ideas about this domestic animal as the closest living creature to man in the traditional consciousness of the people. In the world view of the Khakas, the horse is not only perceived as an indispensable companion and faithful helper to humans but also as an equal partner in the 'horse and human' tandem. This article aims to characterize the concept of 'horse and human' in the traditional worldview of the Khakas. The time frame of the work is limited to the late XIX–XX century. The available sources on the research topic determine the choice of this time frame. Ethnographic and folkloristic materials served as the source basis. The study follows the principle of historicism, in which each cultural phenomenon is considered in its development and in the light of a specific historical situation. The research methodology uses historical and ethnographic methods: Remains (relics) and semantic analysis. According to the study results, the author concludes that the positive ideological concept of 'horse and human' was among the most important in the Khakas' traditional culture. This, of course, testifies to the extremely important role that the horse played in the material and spiritual spheres of the life of these people. In the traditional consciousness of the Khakas, the image of this animal is very close to that of man; it is not only understood as a faithful friend and helper of its master but is also endowed with human qualities. The concept of 'horse and human' was elaborated in epic works and folk proverbs, sayings, and riddles. In the oral folk art of the Khakas, the images of 'horse and human' are inextricably linked. They complement each other and form a whole. In folklore, the ideas about a horse and its owner are manifested through a pictorial parallel. An associative-symbolic comparison is drawn between the behavior of humans and horses. It is noted that the image of this animal is strongly anthropomorphized and is often symbolically identified with humans.

Keywords: *Khakas, traditional culture, worldview, the concept of 'horse and human,' image, symbol, folklore, socio-normative attitudes*

References:

1. Katanov N. F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagases: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. S-Peterburg, 1907. Vol. 9. 640 p. (in Russian).
2. Potapov L. P. Kon' v verovaniyakh i epose narodov Saiano-Altaya [The horse in the beliefs and epic of the peoples of the Sayano-Altai]. Fol'klor i etnografiya. Svyazi fol'klora s drevnimi predaniyami i obryadami [Folklore and ethnography. Connections of folklore with ancient traditions and rituals]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. P. 164–178 (in Russian).
3. Potapov L. P. Altaiskii shamanizm [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 320 p. (in Russian).
4. Dyrenkova N. P. Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [The Turks of Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. S-Peterburg: MAE Publ. 2012. 408 p. (in Russian).
5. Butanaev V. Ya. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan: Publishing House of KhSU, 2003. 260 p. (in Russian).
6. Butanaev V. Ya. Traditsionnyi shamanizm Hongoraya [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan: Publishing House of KhSU, 2006. 253 p. (in Russian).

7. Ungvitskaya M. A., Mainogasheva V. E. Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo [Khakas folk poetry]. Abakan, Khakass office Krasnoyarsk Book Publ., 1972. 312 p. (in Russian).
8. Sunchugashev Ya. I. O dvuglavykh konyakh v khakasskom geroicheskom skazanii [About two-headed horses in the Khakass heroic legend]. Voprosy arkheologii Khakasii [Problems of archeology of Khakassia]. Abakan, 1980. P. 115–120 (in Russian).
9. Subrakova O. V. Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa [The language of the Khakass heroic epic]. Abakan: Khakas. book Publ., 2007, 164 p. (in Russian).
10. Chistobaeva N. S. Geroicheskii epos khakasov: Tematika i poetika [The heroic epic of the Khakas: Theme and Poetics]. Abakan: Brigantina Book. Publ., 2015, 170 p. (in Russian, in Khakas.).
11. Burnakov V. A. Traditsionnye predstavleniya khakasov o yzykhakh [Traditional views of the Khakas about the Yzykhs] // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2010. Vol. 2 (42). P. 111–121 (in Russian).
12. Burnakov V. A. Obraz konya v shamanskoj atributike khakasov (konec XIX – seredina XX veka) [The image of a horse in the shamanic attributes of the Khakass (late XIX – mid XX century)]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy: materialy godovoy nauchnoy sessii instituta arheologii i jetnografii SO RAN. T. XXVI [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: materials of the annual scientific session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Vol. XXVI]. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2021. P. 775–780 (in Russian).
13. Burnakov V. A. Kon' i konskaya upryazh' v obryadnosti detskogo tsikla khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [Horse and horse harness in the rituals of the Khakass children's cycle (late XIX – mid XX century)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2022. Vol. 1 (35). P. 115–123 (in Russian).
14. Burnakov V. A. Kon' kak nebesnoe sushhestvo v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh khakasov (konets XIX – XX vek) [The horse as a celestial being in the religious and mythological representations of the Khakas (late XIX – XX century)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2022. Vol. 2 (36). P. 105–117 (in Russian).
15. Burnakov V. A. Kon' v traditsionnoy pohoronnoy obryadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX v.) [The horse in the traditional funeral rites of the Khakass (late XIX – mid XX century)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2022. Vol. 479. P. 89–99 (in Russian).
16. Burnakov V. A. Kon' v svadebnoy obryadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [The horse in the wedding ceremony of the Khakass (late XIX – mid XX century)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2023. Vol. 22. No. 3. P. 140–154 (in Russian).
17. Burnakov V. A. Kon' kak khtonicheskoe sushhestvo v verovaniyakh i fol'klore khakasov (konets XIX – seredina XX veka) [The horse as a chthonic being in the beliefs and folklore of the Khakass (late XIX – mid XX century)] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2023. Vol. 1 (39). P. 102–117 (in Russian).
18. Shchukin N. S. Narody turskogo yazyka, obitayushchie v Sibiri [Peoples of the Turk language living in Siberia] // Zhurnal Ministerstva vnutrennih del [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1847. Vol. 18. P. 255–284 (in Russian).
19. Nesterov S. P. Kon' v kul'tah tyurkoyazychnykh plemen Central'noy Azii v epokhu Srednevekov'ya [Horse in the cults of the Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 143 p. (in Russian).
20. Kul't (religiozniy) [Cult (religious)]. Religioznye verovaniya: Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Vyp. 5 [Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms. Vol. 5]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 240 p. (in Russian).
21. Mudroe slovo. Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits, pogovorok i zagadok [Wise Word. Collection of Khakass folk proverbs, sayings and riddles]. Abakan, 1976, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 128 p. (in Russian and in Khakas.).
22. Narylkova O. V. Loshad' i ee naimenovaniya v khakasskom yazyke [Horse and its names in the Khakass language]. Ezhegodnik Instituta Sayano-altaiskoy tyurkologii. Vyp. XI [Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Archeology. Vol. 11]. Abakan: KhSU Publ., 2007. P. 29–31 (in Russian).
23. Borgoyakova T. G. Kratkiy khakassko-russkiy frazeologicheskij slovar': uchebnoe posobie [Brief Khakass-Russian phraseological dictionary. Tutorial]. Abakan: KhSU Publ., 1996. 144 p. (in Khakas., in Russian).
24. Burnakov V. A. Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The spirits of the Middle world in the traditional worldview of the Khakas people]. Novosibirsk, 2006, IAET SO RAN Publ. 197 p. (in Russian).
25. Stepanov A. P. Eniseyskaya guberniya. Chast' II [Yenisei province. Part II]. St.-Petersburg, Konrad Vingeber Publ., 1835. 139 p. (in Russian).

26. Khakasskie narodnye takhpakhi [Khakass folk takhpakhas]. Abakan: Khakass office Krasnoyarsk. book Publ., 1980. 132 p. (in Russian).
27. Chertykova M. D. Poslovichnaya konceptualizaciya obshchetyurkskoiy zooleksemy at "loshad'" (na materiale khakasskogo yazyka) [Proverbial conceptualization of the common Turkic zoolexeme at 'horse' (based on the material of the Khakass language)] // Jazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2019. Vol. 2 (38). P. 78–84 (in Russian).
28. Katanov N. F. Skazaniya i legendy Minusinskikh tatar [Tales and legends of the Minusinsk Tatars] // Sibirskij sbornik [Siberian collection]. 1887. Vol. 25. P. 218–234 (in Russian).
29. Yakovlev E. K. Jetnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob'yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya. Vyp. 4 [Ethnographic overview of the foreign population of the Southern Yenisei valley and Explanatory catalog of the Ethnographic Department of the museum. Description of the Minusinsk Museum. Vol. 4]. Minusinsk: V. I. Kornakov Publ., 1900. 212 p. (in Russian).
30. Chudnovskiy S. L. Eniseyskaya guberniya: K trekhstotletnemu yubileyu Sibiri (Statistiko-publicisticheskie etyudy) [Yenisei province: To the three hundredth anniversary of Siberia (Statistical and journalistic studies)]. Tomsk: «Sibirskaya gazeta» Publ., 1885. 198 p. (in Russian).
31. Kastren M. A. Puteshestvie v Sibir' (1845–1849) [Travel to Siberia (1845–1849)]. Tyumen': Ju. Mandriki Publ., 1999. 352 p. (in Russian).
32. Ostrovskikh P. E. Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic Notes about the Turks Minusinsk Territory] // Zhivaya starina [Living antiquity]. 1895. Vol. 3–4. P. 297–348 (in Russian).
33. Kropotkin A. A. Sayanskii khrebet i Minusinskii okrug [Sayan Range and Minusinsk District]. Zhivopisnaya Rossiya [Picturesque Russia]. S-Peterburg-Moscow: M. O. Vol'f Publ., 1895. Vol. 12, iss. 1. Eastern outskirts of Russia. Eastern Siberia. P. 19–50 (in Russian).
34. Bytotova L. I. Otrazhenie koncepta «loshad'» v yazykovom soznanii russkikh i khakasov (na materiale poslovits i pogoovorok) [Reflection of the concept "horse" in the linguistic consciousness of Russians and Khakassians (based on proverbs and sayings)]. Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom [Philological sciences in Russia and abroad]. St. Petersburg: Renome Publ., 2013. P. 40–44 (in Russian).

Burnakov Venariy Alekseevich.

Ph.D. in history, senior researcher.

Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the RAS.

Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: venariy@mail.ru

Л. Д. Дашиева

КУЛЬТ КОНЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ¹

Впервые репрезентирован культ коня в бурятской мифологии, религии, традиционной медицине и культуре. В жизненном пространстве кочевников лошадь была лучшим другом и спутником человека, сопровождая его с раннего детства и до глубокой старости. В ритуально-обрядовом комплексе монгольских народов культ коня имел сакральное значение, начиная с ритуалов посвящения трех- и семилетних мальчиков в наездники и охотники и заканчивая похоронно-погребальными обрядами. Семантика культа коня раскрывается на разных контекстуальных уровнях: в шаманской мифологии, религии, ритуалах, традиционной культуре, бурятском круговом танце *ёхор*, музыкальном инструментарии монголов и бурят. Особое значение приобретает исследование феномена культа коня в контексте генезиса, конструкции, сакральности монгольского музыкального инструмента *моринхура* и бурятского *хура*. Глубинные мифологические и религиозные представления бурят и монголов о коне отражаются в легендах, улигерах, западнобурятских похоронных песнях *ухэлэй дуунууд*, круговом танце *ёхоре*, а также в изучении семантики *моринхура* и *хура* в контексте звуковой картины мира как информационной модели шаманских ритуалов.

Пунктирно проведены параллели, отражающие культ коня в традиционной культуре тюркских и монгольских этносов.

Ключевые слова: культ коня, семантика, обряды, традиционная культура, музыкальные инструменты, буряты, монголы

В современной бурятской этнографии и фольклористике впервые осуществляется междисциплинарное исследование культов животных и птиц, которое позволит рассмотреть их на материале бурятской этнографии, археологии, религиоведения, фольклористики и этномусикологии, что, безусловно, способствует выявлению разных контекстуальных уровней изучаемого феномена.

Култ животных и птиц имеет многогранное значение в религии, мифологии и традиционной культуре тюрко-монгольских этносов. Поскольку многие кочевые народы были скотоводами, культами животных проникнута вся сфера их жизнедеятельности. Безусловно, мир степной культуры кочевников был неотделим от глубинной сакральности их религиозных верований, хозяйственной и духовной жизни.

В бурятской традиционной культуре лошадь и овца относятся к категории домашнего скота *халуун хошуу мал* («с горячим дыханием») или же *халуун амитан* («горячее животное»). По-видимому, не случайно у монгольских народов термином «халуун» в значении «теплый», «своеродный» обозначались близкие родственники, с которыми был запрещен экзогамный брак. По мнению К. В. Вяткиной, в этих представлениях скрывается кровная связь с лошадью как первопредком [1]. Однако, по данным бурятского этнографа и фольклориста Д. С. Дугарова, «лошадь отнесена к “своеродным” не потому, что она является тотемом бурят, а потому что конь, как и человек (бурят), создан верховным богом-творцом» [2, с. 68].

Мясо и жир овцы и лошади, кобылье молоко обладают целебными свойствами, «согревающими» и полезными для организма человека. В частности, для лечения и восстановления сил роженицам и больным давали бульон, приготовленный из свежей баранины или конины. Издавна используется традиционный способ лечения больного человека путем обертывания его в свежую шкуру лошади или овцы (*арһанда уруулха, жээн табиха, оорох, сэвэслэху*) [3, с. 137]. Больного заворачивали в свежую шкуру лошади или овцы, попарно накладывая еще горячие органы на органы человека: сердце на сердце, желудок на желудок, почки на почки и т. п. [4, с. 26]. Завернутый в шкуру больной человек лежал так до их полного остывания.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

Считается, что орган животного вытягивает болезнь из больного органа человека. До сих пор такой метод лечения актуален, и его эффективность подтверждается результатами традиционной медицины монгольских народов.

В жизненном пространстве кочевников лошадь играла ключевую роль, сопровождая человека с раннего детства и до глубокой старости. Ее ласково называли *эрдэни* («драгоценность»). Лошадь была лучшим другом и спутником всей жизни кочевника, незаменимой в военных походах, дальних перекочевках, охотничьей и скотоводческой деятельности. Культ коня была пронизана вся сфера жизнеобеспечения скотоводов: материальная (пища, одежда, обувь, волосяные веревки, шкуры, музыкальные инструменты и др.) и нематериальная культура, отражающая многогранные стороны религиозно-духовной жизни тюрко-монгольских народов. В ритуальном поведении кочевников существовала система запретов, связанная с этим культом: лошадь нельзя было ругать, а тем более бить, наступать на удила и т. п.

Безусловно, лошадь обладала магической способностью защищать людей от болезней, смерти и несчастий. Например, «по представлениям башкир, конский глаз обладает сверхъестественной способностью видеть то, что скрыто от человека; лошадиный череп оберегает от дурного глаза. Коня вводили в дом для изгнания злых духов... Больного, страдающего эпилепсией, излечивали тем, что на него во весь опор мчались всадники на коне» [5, с. 32]. Особой магией наделялся конский волос, служащий оберегом от зла, болезней и смерти. Например, волосяной веревкой, сплетенной из конского волоса, бурятские шаманы загораживали вход в юрту от злого духа ада, вредящего детям, особенно новорожденным [5, с. 32]. Во время стоянки ею огораживали вокруг временное жилище от проникновения змей. Магической силой наделялась волосяная веревка, изготовленная из белого конского волоса.

Якуты, тувинцы, монголы, калмыки и буряты особо почитали беломастную лошадь, обладающую символикой и магией небесного жителя. Очевидно, культ беломастной лошади был тесно связан с солярными культами Солнца и Неба. По мнению бурятского этнографа Г. Р. Галдановой, «...если в основе культа коня и была тотемическая мотивировка, она неизбежно связывалась с солярным культом» [6, с. 63]. Во время ритуала жертвоприношения беломастных лошадей шаманским божествам буряты и монголы, прежде чем принести их в жертву, кропили молоком и совершали возлияния – *сэржэм үргэхэ*, заклиная: «*зэлэ, зэлэ байха үндэр тэнгэри, эхын байха ульгэн эхэ*» – «высокое небо – местонахождение лошадей, мать земля – местонахождение женщины-матери» [6, с. 63–64; 7, с. 207–208]. Кроме того, из белого конского волоса изготавливались струны и смычок для традиционных музыкальных инструментов монгольского *моринхура*, бурятских *хура* и *сууха хура*.

Таким образом, культ коня был одним из основных в обрядовой системе бурятского социума, начиная с ритуалов посвящения трехлетних и семилетних мальчиков в наездники и охотники и заканчивая похоронно-погребальными обрядами, отражающими культ коня.

Образ небесного крылатого коня присутствует практически во всех жанрах традиционной культуры бурятского народа: в мифах, преданиях, легендах, песнях, бурятском героическом эпосе *улигерах*. Так, в *улигерах* богатырский конь имеет небесное происхождение и обладает удивительными способностями мыслить, говорить, давать мудрые советы своему хозяину [4, с. 87–88]. Бурятские сказители часто исполняли эпические сказания *улигеры* в сопровождении традиционного музыкального инструмента *хура*, к семантическому анализу которого обратимся позже. Подобно тому, как бубен бурятского шамана *хэсэ* был символическим воплощением мифического коня, на котором шаман поднимался в небесный мир, бурятский музыкальный инструмент *хур* как бы символизировал коня сказителя [4, с. 88]:

Хээрэл моринойм хуур,	Хур мой конный гнедой,
Хэлэтэй аматай хуур юм даа,	Языкастый звонкий хур,
Алаг моринойм хуур,	Хур мой конный пегий,
Аматай хэлэтэй хуур юм даа.	Звонкий языкастый хур [8, с. 233].

Думается, изучению образа коня в бурятском героическом эпосе *улигерах* необходимо посвятить специальное исследование, в котором отражался бы музыкально-семантический дискурс в контексте богатейших эпических традиций бурятского народа.

Культ коня реализуется в генезисе монгольского музыкального инструмента *моринхура* и его аналога бурятского музыкального инструмента *хура* (*хуур*). *Моринхур/хур* (*морин* – «лошадь») – двухструнный смычковый инструмент трапециевидной формы с длинной шейкой-грифом, украшенным в форме головы лошади и получивший название от «*морин толгой той хуур*» («хур с головой лошади») [4, с. 128].

В традиционной культуре популярны удивительной красоты монгольские легенды о происхождении *моринхура*. В одной из легенд повествуется следующее: «После гибели коня его хозяин изготовил из останков любимого животного *хур* с двумя волосяными струнами, смычком и кожаной декой. Он украсил гриф инструмента головой коня, вырезанной из дерева, и, вспоминая мелодию, возникающую при полете коня, воспроизводил ее на инструменте, названном *моринхур* или *морин толгой той хуур* (хур с головой лошади)» [9, с. 63–64]. Так «чарующие звуки музыки возникли впервые из развевающихся по ветру гривы и хвоста крылатого коня» [9, с. 36].

Сведения о *моринхуре* присутствуют в монгольских источниках «Сокровенном сказании», «Алтан тобчи», «Сказании об Аргасун-хурчи». В частности, в «Сказании об Аргасун-хурчи» повествуется о том, что «даже у самого Чингисхана был свой *хур* – “золотой *хур*”, который у него однажды взял, не спросив на то разрешения, Аргасун-музыкант. Надо сказать, у монголов по сей день существует поверье, что *моринхур* приносит счастье, а лишиться инструмента – значит лишиться в жизни всего самого светлого и дорогого. Узнав о случившемся, Чингисхан решил казнить Аргасуна. В ответ на это решение *хурчи* спел ему песню-просьбу, и прочувствовавшийся владыка отменил казнь» [10, с. 32–33]. В этой легенде показателен факт магических свойств музыкального инструмента. Благодаря своему теплему тембру и певучести *хур* способен затрагивать самые тонкие струны души человека, глубоко проникая в ее сокровенные тайники. Китайцы называли *хур* *сицинем* (от *си*- название племени восточных монголов дунху).

Сакральной символикой, отражающей культ коня, обладают отдельные части музыкального инструмента *моринхура/хура*. «Конь как существо, связывающее три мира Вселенной («крылатый конь»), – пишет Л. А. Халтаева, – на земле перевоплощается в *моринхур* – музыкальный инструмент с внешними отличительными признаками коня – его головой в качестве головки инструмента... черепом – в качестве его корпуса, кожей – как деки инструмента, конскими волосами – в виде двух струн и смычка» [5, с. 46]. Причем, как было указано выше, для струн и смычка использовали белый конский волос беломостной лошади как особо почитаемой, наделенной божественной силой. Два колка, на которые натягивали волосяные струны, называются *шэхэ* – «уши» [4, с. 130].

В старинных бурятских и монгольских легендах отражается глубинный пласт религиозных и мифологических представлений о *моринхуре/хуре*. По сведениям известного бурятского ученого М. Н. Хангалова, «у балаганских бурят *хур* имеет своего отдельного эжина (*хури-эжин*), духа, который по ночам играет на нем, а на эти звуки собираются другие духи. Если у бурята окажется *хур*, который как будто бы играет ночью, такой *хур* бурят сломает и выбросит» [11, с. 41, 90]. Схожее поверье бурят присутствует в рукописи П. М. Берлинского: «Ночью на *хуре* приходят играть *бохолдои* (черти). Если *хурчи* услышат ночью их игру, бросают играть совсем. Говорят, что на *хуре* можно играть не больше трех лет, после у *хура* появляется свой другой хозяин (дух)» [12, с. 26].

О сакральности *моринхура/хура* свидетельствуют монгольская и бурятская легенды. В частности, бурятская легенда гласит следующее: «Если хочешь стать хорошим хуристом (*музыкантом* – Л. Д.), надо выйти ночью на развилку трех дорог, сесть на конский череп

и ждать чудовище-мангасхай. Когда чудовище появится, надо залезть ему в пасть, и когда вылезешь из нее обратно, будешь хорошим хуристом» [13, с. 65]. Семантическое сходство имеет монгольская легенда, рассказанная известным сказителем и непревзойденным музыкантом Лубсан-хурчи: «Нужно в степи, у пригорка, найти череп павшей лошади, прийти к нему с подветренной стороны; если услышишь в черепе пение, человеческий голос, значит, быть тебе музыкантом и певцом» [14, с. 15].

Вероятно, в этих легендах закодирована информация, связанная с шаманской религией и мифологией. В частности, в обеих легендах обрядовое значение имеет конский череп («сесть на конский череп», «найти череп павшей лошади... услышать в черепе пение, человеческий голос») в качестве кода, способствующего достижению статуса хорошего музыканта и певца.

Рассмотрим культ коня и значение *моринхура/хура* в контексте звуковой символики шаманских ритуалов. Учитывая, что в ритуально-обрядовом комплексе бурят лошадь и овца являются главными жертвенными животными, в шаманских обрядах жертвоприношения, посвященных культу предков, им отводилась важная роль умиловивления шаманских духов и божеств. «Совершалось жертвоприношение коня, мясо которого затем съедалось, а шкура вывешивалась на шесте возле места погребения предков» [5, с. 50]. Монголы и алтайцы шкуру жертвенного коня с головой и копытами также вывешивали на шесте у могилы умершего человека. Очевидно, в похоронно-погребальных обрядах тюрко-монгольских народов жертвенный конь играл роль проводника души покойного в загробный мир. По-видимому, не случайно образ коня отражается в похоронных песнях западных бурят *үхэлэй дуун ууд*. Сохранившаяся и дошедшая до нас живая традиция западнобурятского похоронного пения на самом деле стала научным открытием автора статьи [15].

♩ = 70

Шо-но-до (о) ха-зуул ха (а) мо-ри - и - с-даа,
Хү-лэ-жэ (э) у-на-жа (а) а-ба-яб (а) - дил даа.
Шо-рой-до (о) да-руул-ха бэ - с - ы - с даа,
зу-гаа-ла - жа хэ-лэ-жэ а-ба-яб (а) - дил даа.
Шо - ной - и (о) гэ-тэ-хэ мо-ри - и - с даа,
Хү-лэ-жэ (э) у-на-жа (а) а-ба-яб (а) - дил даа.

Шонодо хазуулха мориие,
Хүлэжэ унажа абаябдил даа.
Шоройдо даруулха бэеые,
Зугаалажа хэлэжэ абаябдил даа.

Коня, которого могут разодрать волки,
Давайте запрежем и оседлаем.
Про него, который будет погребен в земле,
Давайте споем и поговорим.

Шонойн гэтэхэ мориие,	Коня, которого преследует волк,
Хүлэжэ унажа абаябдил даа.	Давайте запрежем и оседлаем.
Хээрэ хаялха ¹ бэеые,	Про него, которого бросят в степи,
Зугаалажа хэлэжэ абаябдил даа.	Давайте споем и поговорим [15, с. 96–97].

Семантика образа коня отражается в вербальном тексте западнобурятской похоронной песни *үхэлэй дуун* (*үхэл* – «смерть», *дуун* – «песня»). Верный друг и спутник кочевника обязан был сопровождать своего хозяина и в загробной жизни. Поэтому каждый бурят старался приобрести коня перед смертью, чтобы в загробном мире не ходить пешком [15, с. 97].

Таким образом, в текстах похоронных песен *үхэлэй дуунууд*, в том числе и в шаманских текстах, отражается глубокое сакральное содержание, связанное с образами покойных людей и образами животных: волком, коровой (быком) и лошадью [15, с. 97–98].

Шаман, как и сказитель *улигершин*, владея игрой на *моринхуре/хуре*, через звуки голоса и музыкальных инструментов имеет статус медиатора с космосом, шаманскими духами и божествами. В закодированном шаманском ритуале, в котором звуковое поле создавалось посредством звучания шаманского призывания *дурдалга*, бубна *хэсэ* и струнно-смычкового инструмента *хура*, особой магией обладал звук голоса шамана. Он оказывал огромное эмоционально-психологическое влияние на людей и природу [17, с. 79–80]. Шаманская звуковая картина мира представляла собой универсальную информационную модель с закодированной системой звуков со своими нормативными правилами, образующей особый канал коммуникативной связи, недоступной и далеко не безопасной для непосвященных в сакральный мир шаманских духов и божеств [18].

По-видимому, в древнейшем родовом культе музыкальный инструмент *моринхур/хур* играл роль звукового средства общения с духами предков, у которых выпрашивали ниспослать на землю благодать, мир и счастье. По сведениям бурятского ученого, этнографа и фольклориста Д. С. Дугарова, бурятский шаман имитировал игру на *хуре* «во время обряда жертвоприношения молочной пищей и водкой так называемого *хуурая* предкам шамана, а также небу по случаю поднятия громовой стрелы» [19, с. 272]. Причем большое значение имеет указание исследователя на ситуативность игры на *хуре*: «При этом шаман садился на белый потник (кошму), брал в руки две шаманские трости и одной из них водил поперек второй, изображая игру на бурятском народном музыкальном инструменте – *хуре*» [19, с. 272]. Очевидно, семантика такой игры была также связана с культом коня, так как шаманские конные трости, изготовленные из дерева или железа (железными владел высший шаман, прошедший 9 ступеней посвящения), наряду с бубном *хэсэ*, и, вероятно, музыкальным инструментом бурят *хуром*, символизировали мифического коня шамана, на котором он поднимался в верхний мир и спускался на землю.

В древних религиозных верованиях и шаманских обрядах сибирских народов ездовым животным шамана был мифический конь и марал у бурят, олень – у алтайцев, изюбр – у тофаларов. У алтайцев мифическим конем шамана был марал или олень *буура*, а кумандинцы называли *бура* «небесными конями» [2, с. 73–74; 20, с. 28]. В этой связи в настоящее время сохранилась древняя традиция обивать шаманский бубен шкурой дикого оленя у эвенков, маралухи у монголов, лошади у бурят.

Тувинские шаманы во время камлания, обращаясь к своему бубну, говорили: «Внемли, внемли, мой конь-маралуха» или «О, конь мой верховой, маралица, имеющая рот и мухортая» (там же). Якутский шаман обращался к бубну с таким заклинанием:

¹ *Хаялха* – «кидать, бросать» в похоронных обрядах имеет другое выражение *гээгдээ* – «потеряться», поскольку в давние времена была распространена традиция наземного способа захоронения. Покойника везли на телеге по степи таким образом, чтобы тело покойного само упало на землю, т. е. потерялось [16, с. 187; 17, с. 308].

«О верный мой верховой олень (иногда – мой молодой конь!),
Насытившись пищей из священного очага,
Шествуй быстрою, походною хлынюю,
Да не умайся.
Обычная твоя рысь,
Тонко очерченные копыта твои
Пусть, да не изменят» [21, с. 199].

Таким образом, культ коня, материализованный в шаманском бубне, конной трости и музыкальном инструменте *моринхуре/хуре*, играет ключевую роль в шаманских ритуалах тюрко-монгольских народов.

Рассмотрим культ коня в традиционном круговом танце бурят *ёхоре* (*ёохоре*). Исследованию семантики и музыкально-стилистических аспектов *ёхора* посвящена монография автора [20]. Особо подчеркнем, что кинетическая модель кругового танца бурят *ёхор* состоит из танцевальных движений, подражающих бегу какого-либо животного: лося, марала, рыси, оленя, изюбра, лошади. В этой связи в припевных словах *ёхорных* песен часто обозначается бег животного:

Хандагайнхатараархатарае, Потанцуем, подражая бегу лося,
Харганыннайгалгаарнайгае. Покачаемся, подражая покачиванию кустарника [17, с. 188].

Западнобурятский традиционный круговой танец *ёхор* имеет трехчастную форму с постепенным ускорением от медленного покачивания танцоров до их быстрых прыжков. Кинетический канон детерминирует четкую трехчастность кругового танца. Интерес представляет объяснение данного феномена в контексте гипотезы генезиса *ёхора*. Например, М. Н. Хангалов связывал ускорение движений танцующих в круговом танце с магией охотничьего и воинского культов, Д. С. Дугаров – магией коллективного шаманского камлания [7, с. 309–310].

По нашему мнению, очевидно, такое ускорение в кинетической модели бурятского кругового танца *ёхора* обусловлено подражанием движениям верховой лошади (от медленного шага к бегу рысью и иноходью) и семантикой культа коня. Это подтверждается данными бурятского этнохореографа Т. Е. Гергесовой [22], Д. С. Дугарова [2], автора статьи [20]. Кроме того, постепенное ускорение ритма присутствует в круговых танцах эвенков, эвенов, долган и якутов. В частности, об этом свидетельствуют данные Н. А. Стручковой, исследователя якутского кругового танца *осуохая*. Она связывает генезис *осуохая* с культом небесного коня бога Джесегея, создателя и покровителя коней, которого в якутском эпосе *олонхо* изображали в образе небесного жеребца, а ускорение танцевального ритма в *осуохае* – с имитацией движений лошади [23].

Таким образом, рассмотренный культ коня репрезентирован в шаманских обрядах, фольклорных жанрах, музыкальных инструментах, танцевальном искусстве тюрко-монгольских народов. Особо подчеркнем, что в будущем необходимо продолжить изучение данной темы, углубив и расширив материалы междисциплинарного исследования.

Список источников:

1. Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов // Советская этнография. 1968. № 6. С. 117–122.
2. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
3. Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Народно-бытовая медицина монгольских народов: средства животного происхождения в представлениях и практиках // Известия Иркутского гос. ун-та, 2016. Т. 17. С. 126–145.
4. Дашиева Л. Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учебно-метод. пособие. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 188 с.

5. Халтаева Л. А. Генезис и эволюция бурдонного многоголосия в контексте космогонических представлений тюрко-монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2015. 176 с.
6. Галданова Г. Р. Почитание животных у бурят // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 56–69.
7. Дашиева Л. Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят: дис. ... д-ра искусствоведения. Владивосток, 2018. 452 с.
8. Дугар-Нимаев Ц.-А. О фольклоре тарийских бурят // Советская литература и фольклор Бурятии. Улан-Удэ, 1962. Вып. 2. С. 230–242.
9. Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Сов. композитор, 1971. 365 с.
10. Демин А. Г. Музыкальный инструментарий монголов в эпоху Великой империи (XIII – XIV вв.): учебное пособие. Улан-Удэ, 2000.
11. Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
12. Берлинский П. М. Музыкальная культура бурят-монголов. Рукопись // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Верхнеудинск, 1932. Инв. № 5. 67 с.
13. Халтаева Л. А. Генезис и эволюция бурдонного многоголосия в контексте космогонических представлений тюрко-монгольских народов: дис. ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1991.
14. Берлинский П. М. Монгольский певец и музыкант Ульдзуй Лубсан-хурчи. Опыт анализа монгольского устного музыкально-поэтического творчества. М.: Огиз-Музгиз, 1933. 128 с.
15. Дашиева Л. Д. Похоронная песенная традиция западных бурят // Традиционная культура. М., 2017. № 1 (65). С. 93–100.
16. Цыденова Д. Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XXI вв.). Новосибирск, 2009. 193 с.
17. Дашиева Л. Д. Обрядовая песенная традиция западных бурят: Научное исследование. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2017. 448 с.
18. Дашиева Л. Д. Антропология звука в традиционной культуре монгольских народов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. Томск, 2021. № 3 (33). С. 118–126.
19. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 280 с.
20. Дашиева Л. Д. Бурятский круговой танец ёхор: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 209 с.
21. Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
22. Гергесова Т. Е. Бурятские народные танцы. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 114 с.
23. Стручкова Н. А. Формирование кинетического компонента в ритуальной практике: на примере генезиса якутского кругового хороводного танца осуохай. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 234 с.

Дашиева Лидия Данииловна.

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,

Центр восточных рукописей и ксилографов.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.

E-mail: dashieva2006@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25 декабря 2023 г.

L. D. Dashieva

THE CULT OF THE HORSE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS²

This article presents the cult of the horse in Buryat mythology, religion, traditional medicine, and culture for the first time. In the nomads' habitat, the horse was man's best friend and companion, accompanying him from early childhood to old age. In the ritual and ceremonial complex of the Mongolian peoples, the horse cult had a sacred meaning that began with the initiation rites of the three- and seven-year-old boys to become horsemen and hunters and ended with the funeral and burial rites. The semantics of the horse cult can be found in various contexts: in shamanic mythology, religion, rituals, traditional culture, the Buryat circle dance – 'yehor,' and

² The research was carried out within the state assignment (project "The Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia", N 121031000263-3).

the musical instruments of the Mongols and Buryats. Of particular importance is the study of the phenomenon of the horse cult in connection with the origin, construction, and sacredness of the Mongolian musical instrument morinhur, the analog of which is the Buryat musical instrument khur. The deep mythological and religious ideas of the Buryats and Mongols about the horse are reflected in legends, uligers, West Buryat funeral songs of Uhelei duunuud, the circle dance of yehor as well as in the examination of the semantics of morinhura/khura in the context of the sound image of the world as an information model of shamanic rituals.

Dotted parallels reflect the horse cult in the traditional culture of the Turkic and Mongolian ethnic groups.

Keywords: *horse cult, semantics, rituals, traditional culture, musical instruments, Buryats, Mongols*

References:

1. Vyatkina K. V. Kul't konya u mongol'skikh narodov [The cult of the horse among the Mongolian peoples] // Sovetskaya ehtnografiya [Soviet ethnography]. 1968. No. 6. P. 117–122 (in Russian).
2. Dugarov D. S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obryadovogo fol'klora buryat) [Historical roots of white shamanism (based on the ritual folklore of the Buryats)]. M.: Nauka, 1991. 300 p. (in Russian).
3. Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Narodno-bytovaya meditsina mongol'skikh narodov: sredstva zhivotnogo prois-khozhdeniya v predstavleniyakh i praktikakh [Folk medicine of the Mongolian peoples: means of animal origin in representations and practices] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya Irkutsk State University]. 2016. Vol. 17. P. 126–145 (in Russian).
4. Dashieva L. D. Traditsionnaya muzykal'naya kul'tura buryat: uchebno-metodicheskoe posobie [The traditional musical culture of the Buryats: an educational and methodological guide]. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya», 2005. 188 p. (in Russian).
5. Khaltaeva L. A. Genezis i ehvolyutsiya burdonnogo mnogogolosiya v kontekste kosmogonicheskikh predstavlenii tyurko-mongol'skikh narodov [Genesis and evolution of bourdon polyphony in the context of cosmogonic representations of the Turkic-Mongolian peoples]. Ulan-Ude: Izd-vo OAO «Respublikanskaya tipografiya», 2015. 176 p. (in Russian).
6. Galdanova G. R. Pochitanie zhivotnykh u buryat [Veneration of animals among the Buryats] // Buddizm i traditsionnye verovaniya narodov Tsentral'noi Azii [Buddhism and traditional beliefs of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1981. P. 56–69 (in Russian).
7. Dashieva L. D. Obryadovaya pesennaya traditsiya zapadnykh buryat [Ritual song tradition of Western Buryats]: dis. ... dokt. iskusstvovedeniya. Vladivostok, 2018. 452 p. (in Russian).
8. Dugar-Nimaev Ts.-A. O fol'klоре tariiskikh buryat [About the folklore of the Tariy Buryats] // Sovetskaya literatura i fol'klор Buryatii [Soviet literature and folklore of Buryatia]. Ulan-Ude, 1962. Vyp. 2. P. 230–242 (in Russian).
9. Smirnov B. F. Mongol'skaya narodnaya muzyka [Mongolian folk music]. M.: Sov. kompozitor, 1971. 365 p. (in Russian).
10. Demin A. G. Muzykal'nyi instrumentarii mongolov v ehpokhu Velikoi imperii (XIII – XIV vv.): uchebnoe posobie [Musical instruments of the Mongols in the era of the Great Empire (XIII – XIV centuries): A textbook]. Ulan-Ude, 2000 (in Russian).
11. Khangalov M. N. Sobr. soch. [Sobr. op.]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1960. Vol. 3. 421 p. (in Russian).
12. Berlinskij P. M. Muzykal'naya kul'tura buryat-mongolov [Musical culture of the Buryat-Mongols.] Rukopis' // CVRK IMBT SO RAN [TsVRK IMBT SB RAS]. Verhneudinsk, 1932. Inv. No. 5. 67 p. (in Russian).
13. Khaltaeva L. A. Genezis i ehvolyutsiya burdonnogo mnogogolosiya v kontekste kosmogonicheskikh predstavlenii tyurko-mongol'skikh narodov [Genesis and evolution of bourdon polyphony in the context of cosmogonic representations of the Turkic-Mongolian peoples]: Dis. ... kand. iskusstvovedeniya. Tashkent, 1991 (in Russian).
14. Berlinskii P. M. Mongol'skii pevets i muzykant Ul'dzui Lubsan-khurchi. Opyt analiza mongol'skogo ustnogo muzykal'no-poehticheskogo tvorchestva [Mongolian singer and musician UldzuiLubsan-khurchi. The experience of analyzing Mongolian oral musical and poetic creativity]. M.: Ogiz-Muzgiz, 1933. 128 p. (in Russian).
15. Dashieva L. D. Pokhoronnaya pesennaya traditsiya zapadnykh buryat [Funeral song tradition of the Western Buryats] // Traditsionnaya kul'tura [Traditional culture]. M., 2017. No. 1 (65). P. 93–100 (in Russian).
16. Tsydenova D. Ts. Predstavleniya aginskikh buryat o zhizni i smerti (konets XIX – nachalo XXI vv.) [Representations of the Agin Buryats about life and death (late XIX – early XXI centuries)]. Novosibirsk, 2009. 193 p. (in Russian).
17. Dashieva L. D. Obryadovaya pesennaya traditsiya zapadnykh buryat: Nauchnoe issledovanie [Ritual song tradition of Western Buryats: Scientific research [monograph]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk», 2017. 448 p. (in Russian).
18. Dashieva L. D. Antropologiya zvuka v traditsionnoi kul'ture mongol'skikh narodov [The Anthropology of sound in the traditional culture of the Mongolian Peoples] // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. Tomsk, 2021. No. 3 (33). P. 118–126.
19. Dugarov D. S. Buryatskie narodnye pesni. Pesni zapadnykh buryat [Buryat folk songs. Songs of Western Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1980. 280 p. (in Russian).

20. Dashieva L. D. Buryatskii krugovoi tanets ekhor: istoriko-ethnograficheskii, ladovyi, ritmicheskii aspekty [Buryat circular dance of the yekhor: historical and ethnographic, modal, rhythmic aspects]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. 209 p. (in Russian).
21. Alekseev N. A. Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Shamanism of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1984. 233 p. (in Russian).
22. Gergesova T. E. Buryatskie narodnye tantsy [Buryat folk dances]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1974. 114 p. (in Russian).
23. Struchkova N. A. Formirovanie kineticheskogo komponenta v ritual'noi praktike: na primere genezisa yakutskogo krugovogo khorovodnogo tantsa osuokhai [The formation of the kinetic component in ritual practice: on the example of the genesis of the Yakut circular round dance osuokhai]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2005. 234 p. (in Russian).

Dashieva Lidiya Daniilovna.

Doctor of Art History Science, Leading Research Fellow.

**Institution of Science Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch RAS,
Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts.**

Sakhyanovoy Str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: dashieva2006@yandex.ru

Л. М. Плетнева

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СЛЕДЫ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО ОБРЯДА В НАСЫПЯХ КУРГАНОВ И НА ПОГРЕБЕННОЙ ПОЧВЕ В ЮЖНОЙ ГРУППЕ КУРГАНОВ МОГИЛЬНИКА АНИКИН КАМЕНЬ 1

Курганный могильник Аникин Камень 1 расположен в Томском районе Томской области. Его раскопки провел А. Д. Гаман в 1994, 1996 гг. Могильник состоял из двух групп курганов: северной и южной. Анализируются материалы XI–XIII вв., полученные в результате археологических раскопок южной группы. Цель статьи заключается в рассмотрении объектов и находок в насыпях курганов и на погребенной почве, в том числе и специальных деревянных сооружений в рамках погребально-поминального ритуала южной группы курганов могильника Аникин Камень 1 и соотнесении их с материалами других культур развитого Средневековья Верхнего и Среднего Приобья. Наряду с предметами, найденными в насыпях курганов (кости животных, камни, керамика, вещи), в двух курганах были сожженные деревянные постройки. Такие объекты есть в памятниках сrostкинской, басандайской, кыштовской культур Западной Сибири. В результате исследования можно сделать следующие выводы: находки в насыпях и на погребенной почве свидетельствуют об исполнении комплекса погребально-поминального обряда. В Средневековье они прослежены в раннем и развитом Средневековье на территории Верхнего и Среднего Приобья. В развитом Средневековье на этой территории появились специальные деревянные постройки как в курганах с погребением, так и специально сооруженных для них. Автор статьи согласен с мнением М. Ф. Косарева о том, что все действия, выполняемые во время похорон и поминок, связаны с языческим миропониманием о возрождении.

Ключевые слова: *могильник Аникин Камень 1, погребение, погребально-поминальный обряд, деревянные культовые постройки*

Введение

Курганный могильник Аникин Камень 1 расположен в 8 км выше по течению р. Томи от с. Ярское (Томский район Томской области), у устья рч. Шумиха, правого притока р. Томи. Памятник зафиксирован в публикации 1952 г. [1, с. 70], обследован В. И. Матющенко в 1954 г., Л. М. Плетневой в 1974 г. и другими археологами, что отмечено в археологической карте Томской области [2, с. 155]. Раскопки произведены А. Д. Гаманом в 1994, 1996 гг. Могильник состоял из двух групп курганов: северной и южной. В северной части (курганы 20–28) захоронения датируются эпохой бронзы, ранним железным веком и ранним Средневековьем [3, 4]. В южной части к моменту раскопок было выявлено 19 насыпей, относящихся к развитому Средневековью (XI–XIII вв.), материалы которых являются предметом исследования в данной статье. В целом погребально-поминальный обряд рассмотрен в публикации 2010 г. [5, с. 102–125; 6, с. 111–112].

Далее обратимся к объектам, обнаруженным в насыпи, на погребенной почве как в курганах с захоронениями человека, так и в курганах, специально сооруженных для культовых объектов.

Цель статьи – охарактеризовать объекты и находки из насыпей и на погребенной почве, в том числе деревянные культовые сооружения, относящиеся к погребально-поминальному обряду, и рассмотреть их в историко-культурном пространстве Среднего и Верхнего Приобья Западной Сибири в эпоху развитого Средневековья. Кратко напомним основные признаки погребально-поминального обряда. В южной группе зафиксировано 31 погребение. Умершие положены в могилы по одному. Зафиксировано два способа погребения: трупоположение и трупосожжение на стороне с последующим захоронением мелких костей, угольков и пепла в могилу. Могилы почти все разграблены: их ориентация определена в 30 случаях, а ориентация костяков – в 14 случаях. В 10 могилах умершие были положены головой в северо-восточном направлении (СВ-3, ВСВ-3, СВВ-4) и только в четырех – в южном и восточном (ЮЮВ-1, ЮВВ-1, ЮЗ3-1, В-1).

Особенности погребальных сооружений: внутри могил стелили бересту, часто в нее заворачивали умершего или его помещали в чехол (из-за разрушенности могил эту деталь проследить было трудно), в некоторых могилах зафиксировано берестяное покрытие. Фрагментов деревянных сооружений в могилах обнаружено немного: в кургане 15, в погребении 5 была деревянная рама из четырех поперечных и одной продольной плашек, на раму постелена береста; в кургане 5, в погребении 1 – фрагменты дерева.

В погребально-поминальном обряде широко применялся огонь: трупосожжения, кострища, сожжение как погребальных конструкций, так и поминальных, использование углей при засыпке могил [5, с. 102–125].

Материалы и исследования

К свидетельствам ритуальных действий, связанных с погребально-поминальным обрядом, на указанном кладбище относятся найденные в насыпях курганов черепа, челюсти и зубы лошади, кости конечностей лошади, отдельные кости или скопления костей животных, как целых, но плохой сохранности, так и дробленых; фрагменты керамики или их скопления, иногда развал одного сосуда, редко целый сосуд, деревянные столбики, железные и костяной предметы и часть бронзового. На погребенной почве зафиксированы кострища, деревянные столбы и столбики, камни, деревянная рама, деревянное и берестяное перекрытие могил, обожженные площадки из глины, деревянные сооружения из тонких бревен, плахи и бересты. Все деревянные объекты сожжены (таблица). Выделяются курганы 1, 11, 13: в первых двух были сожженные деревянные постройки, в третьем – ритуальное захоронение коня.

Опишем находки из насыпей курганов, которые в момент раскопок представляли собой куполообразные сооружения, часто с уплощенным верхом. А. Д. Гаман, анализируя магнитометрические и гипсометрические данные, отмечал, что некоторые курганы в начале их сооружения имели углы, но по мере насыпания они сглаживались. Размеры и высота курганов приведены в таблице. Насыпь состояла из местной почвы – чернозема; околокурганных ям не прослежено. При раскопках возникли сложности в определении границ между древней дневной поверхностью и насыпью кургана, так как насыпь кургана и почвенный слой состояли из чернозема. Во многих случаях таким разделителем являлась глиняная площадка над погребениями.

В насыпях курганов зафиксированы кости животных, чаще одиночные, есть и скопления (к. 7), челюсти лошадей (в трех курганах, в к. 9 – челюсти от двух лошадей), черепа лошадей (в семи курганах по одному черепу) (таблица). Кости животных часто находятся в обломках, их видовой состав не определен. Керамика обнаружена в насыпях восьми курганов, представлена отдельными фрагментами, скоплениями от разных сосудов или развалом от одного сосуда. В кургане 8 обнаружено два целых сосуда, положенных сверху дном (таблица).

Предметы из камня, металла и кости в насыпях курганов. Таких предметов немного. Каменный предмет из кургана 15, обработанный с одной стороны, «представлял собой грубое изображение собаки» [7, с. 28]. В насыпи кургана 4 найден железный наконечник стрелы. Он аналогичен наконечнику из погребения этого кургана: оба плоскоромбические, характерны для развитого Средневековья. В насыпи курганов 12, 13 и 18 обнаружено по одному топору-теслу. В насыпи кургана 6 – один костяной наконечник стрелы.

Еще одна деталь погребально-поминального обряда в Аникином Камне 1 – размещение камней на границах кургана. Так, в кургане 9 большой камень из песчаника был положен в северной части. А. Д. Гаман отмечал: «По всей видимости, он был поставлен вертикально и с течением времени наклонился» [7, с. 28]. В кургане 16 также у северной границы выявлен большой камень – единственная находка в этой насыпи.

Теперь обратимся к курганам, в которых были обнаружены деревянные культовые постройки и другие объекты в них, а также к кургану с захоронением коня.

Материальные остатки ритуальных действий в южной группе курганов могильника Аникин Камень 1

Курган, кол-во погребений внутри кургана	Размеры курганов	Насыпь							Объекты на погр. почве				Дерев. культ. сооруж. и объекты внутри них				Другие детали	
		Кости конечностей лошади	Череп лошади	Челюсти лошади	Фрагменты керамики (Ф), сосуд (с)	Кости животных	Столбики	Столбы и столбики	Кострища	Камни	Деревян. рама	Жерди или бревна	Плахи	Столб	Сосуд или скоп.кер.	Глинян. площадка		
К.1, 1 п.	10,5 x 11 x 1 м Грабл.							3	2	1		+		1		8–10 см	Дерев. перекрытия	
К. 3, 1 п.	9,5 x 8,75 x 0,7 м Граб.															+	Дерев. перекрытия	
К.4, 1 п.	11 x 12,5 x 0,8 м Граб.					+										+	Желез. наконеч. стрелы	
К. 5, 2 п.	5,25 x 6,25 x 0,5 Граб.		1 (СВ)			+										+8-10 см		
К. 6, 1 п.	8 x 9 x 0,7 м Граб.				Фр-ты	+			+							+	Костян. наконеч. стрелы в нас.	
К. 7, 4 п.	12,75 x 13 x 1,3 м Граб.		1 развал	Часть +1 чел.		+					+					Внутри рамы для 2-х погреб.	Остатки дерев. рамы	
К.8, 3 п.	9,75 x 7,75 x 0,7 м Грабл.	2 скопл. +1 часть			2 с. к верху дном			2 столбика								+	для 2 погреб.	

К. 9, 3 п.	14,5х10,75х1,2 м Грабл.			2-х лош.	Ф-ты	+				1 на границе (СВ)						+	
К. 10, 1 п.	10 х 10 х 1 м Грабл.															+береста	
К. 11. без погр.	13х13х1,2-1,3 м Есть грабл.		2	+	Ф, С	+ зубы и кости лош.						+	+	3 скопл.			Железный предмет в насыпи
К. 12, 1 п.	7 х 7 х 0,6 м															+береста	Жел. топор-тесло
К. 13, 1 п. коня	7 х 7,5 х 0,6 м	1	1				4										Есть береста, 2 желез. пряжки, удила
К. 14, 2 п.	11 х 11,5 х 1 м					+ зубы лошади											П-я закрыты слоем глины
К. 15, 5 п.	19 х 16,5 х 1,6 м		1		3 разбит. сосуда + фр-т	2 скопл., +отдел. кости											Пятно с белой глиной, плаха, камень с изобр. собаки (?)
К. 16, 1 п.	9х9,5х0,2-0,3 м									1 у сев. гран.							
К. 18, 1 п. Не грабл.	9 х 10 х 0,4 м				Разбит. С + ф-ты												Жел. тесло над моги- лой в 1 горизонте, возможно из могилы
К. 19, 1 п. С конем (череп + кости конеч.) в ногах чел.	10 х 13 х 0,8 м Грабл.		1 (СВ)		Скоп.	+ кости лош.	1									+	Насыпь-пирамида с усечен. верхом. Угли в насыпи (обгоревш. плашка или бревнышко)

Курганы без находок в насыпи в таблицу не внесены.

Курган 1. Деревянное сооружение располагалось на погребенной почве, северо-восточнее погребения, в северо-восточном секторе кургана (рис. 1, 2). Оно имело подпрямоугольную форму размером 1,8 x 1,7 м, ориентировано сторонами по линиям СЗ – ЮЗ и СВ – ЮВ.

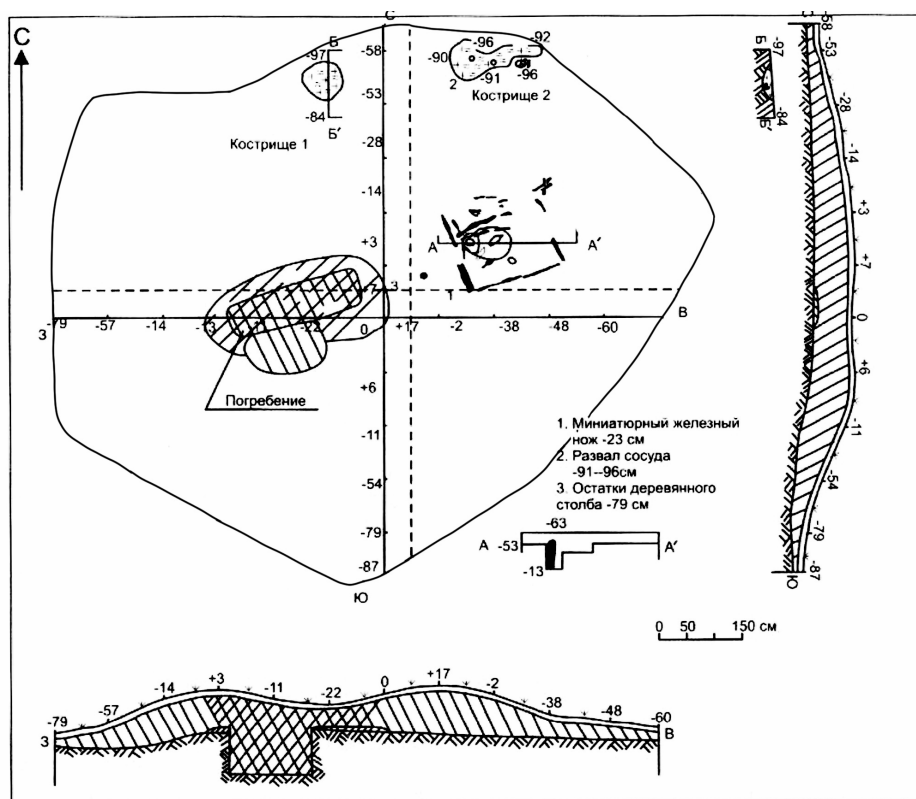

Рис. 1. Курганный могильник Аникин Камень I. Курган 1. План и разрезы

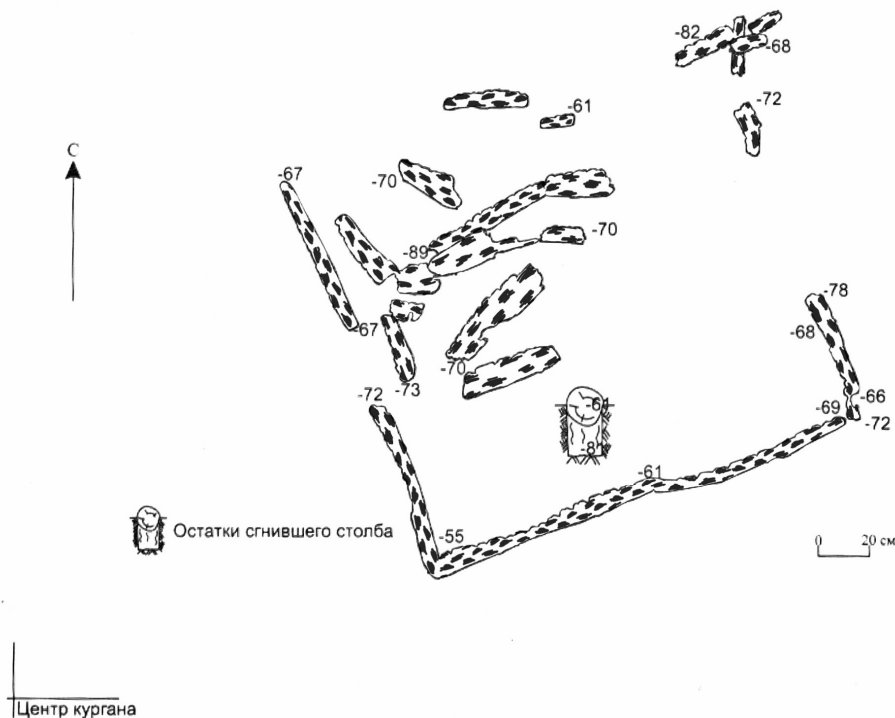

Рис. 2. Курганный могильник Аникин Камень I. Курган 1. План сожженного деревянного сооружения

По предположению А. Д. Гамана, «стенки объекта сооружены из жердей. Венцы складывали, скорее всего, наклонно, в виде пирамиды. Над сооружением была возведена крыша, сохранились остатки кровли. Сооружение было сожжено. Внутри объекта, в 25 см от южной стенки прослежены остатки столба (возможно, несущего) диаметром 14 см, он уходил в материк на 20 см» [7, с. 3]. Под сгоревшим деревянным сооружением выявлено пятно размером 0,85 x 0,6 м, мощностью до 18 см, заполненное гумусированной землей с угольками. В нем найден миниатюрный железный нож и остатки столба диаметром 10 см. Он был поставлен в яму диаметром 30 см. Высота столба 53 см. Еще один сгнивший столб обнаружен между погребением и описанным сооружением. Диаметр его 10 см, был заглублен в землю на 10 см.

В этом кургане, кроме деревянного сооружения, выявлено два кострища. Кострище 1 зафиксировано в поле северо-западного сектора. Его размер 0,7 x 0,7 м, мощность 0,15–0,17 м. Оно состояло из прокаленной земли оранжево-красного цвета, находок в нем не было.

Кострище 2 находилось к северо-востоку от кострища 1, у северной оконечности кургана. Оно неправильной формы, вытянуто по линии ССЗ – ССВ. Длина его 1,63 м, ширина от 0,16 – 0,2 до 0,83 м, мощность от 0,014 до 0,1 м. Заполнено прокаленной землей с вкраплениями и скоплениями углей. С его южной стороны выявлены остатки двух столбиков диаметром 0,08 и 0,09 м, заглубленных в землю на 5 и 10 см. У юго-восточной кромки кострища лежал разбитый сосуд (рис. 1).

Курган 11. В этом кургане погребение отсутствовало. Культовое деревянное сооружение располагалось, как и в кургане 1, в северо-восточном секторе кургана (рис. 3, 4). В процессе исполнения ритуала оно было сожжено и возведена насыпь. Сооружение имело прямоугольную форму, ориентировано стенами под углом 45° к сторонам света. Размер сооружения: длина наиболее сохранившейся юго-западной стенки составляла 2,58 м, юго-восточной – 2,37 м.

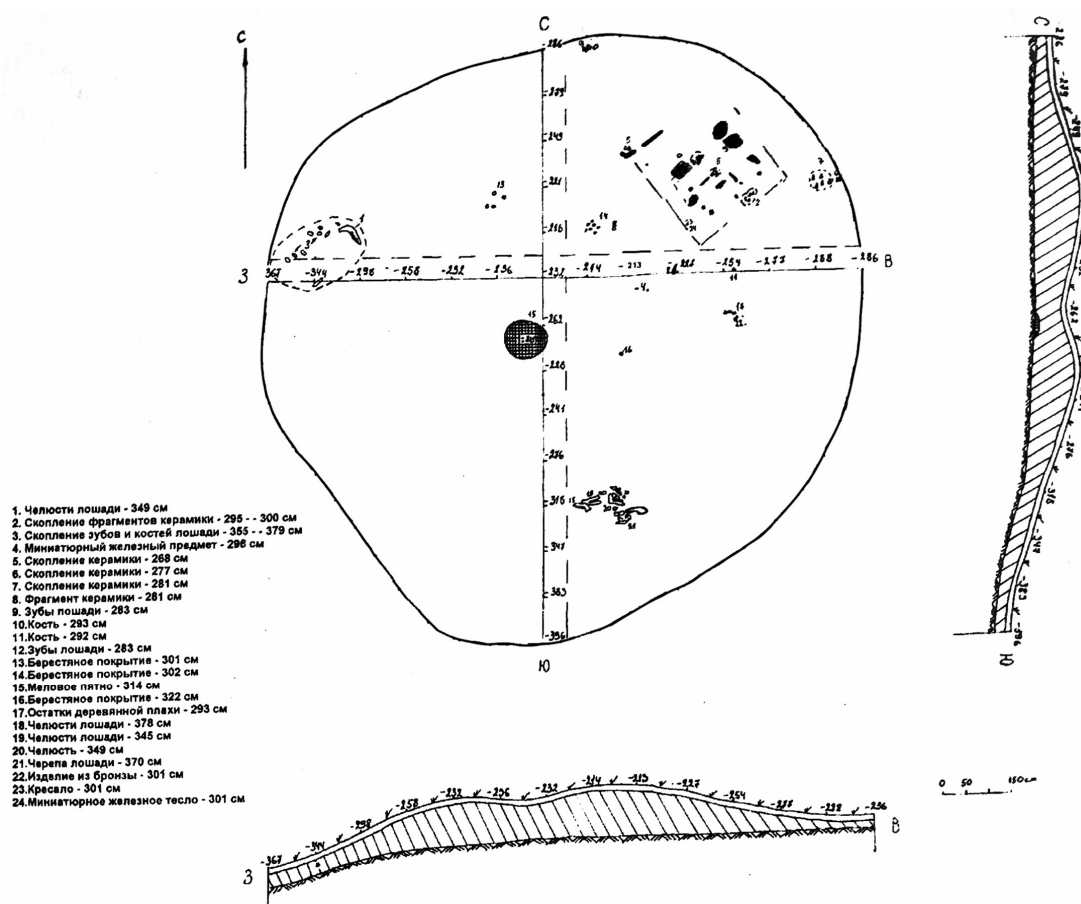

Рис. 3. Курганный могильник Аникин Камень I. Курган 11. План и разрезы

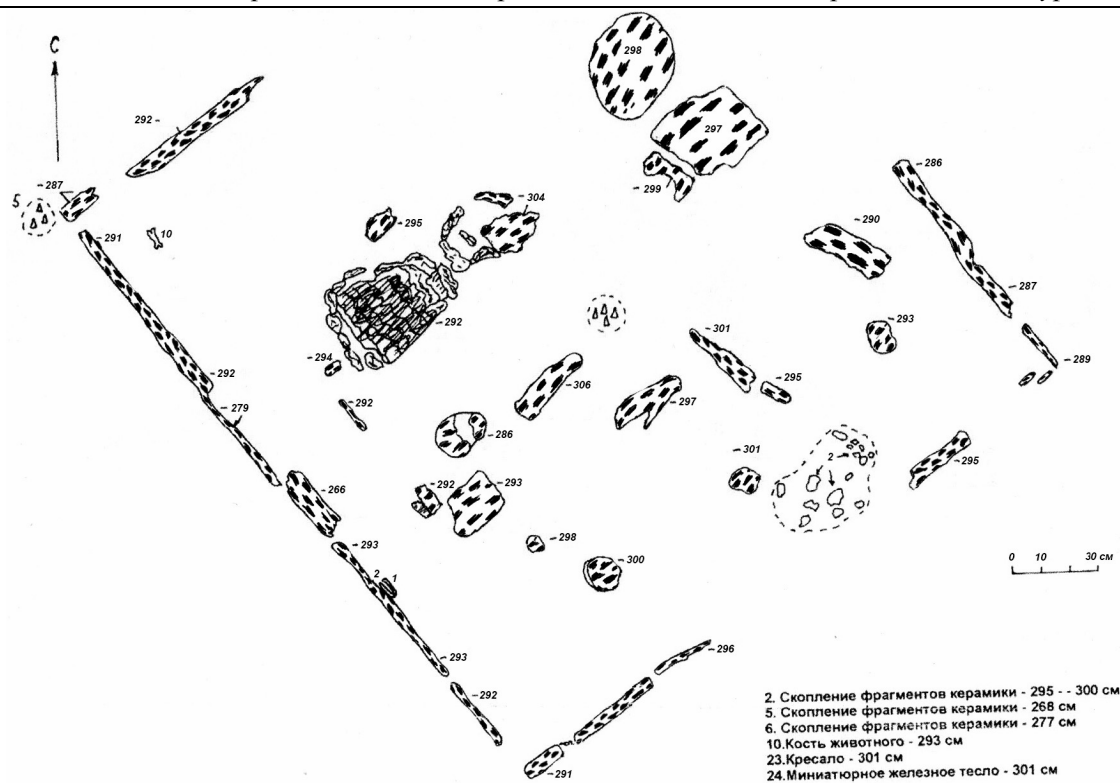

Рис. 4. Курганный могильник Аникин Камень I. Курган 11. План остатков сгоревшего сооружения

Стенки сооружения из поставленных на ребро плах, наибольшая толщина их 3 см. Вдоль юго-восточной стенки выявлены остатки трех торцов бревнышек, такой же фрагмент зафиксирован у центральной части юго-западной стенки. Толщина их от 0,5–2 см до 4–6 см. Сооружение заглублено в погребенную почву на 10–12 см. Сохранились остатки кровли в виде плах шириной до 30 см толщиной 1,5–2 см и остатков полуобгоревшей бересты.

При разборке сооружения выявлены следующие находки: у северо-западного угла – скопление фрагментов керамики, еще одно скопление было расчищено в центре объекта. Оба скопления находились в нижних слоях насыпи, выше уровня сооружения. Внутри объекта найдена кость животного, у юго-восточной стенки – скопление керамики, у юго-западной стенки под плахами – кресало и миниатюрное тесло (рис. 4).

Курган 13. Он имел обычную высоту и размер (таблица). В юго-западном секторе при снятии насыпи зафиксированы остатки от четырех столбиков: три имели диаметр 6–8 см, в основании заострены, четвертый – диаметром 12 см с прямым основанием располагался в центре. Их высота составляла 28, 19, 14 и 13 см, были вбиты в землю. В этом же секторе обнаружены остатки дерева в виде двух параллельных линий длиной 17 и 60 см, шириной 2 см, толщиной 1–2 см, ориентированных с СЗ на ЮВ.

Под насыпью располагалось захоронение коня в виде черепа, костей одной конечности и мелких косточек (рис. 5). Здесь же были небольшие фрагменты бересты. Возможно, захоронение коня в кургане 13 имело отношение к погребению подростка 10–12 лет в кургане 12. Насыпи этих курганов частично слились.

Исходя из общей ситуации, в этом кургане можно предположить, что захоронение коня было ритуальным.

Объединяющим культурно-хронологическим признаком курганов с захоронениями и культовыми постройками является керамика.

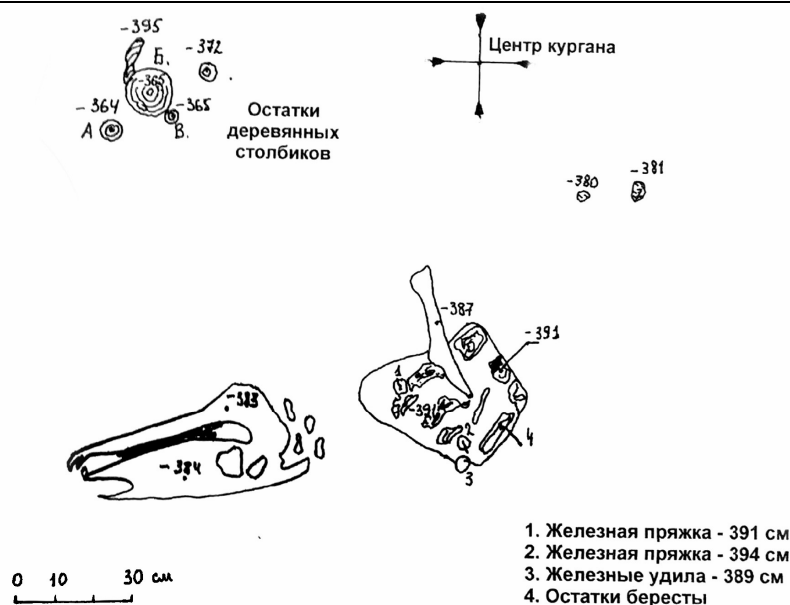

Рис. 5. Курганный могильник Аникин Камень I. Курган 13. План захоронения черепа и костей коня

Керамика. Основным показателем при разработке типологии керамики из культовых комплексов Сопки-2 явилась форма венчика, было выделено три типа [8, с. 79]. По этому же признаку рассмотрим керамику из насыпей и культовых сооружений из могильника Аникин Камень I. Выделено 2 типа. Тип 1. Круглодонные сосуды (некоторые имеют уплощенное дно) с профилированной шейкой, венчик отогнут наружу и оформлен в виде «воротничка». Край венчика орнаментирован либо косыми оттисками гребенчатого штампа (рис. 6-3), либо косыми насечками (рис. 6-1) или защипами (рис. 6-2). Сосуды орнаментированы большей частью

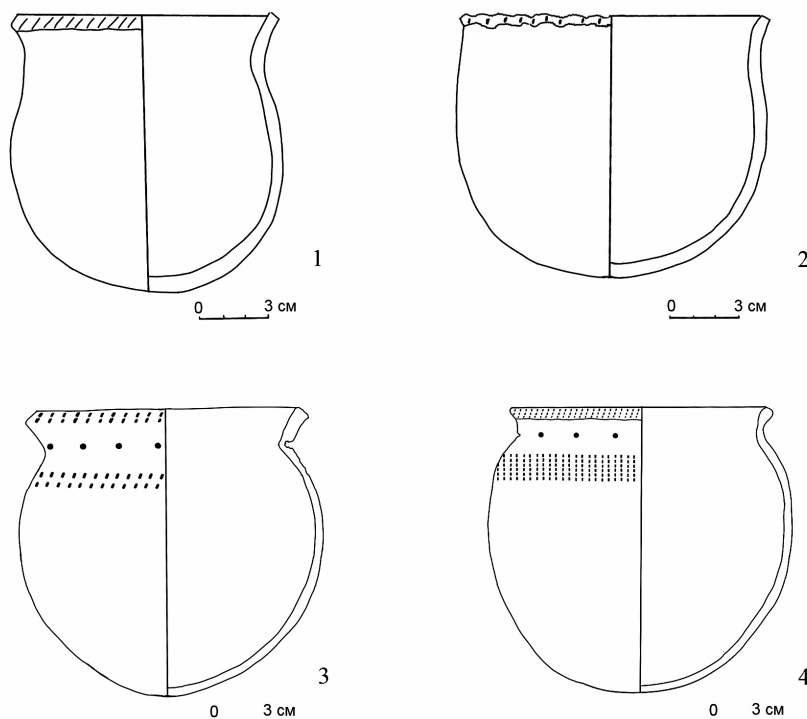

Рис. 6. Курганный могильник Аникин Камень I. Сосуды из насыпей курганов. 1, 2 – курган 8; 3 – курган 1; 4 – курган 15.

в верхней трети горизонтальной полосой из вертикальных или наклонных оттисков гребенки (рис. 6-4) или палочки (рис. 6-3). Граница между шейкой и туловом часто подчеркнута рядом ямок (рис. 6-3, 4). Тип 2 отличается от первого только наличием прямого венчика, что характерно всего для нескольких фрагментов. Орнаментация их такая же, как и у первого типа.

Целых сосудов в насыпях и в культовых объектах найдено всего два (рис. 6-1, 2; к. 8). Выявлено несколько развалов сосудов, впоследствии реставрированных: так, сосуд из насыпи кургана 15 склеен из 48 фрагментов, но без дна; сосуд из насыпи кургана 18 – также без дна; сосуд из кострища 2 кургана 1 восстановлен полностью.

Обратимся к памятникам раннего Средневековья и посмотрим, что было характерно для насыпей курганов различных культур на территории Среднего и Верхнего Приобья Западной Сибири. Для релкинской культуры (в границах Среднего Приобья) Л. А. Чиндина отмечает: «Насыпи некоторых курганов характеризуются рядом устойчивых признаков» [9, с. 80, табл. 12]. В указанную таблицу включено 13 курганов из 14, насыпь характеризуют 9 признаков. Так, отдельные черепа людей вне могил найдены в 6 курганах (к.), кости лошадей – в 10 к., черепа лошадей: – в 5 к., причем в кургане 1–3 черепа, в кургане 2–3 черепа, в кургане 6–5 черепов в кургане 7–2; кострища без вещей зафиксированы в 8 к., кострища с предметами – в 6 к., скопление отдельных предметов – в 5 к. Эти же признаки характерны для насыпей курганов Тимирязевского курганного могильника – 1 (ТКМ) из Томского Приобья, относящегося к верхнеобской культуре [10, с. 143]; Л. А. Чиндина относит его к релкинской культуре [9, с. 116]. В его насыпях на различной глубине зафиксированы костры с предметами, костями животных, отдельные предметы, керамика.

Вернемся к могильнику Аникин Камень 1, к курганам северной группы (20, 27–30), датирующихся ранним Средневековьем [3]. Курган 30 был сооружен в раннем Средневековье. В остальных перечисленных курганах умершие захоранивались в более ранних курганах. Во всех курганах применялось трупосожжение, что характерно для погребального обряда памятников Кузнецкой котловины, относящихся к верхнеобской культуре [11, с. 104].

Из других деталей погребально-поминального обряда северной группы курганов могильника Аникин Камень 1 отметим наличие больших камней к северу от погребений (к. 20, 29).

Сожженные деревянные сооружения известны в могильниках Новосибирского Приобья сросткинской культуры. Так, в насыпи кургана 13 могильника Высокий борок над погребением 4 зафиксированы остатки деревянной конструкции из бревен, досок, жердей и бересты [12, с. 24, рис. 45]. Этот курган датирован X–XII вв. [12, с. 108–109]. В этом же могильнике, в кургане 12 (каменушкинский этап сросткинской культуры, XIII–XIV вв.) к СВВ от центрального погребения в котловане была сооружена деревянная конструкция, стенки которой обставлены плахами, поставленными вертикально. Внутри нее по трем стенам выявлены остатки девяти столбов и найден железный наконечник стрелы [12, с. 25, рис. 78].

Еще одна конструкция зафиксирована в кургане 14 Ельцовского могильника (XIII–XIV вв.). Она располагалась к СВ от погребения, у края кургана, сделана из досок. Сооружение углублено в материк на 10–20 см. В углах обнаружено два керамических сосуда, один из которых перевернут вверх дном, железный нож и полый костяной цилиндр [12, с. 25, рис. 94, 95].

В курганном могильнике Санаторный 1 (басандайская культура) в кургане 19 выявлен сруб в три венца, размером 400 x 320 см, ориентированный по сторонам света, с небольшим отклонением к востоку. Сруб перекрывался берестой. Внутри этого сооружения на погребенной почве располагались три могилы. Сруб был сожжен [13, с. 90]. Это, по-видимому, другая разновидность культовых сооружений. Как поясняют авторы монографии «Памятник Сопка-2 на реке Оми», в будущем (в этнографическое время – Л. М.) – это наземные захоронения с деревянными сооружениями над ними [8].

В курганном могильнике Ташара-Карьер-2 (басандайская культура), в кургане 11 зафиксирована деревянная конструкция над погребением. Размеры ее значительно больше погребения

ния – 400 x 400 см. Она имела подпрямоугольную форму, сооружена из плах, прослежены также остатки бересты [14, с. 77]. «Плахи фиксировались почти сразу под дерном и на глубине 30–40 см от поверхности кургана» [14, с. 285]. При снятии насыпи обнаружены следы прокалов, кости животных, фрагменты керамики и камни.

Одной из черт погребально-поминального обряда сrostкинской культуры Лесостепного Алтая является наличие рам-оград на поверхности могил. Они возводились до закрытия курганной насыпи. Их немного, но они зафиксированы на широкой территории: на Бийско-Чулымской возвышенности, на Приобском плато, в Кузнецкой котловине [15, с. 110, 111]. Рамы-оградки часто сооружали над центральным погребением, иногда они накрывали и соседние могилы. Отличие объектов на могильнике Аникин Камень 1 от сrostкинских в том, что в одном случае погребения в кургане не было (к. 11). Рамы-оградки сrostкинской культуры известны на ее поздних этапах, что по времени совпадает с материалами Аникина Камня 1. Другой отличительной чертой памятников сrostкинской культуры является наличие столбов около могилы и в них [15, с. 111, 112].

В памятниках басандайской культуры, расположенных на Нижней Томи – могильнике у Устья М. Киргизки, Басандайском курганном могильнике, Астраханцевском курганном могильнике (за исключением одного случая), нет специальных сооружений, подобных Аникину Камню 1. Возможно, что южная группа курганов этого могильника относилась не к басандайской культуре, а входила в круг памятников сrostкинской культуры Кузнецкой котловины.

О назначении культовых построек. Многими исследователями, в том числе и М. Ф. Косаревым, могильный комплекс трактуется как модель мира: подземная часть (могила) ассоциируется с Нижним миром, наземная (надмогильный столб – лестница, дерево, погребальный домик, курганная насыпь и др. детали) связывается с Верхним миром [16, с. 320]. «Основная идея погребальной обрядности – это идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, положение с умершим могильного имущества, надмогильное сооружение, напутственное слово погребенному, обряд провожания души и т. д. – все это работало на бесперебойность циклов возрождения. Малейшее отступление от погребального канона было чревато сбоями на пути осуществления жизненного круговорота..., что влекло за собой сокращение или даже полное вымирание рода» [16, с. 185]. Возрождение должно было происходить в достаточной для жизни социально-экономической среде, о чем свидетельствуют оставленные на погребенной почве и в насыпи курганов черепа и кости лошади, кости других животных, предметы и керамика. Кроме того, лошадь рассматривалась не только как пища, но и как дар небесным богам. Как считал М. Ф. Косарев, каноны погребальной обрядности сложились в Сибири в эпоху энеолита – бронзы, где было объяснение каждой ее детали. Позднее многие объяснения того, зачем нужно так делать, уже забылись и необходимо было выполнять, «как делали наши предки» или «так надо».

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Материальные остатки при выполнении погребально-поминального обряда в южной группе курганов могильника Аникин Камень 1 обнаружены в насыпи, на погребенной почве в виде костей животных, керамики, предметов вооружения и быта. В двух курганах сооружались специальные деревянные постройки и в ходе выполнения обряда они были сожжены.

2. Обозначенные выше находки, кроме деревянных сооружений, в памятниках Томского Приобья известны с раннего Средневековья.

3. Специальные деревянные сооружения прослежены в могильниках Томского Приобья с начала II тыс. н. э. Они зафиксированы в могильниках сrostкинской, басандайской и кыштовской культур.

4. Все ритуальные действия, выполняемые при погребении и поминках в языческом миропонимании были направлены на возрождение и пополнение рода.

Список источников:

1. Трухин Г. В. Описание археологических памятников по берегам реки Томи в пределах Томской области // Уч. Зап. ТГПИ, 1952. Т. IX. С. 64–75.
2. Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. 206 с.
3. Плетнева Л. М., Гаман А. Д. Погребения VIII–X вв. из могильника Аникин Камень 1. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. С. 96–106.
4. Плетнева Л. М., Гаман А. Д. Курганы раннего железного века из могильника Аникин Камень 1 // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования. Сб. тр. каф. археологии и этнологии ТГПУ. Вып. 4. Томск: Изд-во ТГПУ, 2011. С. 76–93.
5. Гаман А. Д., Плетнева Л. М. Погребения XI–XIII вв. из курганного могильника Аникин Камень 1 // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск: Дельтаплан; Северск, 2010. С. 102–132.
6. Плетнева Л. М. Деревянные культовые объекты из курганного могильника Аникин Камень 1: сб. тезисов Междунар. научной конф. 30-е Дульзоновские чтения «Комплексное изучение языков и культур народов России» (21–24 сент. 2023). Томск, 2023. С. 111–112.
7. Гаман А. Д. Отчет об археологических исследованиях курганного могильника Аникин Камень 1 в Томском районе Томской области // Архив Музея г. Северска, № 12, 1996. 37 с. + 175 рис.
8. Молодин В. И., Ефремова Н. С., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. Т. 6. Ритуальные комплексы эпохи Средневековья. 143 с.
9. Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 192 с.
10. Плетнева Л. М. Средневековье раннее // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: материалы к энциклопедии Томской области. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 142–144.
11. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины: учебное пособие. Новосибирск, 2004. 136 с.
12. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
13. Росляков С. Г. Курганный могильник Санаторный-1 // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 71–275.
14. Новиков А. В. Курганный могильник Ташара-Карьер-2 // Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Гл. 3. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 276–337.
15. Горбунов В. В., Тишкин А. А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.
16. Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Плетнева Людмила Михайловна.

Доктор исторических наук, независимый исследователь.

Ул. Ф. Мюнниха, 11, кв. 38, Томск, 634059.

E-mail: mila.pletnyova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 ноября 2023 г.

L. M. Pletneva

MATERIAL EVIDENCE OF BURIAL AND COMMEMORATIVE RITUALS IN THE BURIAL MOUNDS AND THE BURIED SOIL OF THE SOUTHERN BURIAL MOUND GROUP OF THE ANIKIN KAMEN 1 BURIAL GROUND

The Anikin Kamen 1 burial ground is located in the Tomsk district of the Tomsk region. A. D. Gaman excavated it in 1994 and 1996. The burial ground consisted of two groups of burial mounds: a northern and a southern one. This article examines the findings from the southern group. The work aims to analyze the objects and finds in the burial mounds and the soil, including special wooden constructions for burial and memorial rituals, from the southern burial mound group of the Anikin Kamen 1 burial ground and to relate these objects and finds to other cultures of the High Middle Ages in the upper and middle Ob region. In addition to the objects found in the burial mounds (animal bones, stones, pottery, personal items), burnt wooden constructions were also found in two burial mounds. Similar objects were found in monuments of the Srostki, Basandaika, and Kyshstovka cultures in western Siberia. The finds in the burial mounds and soil indicate that the burial and memorial rituals were carried out. These rituals can be traced back to the Upper and Middle Ob regions' Early and High Middle Ages. In the High Middle Ages, special wooden constructions were erected inside and outside the burial mounds in this area.

The author of this work agrees with the opinion of M. F. Kosarev that all burial and memorial acts are connected with a pagan worldview of rebirth.

Keywords: *burial ground, burial, funeral and commemoration rituals, wooden cult constructions*

References:

1. Trukhin G. V. Opisaniye arkheologicheskikh pamyatnikov po beregam reki Tomi v predelakh Tomskoy oblasti [Description of Archaeological Sites along the Banks of the Tom River within the Tomsk Region] / Uch. Zap. Tomsk State Pedagogical University, 1952. Vol. IX. P. 64–75 (in Russian).
2. Ozheredov Yu. I., Yakovlev Ya. A. Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti [Archaeological map of the Tomsk Region] Tomsk, 1993. 206 p. (in Russian).
3. Pletneva L. M., Gaman A. D. Pogrebeniya VIII–X vv. Iz mogilnika Anikin Kamen'–1 [Burials of the 8th–10th Centuries from the Anikin Kamen 1 Burial Ground]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, 2009. P. 96–106 (in Russian).
4. Pletneva L. M., Gaman A. D. Kurgany rannego zheleznogo veka iz mogilnika Anikin Kamen' 1 [Early Iron Age Mounds from the Anikin Kamen 1 Burial Ground] / Arkheologiya i etnografiya Priobia: materialy i issledovaniya [Archeology and Ethnography of the Ob Region. Materials and Research]. Proceedings of the Department of Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University. Issue 4. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. P. 76–93 (in Russian).
5. Gaman A. D., Pletneva L. M. Pogrebeniya XI–XIII vv. iz kurgannogo mogilnika Anikin Kamen' 1 [Graves of the 11th–13th Centuries from the Anikin Kamen 1 Burial Mound]. In: Sled na peske. Materialy i issledovaniya po arkheologii [Trace on the Sand. Archaeological Materials and Studies]. Tomsk: Deltoplan; Seversk. P. 102–132 (in Russian).
6. Pletneva L. M. Derevyannyye kultovyye ob'yekty iz kurgannogo mogilnika Anikin Kamen' 1 [Wooden Cult Objects from the Anikin Kamen 1 Burial Mound] / Sb. tezisev Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 30-ye Dulzonovskiy chteniye "Kompleksnoye izucheniye yazykov i kultur narodov Rosii" [Collection of Abstracts of the 30th International Scientific Dulzon Conference: Comprehensive Study of the Languages and Cultures of the Peoples of Russia] (Sept. 21–24, 2023). Tomsk. P. 111–112 (in Russian).
7. Gaman A. D. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh kurgannogo mogilnika Anikin Kamen'-I v Tomskom rayone Tomskoy oblasti [Report on the Archaeological Research of the Anikin Kamen-I Burial Mound in the Tomsky District of the Tomsk Region] / Muzey goroda g. Severska, No. 12. 37 p. + 175 figures (in Russian).
8. Molodin V. I., Efremova N. S., Solovyov A. I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi [Sopka-2 Monument on the Om River]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 6. Ritualnyye komplekсы epokhi Srednevekovya [Ritual Complexes of the Middle Ages] 143 p. (in Russian).
9. Chindina L. A. Mogilnik Relka na Sredney Obi [The Relka Burial Mound in the Middle Ob Region]. Tomsk State University. 192 p. (in Russian).
10. Pletneva L. M. Srednevekov'ye rannee (The Early Middle Ages). In: Narody i kultury Tomsko-Narymskogo Priobia: materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti [The Peoples and Cultures of the Tomsk–Narym Ob Region: Source Data for the Encyclopedia of Tomsk Region Museums]. Tomsk: Tomsk State University. P. 142–144 (in Russian).
11. Troitskaya T. N., Novikov A. V. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny [Archeology of the West Siberian Plain] Textbook. Novosibirsk. 136 p. (in Russian).
12. Adamov A. A. Novosibirskoye Pribye v X–XIV vv. [Novosibirsk Ob Region in the 10th–14th Centuries]. Tobolsk – Omsk: Omsk State Pedagogical University. 256 p. (in Russian).
13. Roslyakov S. G. Kurganny mogilnik Sanatornyy-1 [Sanatorny-1 Burial Mound]. In: Verkhneye Priob'ye na rubezhe epokh (basandayskaya kultura) [Upper Ob Region at the Turn of the Ages (Basandaika Culture)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 71–275 (in Russian).
14. Novikov A. V. Kurganny mogilnik Tashara-Karyer-2 [Tashara-Karyer-2 Burial Mound]. In: Verkhneye Priob'ye na rubezhe epokh (basandayskaya kultura) [Upper Ob Region at the Turn of the Ages (Basandaika Culture)]. Chapter 3. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 276–337 (in Russian).
15. Gorbunov V. V., Tishkin A. A. Kurgany srostkinsoy kultury na Priobskom plato [Mounds of the Srostki Culture on the Ob Plateau]. Barnaul: Altai University. 320 p. (in Russian).
16. Kosarev M. F. Osnovy yazycheskogo miroponimaniya. Po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam [Fundamentals of Pagan Worldview. Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Materials] Moscow: Ladoga-100. 352 p. (in Russian).

Pletneva Lyudmila Mikhailovna.

Doctor of Historical Sciences, independent researcher.

F. Myunniha Str., 11, ap. 38, Tomsk, Russia, 634059.

E-mail: anzass@mail.ru

**Р. А. Султангареева, Н. А. Хуббитдинова, Л. М. Хусаинова,
Г. Р. Шагапова, Ш. Р. Шакурова**

ЭКОИГРУШКИ В БАШКИРСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Игрушки давно стали предметом исследования в этнографической науке. Среди таких игрушек, как мяч, биты, куклы и пр., выделяются также и случайные игрушки, изготовленные из природного материала. В научной литературе о них упоминают довольно редко. Статья, в основе которой лежат исключительно полевые материалы коллектива авторов, посвящена изучению игрушек подобного рода у башкирских детей, то есть тех игровых предметов, которые по завершении игры возвращаются в природную среду. Цель исследования – раскрыть неизученный аспект проблемы и показать устойчивость случайных игрушек (или экоигрушек) как элемента игровой культуры. Означенные игрушки классифицируются по материалу происхождения: камни, дерево, глина, растительные игрушки – из травы, цветов и плодов. Систематика игр дана по половозрастному признаку игры мальчиков, девочек, общие игры. Историографический обзор литературы по играм башкирских детей позволяет сделать вывод, что степень изученности башкирской игрушки незначительна, тема случайных игрушек не затрагивалась совсем. Авторами установлено, что рассматриваемым предметам характерна простота изготовления, быстротечность игры и обратное возвращение их в природную среду. Но такие игры имеют большую значимость, так как помогают выработать в детях ловкость, меткость, наблюдательность, знакомят их со свойствами предметов, окружающим миром, имеют обучающее значение, поскольку через игру ребенок учится распознавать растения, материалы, их свойства, возможности использования их в быту и пр. Все игры и экоигрушки отражают традиционные занятия и образ жизни башкирского народа – скотоводство, охота, собирательство. В детской фантазии окружающий мир, реалии жизни и быта репрезентируются через дерево, глину, цветы и травы, камни. В игрушках подобного рода можно обнаружить примеры древнейших орудий для охоты – праща, свистки, рогатки; собирательство растений для еды, украшений. Не потеряв своего значения и в наши дни, игрушки устойчиво сохраняют свою нишу в современной детской культуре.

Ключевые слова: *игрушка, экоигрушки, игра, игровая культура, башкиры, свистки, куклы, праща, растения, цветы*

Введение

Игрушки, недолговечные в силу своей специфики, давно стали предметом изучения в науке. Традиционно выделяются куклы, мячи, биты, кости, детские орудия труда и пр. Но игрушками может выступать все, что окружает ребенка, в том числе растения, цветы, плоды, ветки деревьев, камни и т. д. Подобного рода игровые предметы сложно фиксировать этнографически; не представляя из себя ничего ценного, будучи весьма схематичными и условными, они возвращаются в ту среду, откуда были взяты, как правило, сразу после игры. Г. Виноградов сто лет назад писал: «Что касается случайных игрушек, то коллекционирование их представляется весьма сомнительным делом... Дети играют камешками, бобами, горохом, листьями деревьев и т. д. В коллекции эти предметы ничего не скажут. Но описательный материал для этих детских забав, особенно с иллюстрациями, даст очень много не только для исследования игр, но и для исследования детской игрушки» [1, с. 62].

В статье пойдет речь о башкирских играх и экоигрушках (случайных), изготовленных из природных материалов, которые используются только на одну игру и после ее завершения возвращаются в природную среду. Такие игры быстротечны, а игрушки недолговечны.

В башкирской культуре экоигрушки можно классифицировать в зависимости от материала изготовления: игрушки из камней, деревянные игрушки, игрушки из глины, игрушки из растений и цветов. Классификация самих игр стандартна: общие игры мальчиков и девочек,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке конкурса НИР по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров № 65/Н на 2022 г.

девичьи игры и игры мальчиков. Обращает на себя внимание сезонный характер игр согласно природному циклу, а также учитывается время созревания плодов, трав и пр.

Основными методами исследования явились общенаучные методы анализа и синтеза и логический метод. Были использованы и специальные методы исследования: метод качественного интервьюирования, исторический метод и метод компаративного анализа.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XX – начало XXI в. Территориальные рамки ограничены Приуральем и Южным Уралом, то есть территорией проживания башкирского этноса.

В основе статьи лежат полевые материалы коллектива авторов, полученные в период работы в 2018–2022 гг. Материал следует признать репрезентативным, поскольку охватывает все этнографические группы башкир.

Впервые о башкирских игрушках в 20-е гг. XX в. написал С. И. Руденко, назвав ашички (*асык*) или кости, мяч (*тун*) из шерсти, клюки (*сукмар*) или деревянные булавы для катания мяча, лук и стрелы и др. [2, с. 270–276; 3, с. 132].

В 1938 г. в шестом номере журнала «Советская игрушка» была опубликована статья В. Белицер «У башкирских детей»: небольшая заметка приблизительно на три машинописных листа, уместившаяся на одну страницу журнала. В ней шла речь об экспедиции в Бурзянский район Башкирской АССР (1936 и 1937 гг.) с целью сбора материала по народной игрушке башкирских детей. В. Белицер лично наблюдала детские игры и игрушки, и тем более ценны ее записи и ее коллекция как ученого-этнографа (коллекция хранится в Художественно-педагогическом музее игрушки им. Н. Д. Бартрама) [4, с. 8]. Коллекция В. Белицер была изучена одним из авторов статьи, выяснилось, что сохранилась только опись коллекции и две куклы [5, с. 158–175].

В диссертации и монографии Ф. Ш. Абсаликовой «Игры и развлечения башкир» на пятнадцати страницах описаны игрушки и игровые приспособления: лук и стрелы, ходули, тележки, трудовые игрушки, различные способы изготовления кукол, мячей, саней, качелей и пр. Имеются рисунки и фотографии игровых предметов конца XX в. Автор делает вывод, что игрушек было немного, они отражают образ жизни и занятия населения. Ею же была опубликована статья в журнале «Ватандаш», которая фактически являлась частью будущего монографического исследования [6, с. 62–77; 7, с. 52–66; 8, с. 182–188].

Игрушкам посвящена глава в работе одного из авторов статьи Г. Р. Шагаповой [5, с. 109–117], а также статья по военизированным игрушкам [9, с. 266–269]. Таким образом, несмотря на то, что башкирские игрушки в целом являлись объектом исследования и неплохо изучены, однако так называемые случайные игрушки являются периферийной темой для современной этнографической науки.

Случайные игрушки детей напрямую связаны с природно-климатическими особенностями региона. Климат Башкортостана характеризуется как континентальный, средняя температура января –18 °С, июля +18 °С. Разнообразие ландшафтных зон республики, ее географическое положение и климат определяют богатство и разнообразие ее растительного мира и природы [10, с. 12–38].

Виды экоигрушек и игры с ними

Камень является одним из популярных и легко применимых в игре материалов. Поиск камней, рассматривание, их отбор – само по себе увлекательное занятие. Башкиры считали камни живыми существами, которые рождаются, растут, их приносили домой, ими играли, красивые камешки могли хранить дома. Когда, не переставая, несколько дней шел дождь, старики говорили: «Кто-то унес домой камень воды. Пока не вернут его на место, дождь не кончится» (*Кемдер һыу ташын өйгә алып кайткан, ямғыр туктамаҫ, аңы урынына*

Султангареева Р. А., Хуббитдинова Н. А., Хусаинова Л. М. и др. *Экоигрушки в башкирской культуре итмәйенсә*) (ПМА, 2018–2022, д. Сакмар, Баймакский р-н, РБ; д. Юлдыбаево, Зилаирский р-н, РБ). При этом существовали запретные места для сбора камней или любого другого материала для игрушки (будь то ветви, травы, цветы, ягоды и т. п.) там, где, по поверьям башкир, обитали духи. Священными местами считались кладбища («зыярат») и те горы, на которых, по поверьям башкир, покоились души святых или древних батыров, защищавших башкирские земли (культ гор).

Игры с камнями бывают разнообразными. К примеру, набранной горстью камней можно устроить соревнование по меткости, стремясь попасть в какой-либо предмет, например, ствол дерева, каменную скалу, небольшое животное и пр. Мальчики нередко носили с собой камни, используя их как запас боеприпасов. Белые камни могли служить огнивом: при ударе и трении друг об друга такие камни размером с кулак давали искру, и детей забавляет подобное действие. Очевидно, в формате игры сохраняется память о высекании огня при помощи камней. Абсолютно все башкирские дети устраивали на берегу водоема соревнование по метанию камней: плоский камень пускали под углом к воде таким образом, чтобы он отскакивал от поверхности несколько раз. Чей камень сделает больше всего подскоков, тот и выиграл. В ряде мест мальчики, считая прыжки камня, говорили, мол, у меня будет три (четыре, пять) жен. Но чаще всего эту игру называли «выпекание блинов» (*коймак койоу*) либо «лягушки», «ловля лягушек» (*бакалар, бакалар тотоу*). Вышеприведенные примеры встречаются у всех групп башкирского этноса без исключения.

Девочки охотно играли с камешками, отбирая для игры *пять камней* небольших экземпляров, размером один-два сантиметра. Особо ценились не просто подходящие по размеру, а необычные и интересные камни, красивые и блестящие. Девочки носили их с собой, хранили в укромном месте, играя с ними в долгие зимние вечера. Простая, незамысловатая на первый взгляд игра, на деле была серьезной тренировкой ловкости, меткости и силы [11, с. 44–46; 12, с. 49–59; 13, с. 16–18].

Существовали игры с большим количеством камней, где большое значение имеет домысливание детьми деталей действия. Так, в летнее время девочки разыгрывали хозяйственные ситуации: строили загоны для скота, по размерам, цвету, форме камни «определялись» как лошади с жеребятами, коровы с телятами, овечки с ягнятами, гуси с гусятами и т. д. Любопытно наблюдение следующего порядка. В играх девочек юго-восточных башкир Республики Башкортостан второй половины XX в. присутствовало много живности: до 5–7 лошадей, 6–8 коров, большое количество мелкого рогатого скота. По-видимому, в играх сохраняется память о значительном количестве скота в традиционном хозяйстве башкир (ПМА, 2018–2022, дд. Юлдыбаево, Матраево, Зилаирский р-н, РБ; д. Набиево, Бурзянский р-н, РБ; дд. Абдряшево, Ишкулово, Абзелиловский р-н, РБ).

При написании статьи выявились остаточные свидетельства существования у юго-восточных башкир настольной игры с большим количеством камней определенных размеров и цвета. Игру называли «покупка скота», но восстановить детали не удалось. Можно предположить, что речь идет о перемещении на ограниченном поле крупных фигур из камней и захват аналогичных у противников, а самый ловкий и умелый мог выиграть много «скота», оставив своих «оппонентов» ни с чем (ПМА, 2018–2022, д. Абдряшево, Абзелиловский р-н, РБ). Отметим, что данный факт лишний раз доказывает недостаточную изученность игровой культуры башкирского этноса.

Дерево, как было сказано выше, нередко выступает материалом для игрушки. Например, известно, что из нароста на дереве (или из подходящей части дерева) делали шары для юношеских игр, таких как котел, мяч в лунке (*шар тәгәрәтеу, котел*). Деревянные шары для игр подобного рода катили по земле, прыгучести от них не требовали, а потому они были подходящими для данной роли. Клюшка или бита для битья получались из ветки, загнувшейся естественным образом под углом около 90 градусов. Но клюшку могли смастерить из куска дерева,

обстреливая и сгибая ее. Конечно же, такой атрибут для игр хранился дольше. В то же время для юношеских игры типа чиж (ласточка, жаворонок, воробей) (*һары турғай* (*карлугас*, *һабан турғайы*, *турғай*)) не требовалось специальных бит, ими выступали палки длиной около метра, толщиной до 5 сантиметров. И если таких палок было мало в степной зоне, то ими не разбрасывались, держали на игровом поле, которое, как правило, было за деревней.

Из раздвоенного сучка дерева толщиной около 2–4 сантиметров необходимой длины мальчики изготавливали рогатки. На двух концах делали небольшие надрезы, куда привязывали тоненький кожаный шнурок (надрез выступает пазом для шнурка), шнурок нужен в 2–2,5 раза длиннее, чем расстояние между концами палок. Вставляя в середину шнурка камень, мальчики стреляли из нее по цели, соревнуясь в меткости. Это игрушка не что иное, как праща или простейшее оружие каменного века, в умелых руках грозное оружие. Близко к рогатке стоит игрушка пугач, чем-то напоминающий арбалет, которую также делают из деревянной палки размером до 40 сантиметров, но кожаный шнурок привязывают к концу палки. На другом конце, не доходя приблизительно на одну четверть до начала ствола, делают упор, куда и заряжается ремешок с метательным камнем.

Интерес представляют свистульки различного рода. Их делали из мягких пород деревьев, как правило липы. Небольшая веточка, толщиной в палец, длиной около 10–20 сантиметров, очищалась от коры; затем с одного конца ножичком выковыривали небольшое углубление, сбоку – прорезь таким образом, чтобы она пришлась на предыдущее углубление и свисток готов. Когда в него дуют, раздается звук, получаемый от резонирующего воздуха. По-видимому, в игре сохраняется что-то типа подражания манкам древнего охотника на птиц, например на уток (ПМА, 2018–2022, д. Тигерменево Караидельский р-н, РБ; д. Дюсметово, Бураевский р-н, РБ).

Несмотря на то, что лук и стрелы являются игрушками в полном смысле этого слова и не относятся к случайным игрушкам, мы не можем их не упомянуть. Безусловно, в современной игре отсутствуют все этапы изготовления деревянных луков древности, но суть действия остается. Изготовление лука и стрел, а также варианты игр с нею описаны в научной литературе [14, с. 94–101; 11, с. 49].

Обширный пласт составляют игрушки из растений и цветов. Также чрезвычайно разнообразными были свистульки, известные и сегодня, к примеру, из молодого гороха. Стручок зеленого гороха осторожно вскрывают с одной стороны (но не до конца), выбирают все семена, отрывают немного конец, как правило, тот, который острый. И свистулька готова! Она издает пищавый звук, недолговечна в пользовании, но ведь и гороха бывает много. Аналогично делали свистульки из стручков желтой акации – древовидного кустарника, которые созревают в мае–июне. Свист издает также трава, лист дерева, береста березы: зажатый между руками лист подносится ко рту таким образом, чтобы лист почти касался губ. Простейший свисток можно также получить из пера зеленого лука. Во всех приведенных примерах резонатором звука выступает воздух, который проходит через ладони, вибрируя, он колеблет лист и издает высокий звук (ПМА, 2018–2022, дд. Тугай, Тигерменево, Гафурийский р-н, РБ; с. Караидель, Караидельский р-н, РБ; д. Дюсметово, Бураевский р-н, РБ; д. Матраево, Зилаирский р-н, РБ; д. Усманово, Аургазинский р-н, РБ; г. Баймак, РБ; д. Акназарово, Хайбуллинский р-н, РБ; д. Сагитово, Зианчуринский р-н, РБ).

Летом, когда цветут травы типа щетинника, кровохлебки, подорожника и пр., им срывали верхушки, завязывали узлом и «выстреливали» как можно дальше, целясь во что-либо. Травы типа вейник луговой, полевая трехлистная и другие, то есть те, которые имеют соцветия в виде метелочек, были интересны для игры «петух или курица». Один игрок спрашивал другого:

- Петух или курица (*Әтәме – тауыкмы*)?
- Петух (*Әтәс*)! – отвечал второй.

Получив ответ, первый игрок резким движением срывал соцветие по стеблю, и если получался аккуратный конус с основанием вверх, то это была «курица», если из конуса торчала травинка, как бы означая перья петуха, то это был «петух». Очевидно, в незамысловатой игре выигрывал угадавший.

Пух от пушистой головки цветка одуванчика также годился в соревновательной игре «отгадайке»: осторожно срывали его и спрашивали: «старик или старуха?» («Әбейме – бабаймы?»). Получив ответ, вопрошающий сдувал пух, и вместе смотрели на то, что осталось: если плодоножка одуванчика стала лысой, то значит это дед, а если все-таки пушинки остались, то – старуха (ПМА, 2018–2022, дд. Матраево, Юлдыбаево, Зилаирский р-н, РБ; д. Дюсметово, Бураевский р-н, РБ; д. Усманово, Аургазинский р-н, РБ; д. Сакмар, Баймакский р-н, РБ; д. Акназарово Хайбуллинский р-н, РБ; д. Набиево, Бурзянский р-н, РБ; д. Сагитово, Зианчуринский р-н, РБ).

Соревнования в меткости были связаны с цветками лопуха, имеющими не только удобную форму шариков и красивый лиловый цвет, но еще и крючки, цепляющиеся за одежду. При «обстреле» ими противника можно быть точно уверенным в достижении цели. Или, напротив, лепили репейные шарики друг другу на грудь и получались медали или ордена.

В Республике Башкортостан много растений, семена которых выглядят коробочкой в форме кувшина, например белена, дурман и др. Коробочки при надавливании звонко лопаются, что и использовалось в игре, ударяя ими в лоб самому себе. Если раздавался хлопок, значит, все правильно. Нет – переигровка. «Высшим пилотажем» считалось следующее: незаметно сорвать коробочку и с непременно хлопком ударить по лбу сотоварища по играм (ПМА, 2018–2022, дд. Матраево, Юлдыбаево, Зилаирский р-н, РБ; д. Сакмар, Баймакский р-н, РБ; д. Дюсметово, Бураевский р-н, РБ; д. Акназарово, Хайбуллинский р-н, РБ; д. Сагитово, Зианчуринский р-н, РБ; д. Усманово, Аургазинский р-н, РБ; д. Калмашево, Чекамагушевский р-н, РБ; с. Кушнаренково, Кушнаренковский р-н, РБ; с. Куяново, Краснокамский р-н, РБ; д. Гублюкучуково, Дюртюлинский р-н, РБ).

Известно, что подорожник летом мог вырастать до очень больших размеров, а семенная метелочка могла достигать до метра с довольно-таки мощным стеблем. Мальчики срывали такие стебли, а затем ими вступали в единоборство. Кто бежал или у кого стебель ломался первым, тот и проигрывал. Подобными стеблями и просто палками «сражались» с зарослями крапивы, густой травы и т. д.

В современных играх мальчиков сохраняется духовое ружье примитивной формы каменного века. Брали полый стебель взрослого растения типа курая, аниса, лопуха и пр., зачищали его с двух сторон. Набирали в рот горсть черемухи или сухого гороха и через трубочку «обстреливали» противника. При умелом использовании «вооружения» получалось неплохо, а порой и ощутимо больно (ПМА, 2018–2022, д. Дюсметово, Бураевский р-н, РБ; с. Николо-Березовка, Краснокамский р-н, РБ; дд. Юлдабаево, Матраево, Зилаирский р-н, РБ).

Намного шире использовали растения в своих играх девочки. Цветы, растения, листья нередко использовались как украшения. Например, с весны и до осени девочки и девушки плели венки из цветов, тоненьких веточек, листьев березы и пр. Существует несколько способов плетения, напоминающего узлы макраме, позволяющие украшению держать форму. Из плодов рябины, шиповника можно было сделать ожерелье, сохраняющее свою красоту несколько дней, а отполированные косточки вишни привлекали внимание долгое время. У народов, проживающих в тропиках и сохраняющих традиционную культуру, принято украшать себя гирляндами, венками и просто цветами. Можно предположить, что в средних широтах сохранилась традиция флористических украшений древнейших времен, но в силу природно-климатических условий она приобрела сезонный характер и исключительно игровую форму.

Цветы, листья, растения находили себе разнообразное применение и у девочек Башкортостана: на лепестках ромашки, как известно, гадали; цветы полевой гвоздики «показывали

время», так как ее лепестки могли сдвигаться по часовой стрелке; лепестки цветка космеи, приклеенные на ногти, позволяли получить «изящный маникюр»; аккуратно собранные в стопочку листья деревьев символизировали бумажные деньги и т. д. Записан редкий пример из приготовления детской трещотки из травы пастушьей сумки. Срывали стебель цветущего растения и аккуратно по стеблю отделяли обратно треугольный стручок, внутри которого находятся семена. При легком потряхивании трава издавала характерный треск (ПМА, 2018–2022, д. Тигерменево, Бурзянский р-н, РБ).

И в городской, и в сельской местности девочки создавали так называемые «секретики» или тайнички (а также «схоронки», «ямочки» и пр). В земле делали углубление диаметром не более 5–7 сантиметров, дно выстилали травой или бумагой, фантиком от конфеты, поверх него выкладывали композицию из цветов и трав, могли добавить красивый осколок от фаянсовой посуды. «Секретик» закрывали осколком прозрачного бутылочного стекла, но это было не обязательно. Затем тайник закрывали грунтом, ставили едва заметную метку. По замыслу игры, «секретик» надо было найти через несколько дней и посмотреть, что там и как, но его, как правило, забывали.

Отдельная, самостоятельная тема для рассуждений – куклы («курсак»). Известны куклы, изготовленные из разного тряпья, остатков одежды, шерстяных нитей, но мы здесь будем говорить о куклах, изготовленных из травы и соломы.

У башкир куклы из травы периодически встречаются и сегодня. «На сенокосе, в поле, на уборке зерновых делали “одноразовую” куклу из травы или соломы. Срывали пучок травы толщиной около 3–5 сантиметров, перегибали ее пополам, другой травинкой перевязывали ее сверху, очерчивая голову. Ниже трава расходится веером, символизируя широкое платье в пол. Можно было соломой же оформить руки, ноги, заготовку завернуть в тряпицы, и тогда такая игрушка служила дольше. Все остальные детали игрушки домысливаются ребенком во время игры. Игрушки хватало только на одну игру, потом ее выбрасывали. Нельзя не отметить, что оба варианта, не имея широкого распространения, все же изредка встречаются и в наши дни. К примеру, по сообщению Нафиковой Гузалии, 1993 г. р., подобную травяную куклу из свежескошенной травы делала им мама, развлекая маленьких дочерей на сенокосе» [5, с. 110–113].

Симпатичные куколки получались из листьев деревьев, когда на стержень с парными листьями наматывали юбочку, место прикрепления листьев символизировали руки, остальное домысливалось фантазией играющих. Осенние листья добавляли яркие краски в игру, жаль, что они были весьма хрупкими относительно летних куколок (ПМА, 2018–2022, д. Абдряшево, Абзелиловский р-н, РБ).

Во второй половине XX в. в Уфе популярной была игра в кукол, сделанных из следующих подручных средств: спичка становилась туловищем новоявленной красавицы, на нижний конец насаживался на перевернутый цветок мальвы или золотого шарика, таким образом создавалось бальное платье. Иногда на верхний конец крепился бутон мальвы, представлявший собой голову куклы, однако тут нужна была сноровка. В советское время в каждом городском дворе неприхотливые многолетние цветы мальвы (*alcea*) и золотых шариков или рудбекии расцвеченной (*Rudbeckia*) были в избытке. Особым шиком считалось использование фильтра от сигарет для создания корсета, когда спичку нужно было насадить фильтр ровно, не порвав ни с одной из сторон тонкий материал. Созданные куклы имели в своем гардеробе большое количество разноцветных ярких платьев, в них играли в песочнице, на траве, где угодно. Недолговечность кукол обуславливала практически ежедневные поиски подходящего материала, порой включающие в себя короткие забеги в соседние дворы за особой расцветкой мальвы (ПМА, 2018–2022, г. Уфа, РБ).

В сельской местности, в игре «дочки-матери» (у башкир ее называют «*өй уйыны*», или играть в дом) украшали дом цветочками, листьями, иногда из цветов выкладывая что-то

вроде ковра на полу, втыкая веточки и букетики вертикально в стены. Соцветие колокольчиков могло сыграть роль юбочки у куколки (вообще, разноцветные цветы с пышными лепестками выполняли функцию сменных платьев); мелкие семена цветков и их крошечные сердцевинки выполняли роль угощений (конфеты, печенье или лепешки). Увлекательным был процесс конструирования хозяйства, когда лепили крохотные печки, используя глину, из нее же месили «тесто» и «пекли» хлеб в печке, которую топили по-настоящему. Из грязи лепили торты, украшая их одуванчиками и гусиной травкой с поэтичным названием шоколадно-одуванчиковый торт, или просто «пекли» лепешки. Кульминацией игры было приглашение на чай и «угощение» гостей. Такой вариант игры в «дочки-матери» зафиксирован у всех групп башкир.

Глина как природный пластичный материал не остается без внимания детей. Там, где ее было мало, лепили из грязи, она после летних дождей приобретала необходимую консистенцию. В детских играх мы видим, что горшки лепились методом ленточной керамики и выглаживанием стенок до необходимой толщины. Посуду делали при помощи рук, щепок, иногда с узорами, готовое изделие просушивали на солнце. Ассортимент «посуды» был разнообразным – чашки, тарелки, пиалы, но не горшки. Наши информаторы также утверждают, что лепили телеги, машины, трактора, мотоциклы, то есть в лепке, как и в любой детской игре, отражается мир взрослых (ПМА, 2018–2022, д. Новокалмашево, Чекмагушевский р-н, РБ). Следовательно, ранее это могли быть лошадки, сани, тележки и пр. Поделки из глины наводят на вопросы: можно ли считать такое занятие традиционной игрой для башкирских детей – потомков кочевников? Известно, что в силу образа жизни гончарное ремесло в кочевых культурах не получило развития, хотя покупная среднеазиатская керамическая посуда была и очень ценилась. Возможно ли сохранение исторической памяти оседлых земледельцев, вошедших в состав башкир, в детской игре? Также не исключен вариант реверсного движения игры в XX в.: в детских садах занятия лепкой являются обязательной частью программы.

Заключение

В традиционной и современной культуре башкирского народа игры и игрушки из природных материалов, используемых один раз, фиксируются немало. Для них характерна простота изготовления, быстротечность игры и обратное возвращение в природную среду. Не имея порой практического применения, такие игры позволяют вырабатывать ловкость, меткость, наблюдательность, познавать свойства предметов, знакомят с окружающим миром. Они также имели и имеют обучающее значение в этнопедагогике, поскольку через игру ребенок учился распознавать растения, материалы, их свойства, возможности использования в быту и пр. В ряде случаев в случайных игрушках сохраняются остаточные свидетельства древнейших занятий человечества охота и собирательство – камни как оружие, свистки, рогатки, растения, используемые для украшения. Все игры и связанные с ними экоигрушки отражают традиционный образ жизни народа, в детской фантазии окружающий мир, реалии жизни и быта репрезентируются через дерево, глину, цветы и травы, камушки. Не потеряв своего значения и в наши дни, игрушки устойчиво сохраняют свою нишу в детской культуре.

Информаторы:

ПМА Н. А. Хуббитдиновой:

Иткулова Л. А., 1966 г.р., д. Набиево, Бурзянский р-н, РБ

Сагитова Г.Н., 1965 г.р., д. Акназарово, Хайбуллинский р-н, РБ

Хуббитдинов Т. Ф., 1933 г.р., д. Ишкулово, Абзелиловский р-н, РБ.

ПМА Л. М. Хусаиновой:

Султакаев М. Г., 1941 г.р. д. Усманово, Аургазинский р-н, РБ.

ПМА Шагаповой Г. Р.:

Аккужина Ф. И., 1930 г. р., д. Юлдыбаево, Зилаирский р-н, РБ.
Аккусарова Ф. А., 1924 г. р., д. Матраево, Зилаирский р-н, РБ.
Ахтариева А. М., 1957 г. р., д. Тигерменево, Бурзянский р-н, РБ.
Баимов А. Р., 1990 г. р., д. Утяганово, Гафурийский р-н, РБ.
Давлетшин Р., 1994 г. р., с. Куяново, Краснокамский р-н, РБ.
Зулкарнаева Н. М., 1943 г. р., д. Юлдыбаево, Зилаирский р-н, РБ.
Насретдинов Ф. К., 1958 г. р., д. Дюсметово, Бураевский р-н, РБ.
Орлова Е. П., 1967 г. р., с. Аургазы, Аургазинский р-н, РБ.
Сагитова А. Б., 1939 г. р., г. Баймак, РБ.
Сагитова З. Х., 1966 г. р., д. Сакмар, Баймакский р-н, РБ.
Салихьянов Р. Р., 1994 г. р., с. Николо-Березовка, Краснокамский р-н, РБ.
Тагирова С. А., 1972 г. р., д. Абдряшево, Абзелиловский р-н, РБ.
Фазлыев Р. В., 1953 г. р., д. Тигерменево, Караидельский р-н, РБ.
Хабибуллина З. А., 1969 г. р., д. Тугай, Гафурийский р-н, РБ.
Хайдаршина Г. Ф., 1965 г. р., д. Гублюкучуково, Дюртюлинский р-н, РБ.
Хакимов Ф. А., 1998 г. р., с. Караидель, Караидельский р-н, РБ.
Шагапов А. И., 1934 г. р., д. Калмашево, Чекамагушевский р-н, РБ.
Шагапов Р. З., 1958 г. р., с. Кушнареново, Кушнареновский р-н, РБ.
Шагапова З. А., 1961 г. р., с. Кушнареново, Кушнареновский р-н, РБ.

ПМА Ш. Р. Шакуровой

Вагапов А., 1971 г. р., д. Сагитово, Зианчуринский р-н, РБ.
Камалова Г. Р., 1973 г. р., г. Уфа, РБ.

Список источников:

1. Виноградов Г. С. Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск: (б. и.), 1925. 84 с.
2. Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Быт башкир. Л.: Государственная типография имени Ивана Федорова, 1925. Часть II. 330 с.
3. Башкиры // Очерки общей этнографии. Вып. 5. Европейская часть СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1968. 343 с.
4. Белицер В. Н. У башкирских детей // Советская игрушка. 1938. № 6. С. 8–15.
5. Шагапова Г. Р. Игры народов Республики Башкортостан. Уфа, БГПУ, 2022. 123 с.
6. Абсаликова Ф. Ш. Игры и развлечения башкир (конец XIX – первая половина XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 207 с.
7. Абсаликова Ф. Ш. Игры и развлечения башкир. Уфа: Гилем. 2000. 133 с.
8. Абсаликова Ф. Ш. Башкирские народные игрушки // Ватандаш. 1999. № 4. С. 182–188.
9. Шагапова Г. Р. Война и военные игрушки XX века // Хабибулла Габитов – поэт, языковед, ученый-фольклорист, драматург, общественный деятель: сб. материалов Всерос. научно-практ. конф., посвященной 135-летию со дня рождения Хабибуллы Габделькагировича Габитова, Сибай, 3 декабря 2021 г. Сибай: Сибайский информационный центр-филиал ГУП РБ «Издательский дом «Республика Башкортостан», 2021. С. 266–269.
10. Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.–Уфа: Дизайн, Информация, Картография, 2007. 696 с.
11. Шагапова Г. Р. Башкирские народные игры. Уфа: РИО БашГУ, 2008. 141 с.
12. Шагапова Г. Р. Семантика игровой культуры башкирского этноса. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 150 с.
13. Шагапова Г. Р. Пять камешков // Живая старина. 2015. № 2. С. 16–18.
14. Галяутдинов И. Г. Башкирские народные детские игры (на русском и башкирском языках). Книга первая. Уфа: Китап, 2002. 245 с.

Султангареева Розалия Асфандияровна.

Руководитель, доктор филологических наук.

Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора

Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.

E-mail: sasaniam@mail.ru

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна.

Главный научный сотрудник, доктор филологических наук.

Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора

Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.

E-mail: narkas08@mail.ru

Хусаинова Лейла Мидхатовна.

Доктор филологических наук, профессор кафедры башкирского языка

и литературы факультета башкирской филологии, кандидат исторических наук.

Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора

Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.

E-mail: lejla-kh@yandex.ru

Шагапова Гулькай Рахимьяновна.

Доцент кафедры башкирского языка и литературы факультета башкирской филологии,
кандидат исторических наук.

Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора

Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.

E-mail: shagapovanfbgu@mail.ru

Шакурова Шаура Рашитовна.

Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук.

Научно-исследовательский центр башкирского фольклора

Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.

E-mail: sh-shaura@mail.ru

Материал поступил в редакцию 18 октября 2023 г.

**R. A. Sultangareeva, N. A. Hubbitdinova, L. M. Khusainova,
G. R. Shagapova, S. R. Shakurova**

ECO TOYS IN BASHKIR CULTURE

Toys have long been the subject of ethnographic research. Among the toys, balls, bats, dolls, and random toys made of natural materials stand out. They are rarely mentioned in the scientific literature. The article, based exclusively on the field material of the author's team, is devoted to the study of these types of toys among Bashkir children, i.e., play objects that return to the natural environment after play. The study aims to reveal an unexplored aspect of the problem and show the stability of random toys (or eco-toys) as an element of play culture. These toys are classified according to their material of origin: stones, wood, clay, and plant toys made of grass, flowers, and fruit. The classification of games is based on gender and age: boys' games, girls' games, and general games. A historiographical overview of the literature on the games of Bashkir children leads to the conclusion that Bashkir toys have hardly been researched and that the subject of random toys has not been dealt with at all. The authors found that the objects in question are characterized by simplicity of manufacture, the games are quick, and the play objects return to the natural environment. Nevertheless, such games are of great importance as they help to develop children's dexterity, accuracy, and observation skills; they familiarize them with the properties of objects and the world around them; they have an educational value as the child learns through play to recognize plants, materials, their properties and the possibility of their use in everyday life. All games and eco-games reflect the traditional occupations and way of life of the Bashkir people - animal husbandry, hunting, and gathering. In the child's imagination, the surrounding world, the reality of life, and everyday life are represented by wood, clay, flowers, herbs, and stones. Examples of the oldest hunting and gathering techniques can sometimes

be seen in this type of toy – a sling, whistles, slingshots, and plants for decoration. Even today, the toy has not lost its significance and retains its niche in modern children's culture.

Keywords: toys, eco-toys, play, games, play culture, Bashkirs, whistles, dolls, sling, plants, flowers

References:

1. Vinogradov G. S. Detskij fol'klor i byt. Programma nablyudenij [Children's folklore and everyday life. Observation program], Irkutsk, (b. i.), 1925. 84 p. (in Russian).
2. Rudenko S. I. Bashkiry. Opyt etnologicheskoy monografii. Byt bashkir [Bashkirs. The experience of an ethnological monograph. Bashkir life.]. L., Gosudarstvennaya tipografiya imeni Ivana Fedorova, 1925, chast' II. 330 p. (in Russian).
3. Bashkiry (Bashkirs). Ocherki obshhej etnografii. Evropejskaya chast' SSSR, M., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1968. 343 p. (in Russian).
4. Belicer V. N. U bashkirskix detej [At Bashkir children]. Sovetskaya igrushka. 1938. No. 6. P. 8–15 (in Russian).
5. Shagapova G. R. Iгры narodov Respubliki Bashkortostan [Games of the peoples of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, BGPU, 2022. 123 p. (in Russian).
6. Absalikova F. Sh. Iгры i razvlecheniya bashkir (konecz XIX – pervaya polovina XX vv.). Dis. kand. ist. nauk [Games and entertainment Bashkirs (the end of the XIX – the first half of the XX centuries.). Diss. kand. of hist. sci.]. Ufa, 1998. 207 p. (in Russian).
7. Absalikova F. Sh. Iгры i razvlecheniya Bashkir [Games and entertainment Bashkirs], Ufa, Gilem. 2000. 133 p. (in Russian).
8. Absalikova F. Sh. Bashkirskie narodnye igrushki [Bashkir folk toys]. Vatandash, 1999. No. 4. P. 182–188 (in Russian).
9. Shagapova G. R. Vojna i voennye igrushki XX veka [War and military toys of the twentieth century]. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 135-letiyu so dnya rozhdeniya Xabibully Gabdel'kagirovicha Gabitova "Xabibulla Gabitov – poet, yazykoved, uchenyj-fol'klorist, dramaturg, obshhestvennyj deyatel'" [Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of Habibulla Gabdelkagirovich Gabitov "Habibulla Gabitov – poet, linguist, folklorist, playwright, public figure"]. Sibaj, Sibajskij informacionnyj centr-filial GUP RB Izdatel'skij dom «Respublika Bashkortostan», 2021. P. 266–269 (in Russian).
10. Istoriko-kul'turnyj enciklopedicheskij atlas Respubliki Bashkortostan [Historical and cultural encyclopedic Atlas of the Republic of Bashkortostan], M.-Ufa: Dizajn, Informaciya, Kartografiya, 2007. 696 p. (in Russian).
11. Shagapova G. R. Bashkirskie narodnye igrы [Bashkir folk games]. Ufa, RIO BashGU, 2008. 141 p. (in Russian).
12. Shagapova G. R. Semantika igrovoy kul'tury bashkirskogo etnosa [Semantics of the game culture of the Bashkir ethnos]. Ufa, RICz BashGU, 2010. 150 p. (in Russian).
13. Shagapova G. R. Pyat' kameshkov [Five pebbles]. Zhivaya starina. 2015. No. 2. P. 16–18 (in Russian).
14. Galyautdinov I. G. Bashkirskie narodnye detskie igrы (na russkom i bashkirskom yazykakh) [Bashkir folk children's games (in Russian and Bashkir languages)]. Ufa: Kitap, 2002. Kniga pervaya. 245 p. (in Russian).

Sultangareeva Rosalia Asfandiyarovna.

Director, doctor of philological sciences.

Research Center of Bashkir Folklore,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

October Revolution st., 10, Ufa, Russia, 450008.

Email: sasania@mail.ru

Hubbitdinova Nerkes Akhmetovna.

Chief Researcher, Doctor of Philology.

Research Center of Bashkir Folklore,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

October Revolution st., 10, Ufa, Russia, 450008.

Email: narkas08@mail.ru

Khusainova Leila Midkhatovna.

Doctor of Philology, Professor of the Department of Bashkir Language and Literature,
Faculty of Bashkir Philology, Candidate of Historical Sciences.

Research Center of Bashkir Folklore,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

October Revolution st., 10, Ufa, Russia, 450008.

Email: lejla-kh@yandex.ru

Shagapova Gulkay Rakhim'yanovna.

Associate Professor of the Department of Bashkir Language and Literature, Faculty of Bashkir Philology,

Candidate of Historical Sciences.

Research Center of Bashkir Folklore,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

October Revolution st., 10, Ufa, Russia, 450008.

Email: shagapovanfbgu@mail.ru

Shakurova Shaura Rashitovna.

Senior researcher at the Resource Center for Digital Design of Extracurricular Activities,

Candidate of Philological Sciences.

Research Center of Bashkir Folklore,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.

October Revolution st., 10, Ufa, Russia, 450008.

Email: sh-shaura@mail.ru

Г. Ч. Файзуллина, Е. Н. Ермакова

**ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ И ЕЕ ПРИЧИНЫ В СРЕДЕ ТОБОЛЬСКИХ БУХАРЦЕВ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ КОМАРОВСКОЙ МЕЧЕТИ)¹**

Представлены результаты младенческой и детской смертности середины XIX в. и ее причины среди переселенцев из Средней Азии. Несмотря на то, что это были представители разных национальностей (таджики, узбеки, уйгуры, каракалпаки, казахи и др.), в Сибири их объединяли в этносоциальную группу и называли бухарцами/бухари́нами, сартами. Бухарцы в основном проживали совместно с ясачными и служилыми татарами, собственно бухарских поселений в Тобольском округе два – юрты Комаровские (Комарау) и Миримовские (Коллар). Материал исследования – Комаровские мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX в., написанные на старотатарском языке арабской графикой. До настоящего времени не было исследований, посвященных проблемам смертности в среде сибирских татар XIX в., этим обусловлена новизна работы. Настоящие данные свидетельствуют о том, что за анализируемый период (1835–1852, 1854–1862 гг.) смертность составила 94 % по отношению к рожденным, из них детей – 55 %. Представлена количественная составляющая смертей по возрастам: новорожденные (от рождения до одного месяца) – 8 %, от одного месяца до одного года – 26 %, от 1 года до 5 лет – 49 %, от 6 лет до 16 – 17 %. Наиболее частыми причинами летального исхода являлись заболевания, связанные с органами дыхания (удушье, астма, чахотка, кашель), на втором месте по количеству причин смерти – инфекционные заболевания (оспа, корь, краснуха, желтуха, лихорадка, проказа). В 29 случаях указана причина «от детской болезни», возраст умерших от двух дней до 15 лет, но в основном (90 %) – младенцы до года. Самый неблагоприятный год по количеству смертей – 1842 (родилось 12 детей, умерло 22, самым «опасным» оказался возраст детей от 1 года до 5 лет – 12 смертей (55 %)). Высокая детская смертность (особенно в младенческом возрасте) была характерна для России в целом. Анализ причин младенческой и детской смертности в Западной Сибири середины XIX в. позволяет определить хронологические рамки периодов вспышек болезней и эпидемий, выявить типичные для региона заболевания, соотнести трактовки названий болезней (квалификация причины смерти имамом, вариативные записи, диалектное наименование и произношение и др.).

Ключевые слова: Тобольская губерния, Комаровская мечеть, мусульманские метрические книги, мечетные книги, демографические процессы, причина смерти

Введение

К важнейшим источникам исторических и социокультурных сведений об обстоятельствах и условиях жизни общества в определенный период истории относятся региональные памятники деловой письменности. Среди данных источников особое место занимают метрические книги, в которых фиксировались акты гражданского состояния населения России. Ведение метрических книг законодательно было предписано решением Московского церковного собора 1666–1667 гг., однако обязательное повсеместное ведение православных метрических книг в Российской империи установили только в мае 1722 г. Метрическая книга велась в течение года. Записи осуществлялись по трем разделам: рождение, браки и смерти в соответствии с определенными требованиями. Делопроизводством занимались уполномоченные духовные лица. С 1828 г. появились мусульманские метрические (мечетные) книги, которые также имели трехчастную структуру. В отличие от православных, в мусульманских книгах фиксировались еще и разводы. В отдельных мечетях Российской империи метрикация начала осуществляться еще с 1780 г., но, вероятнее всего, в то время она совершалась по инициативе мулл и имамов мечетей. Метрические книги были упразднены Декретом от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», однако в отдельных населенных пунктах записи продолжали вести в первые годы Советской власти, до 1926 г.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-00838 «Мусульманские метрические записи Тобольской губернии XIX – начала XX в. в историко-лингвистическом аспекте».

Тобольская губерния, как один из самых территориально значимых регионов Российской империи, имела этнически, религиозно и сословно неоднородное население. Значительную его часть в XIX в. составляли мусульмане. Мусульманские метрические книги представляют интерес как с лингвокультурологической, так и историографической точки зрения. Сведения о рождениях, браках/разводах и смертях позволяют судить о демографических и социальных процессах на определенной территории в определенный период. В других архивных документах такая информация не содержится. Так, например, ревизские сказки являются переписными документами, ...они фиксировали статистику по численности проживающего населения в конкретное время [1, с. 91]. Записи о рождениях, браках и смертях дают ценный материал для исследования конкретного этапа формирования языка, диалектных особенностей речи.

Объект исследования – рукописные мечетные книги поселения Комаровские [2], предмет – младенческая и детская смертность среди бухарцев двух населенных пунктов Бухарской волости Тобольского уезда Тобольской губернии – юрт Комаровских и Араповских. Смертность – важный показатель уровня жизни населения, причины смерти зависят как от биологических факторов, так и от социальных.

Анализ причин детской смертности в Западной Сибири середины XIX в. представляется научно значимым, поскольку вводит в сферу исследований новые данные: хронологические рамки периодов вспышек болезней и эпидемий, выявление типичных для региона заболеваний, возможность соотнесения и трактовки названий болезней в разных источниках (православные и мусульманские метрические книги, мусульманские книги разных мечетей, вариативные записи, диалектное наименование и произношение) и др.

Изученность вопроса

Бухарцы, как этносословная группа в составе населения Западной Сибири, и бухарский фактор в развитии этого обширного региона Российской империи привлекали внимание исследователей с XVIII в: Г. Ф. Миллер [3, 4], Н. М. Ядринцев [5], Г. Н. Потанин [6] показали роль данной этносословной группы в освоении Сибири, описали влияние восточной культуры на культуру и социальную жизнь коренного населения, проанализировали роль бухарцев в распространении ислама в Сибири. Современные ученые рассматривают и другие аспекты бухарского фактора: происхождение этнонимов *бухарцы* и *сарты* [7], социально-культурный облик бухарцев – жителей юрт Комаровских [8].

Сведения о причинах смертности в среде бухарцев Тобольской губернии находим в работах Г. Ч. Файзуллиной, Э. Х. Кадировой, Л. З. Масловской [9], однако причины детской смертности в среде мусульман Западной Сибири специальным исследованиям не подвергались. Отметим, что причины детских смертей в зауральских регионах Российской империи XIX – начала XX в. анализировали А. Х. Машарипова (на материале православных метрических книг у коми-зырян Нижнего Притоболья) [10], А. Е. Белькова (по материалам Тюменского Духовного правления) [11], С. В. Голикова (на территории пореформенного Урала [12], Ю. В. Боровик (на материале метрических книг старообрядческих общин Екатеринбурга [13], П. Р. Смертин [14] и др.

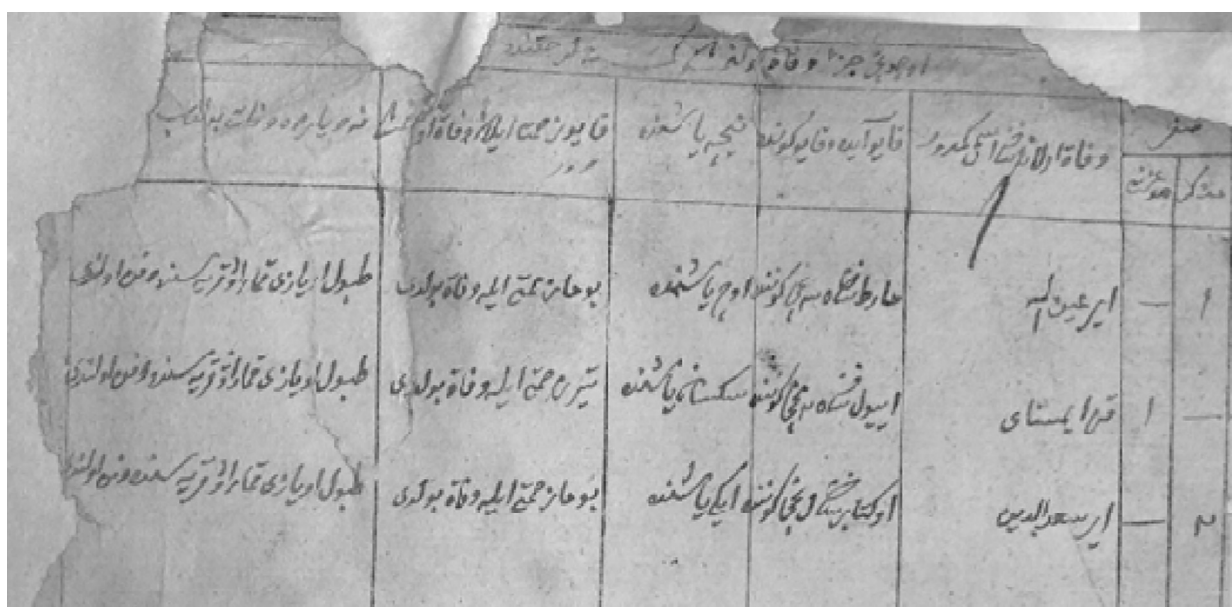
Результаты данного исследования причин младенческой и детской смертей на основе материалов мусульманских мечетных книг в среде бухарцев позволяют расширить представления об этой историко-социальной проблеме.

Материал исследования, источники

Материалом для исследования послужили памятники деловой письменности середины XIX в. – мечетные книги, которые велись при Комаровской мечети имамом Суюджабаки

сыном Габдельгазиза на старотатарском языке арабской графикой². Работа в архивах городов Тобольска и Уфы позволила восстановить содержание практически всех Комаровских мечетных книг Тобольской губернии середины XIX в. (1835–1852, 1854–1862 гг.). Утраченными безвозвратно оказались все три части (о рождении, браках/разводах, умерших) за 1853 г.

Выбор в качестве источника мечетных книг Комаровской мечети обусловлен несколькими факторами: 1) мечетные книги сохранились практически за весь период их составления; 2) почти все книги находятся в удовлетворительном состоянии, что дает возможность их прочитать и перевести; 3) записи во всех книгах сделаны одним и тем же человеком – имамом Суюджбаки, что позволяет максимально избежать неточностей при прочтении рукописного текста и переводе; 4) имам Суюджбаки сын Габдельгазиза по происхождению был бухарцем, это также дает основания предположить, что записи достоверны с языковой точки зрения, нет затруднений, связанных с использованием в диалоге священнослужителя и его прихожан разных языков, говоров, произношения (рисунк).

Фрагмент ксерокопии мечетной книги 1936 г.

Методы исследования

При исследовании причин младенческих и детских смертей в среде бухарцев-прихожан Комаровской мечети на основе записей в мечетных книгах середины XIX в. был применен описательный метод, включая наблюдение, обобщение и классификацию материала. Для сбора материала использовался метод сплошной выборки из текстов мечетных книг. Для семантической реконструкции лексем, называющих причины смерти, был использован метод этимологического анализа с учетом фонетического и словообразовательного аспектов.

Этнословная специфика населения Комаровских юрт середины XIX в.

Численность сибирских бухарцев в Тобольской губернии к середине XIX в. составляла около одной пятой части тюрко-татарского населения губернии. Главным занятием переселенцев из Средней Азии в Сибири была торговля, кроме этого они занимались земледелием, скотоводством, различными ремеслами и промыслами. Традиционными были кожевенное дело, изготовление ковров, ювелирное дело. Переселенцы, получившие в Средней Азии духовное

² Транслитерация – Э. Х. Кадилова. Перевод на русский язык – Г. Ч. Файзуллина.

образование, по приезду в Сибирь открывали мекбеты при мечетях и медресе в крупных поселениях, обучали как мальчиков, так и девочек. В течение XX в. бывшие переселенцы из Средней Азии ассимилировались с местными татарами.

К середине XIX в. в Тобольском уезде Тобольской губернии насчитывалось десять татарских волостей, в состав каждой входило по несколько населенных пунктов (от 7 до 48). Отнесение населенного пункта к той или иной волости было обусловлено не столько территориальным местоположением, сколько проживанием в нем сословно и этнически неоднородных жителей. В зависимости от национальности жителей один и тот же населенный пункт мог входить в одну или более волостей (в Тобольском уезде – до четырех). Бухарцы в основном проживали совместно с ясачными и служилыми татарами, в этом случае поселение относилось, наряду с какой-либо другой(-ими) волостью, и к Бухарской волости. Собственно бухарских поселений в Тобольском округе два – юрты Комаровские (Комарау) и Миримовские (Коллар). Эти юрты входили в состав только Бухарской волости.

Поселение Комаровские юрты располагалось в 22 верстах от губернского города Тобольска, в нем находилась мечеть. По данным IV ревизии, в последней четверти XVIII в. в юртах Комаровских насчитывался 131 житель, а к середине XIX в. (по данным IX ревизии) – 262 человека. Основное население юрт – переселенцы из Самарканда, Ургенча, Бухары и других городов (конец XIV–XVIII вв.). Несмотря на то, что это были представители разных национальностей (таджики, узбеки, уйгуры, каракалпаки, казахи и др.), в Сибири выходцев из Средней Азии объединяли в этносоциальную группу и называли бухарцами/бухаринами, сартами [7, с. 20–22]. Лишь в отдельных записях находим сведения о жителях – не бухарцах, например: отец новорожденного *атасы казак Салибай, 1837 г.* (отец казак Салибай), *атасы йасаклы Мөхәммәдкорбан* (отец ясачный Мухаммедкурбан) (1837 г.).

Мусульманские метрические книги

Рукописные мусульманские метрические книги находятся на хранении в Тобольском филиале ГАТО. Фонд Тобольского уезда Тобольской губернии XIX – начала XX в. составляют документы 33 мечетей разных населенных пунктов (юрт) Тобольской губернии. Общая численность источников – 489 единиц хранения. Период ведения книг – с 1835 г. по 1917 г. Дела (книги) имеют разное количество страниц: от пяти до 618. Составителями мусульманских метрических (мечетных) книг были имамы и муллы мечетей. Сохранность документов различна: отдельные книги в хорошем состоянии, часть томов пострадали настолько, что уже не подлежит реставрации. Некоторые книги к настоящему времени утрачены. Между тем делопроизводство осуществлялось в двух экземплярах, один экземпляр оставался в мечетях до передачи в городской архив (20-е годы XX в.), другой отправлялся в Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). В настоящее время фонды ОМДС хранятся в Национальном архиве Республики Башкортостан (ГКУ). Сохранность метрических книг, по-видимому, связана с условиями хранения. Однако даже часть сохранившихся книг имеет большое значение. По словам В. В. Перинова, «метрические книги как источник еще недооценены историками..., они позволяют за безликими “субъектами истории” увидеть конкретных людей» [15, с. 82], А. К. Бустанов рассматривает значение книг шире: «Метрические книги – ценнейший источник по истории локальных общин мусульман, а также отдельных элитарных кланов» [16, с. 74].

Метрические книги состояли из трех частей, в каждой из которых фиксировались разные акты: рождение, браки/разводы, смерти. Каждая книга рассчитывалась на год, записи в разных частях имели свои особенности заполнения.

В середине XIX в. в основном указывалось только имя (новорожденного, брачующихся, умершего), но не указывалась фамилия. Это обусловлено тем, что у татар, в том числе

и у бухарцев, фамилии появились в середине XIX в., причем вначале только у представителей знати [17, с. 70]. Соответственно, у простого населения при записи новорожденных анализируемого периода фамилий еще не было, фиксировались сословие и имя отца (реже деда), имя матери: *атасы зирагатыче Сәйфеддин, анасы Гөлшаһ* (перев.: отец земледелец Сайфетдин, мать Гульшах). Отсутствие фамилии зачастую не позволяет восстановить целостную картину демографических процессов в среде бухарского населения Тобольской губернии XIX в. в пространстве и во времени. Кроме того, по наблюдениям Д. Н. Денисова, «муллы допускали ошибки в правописании, фактические неточности... В некоторых случаях имамы пропускали записи о совершенных ими обрядах, вносили их несвоевременно, спустя долгое время по памяти или наоборот указывали дважды за разные годы. Затруднения порождало и различное написание имени одного и того же человека [18, с. 91].

Отметим, что начиная с 1857 г. встречается информация о фамилии того или иного жителя. Так, в отдельных случаях находим записи, образованные по образцу русской суффиксальной словообразовательной модели «основа + -ов»: *Тобол губернасы шул өйәзе Кайын авылның зирагатыче Сөйдүк Әткә углы Фәнди кызы 18 яшендә, шул ук өйәзнә Ишәй авылының казак Мөхәммәдшаһ Мөхәммәдкасым угына Бикшановфа, 23 яшендә, никахландырылды* (перев.: сочетались никахом дочь земледельца Суйдука сына Атки Фанди восемнадцати лет, из селения Араповские Тобольской губернии того же уезда и казак Мухаммедшах сын Мухмедкасыма Бикшанов двадцати трех лет из селения Ишеевские того же уезда). В записях 1861 г. находим запись отчества, образованного по модели «основа + -ин-»: *Ибраһим Өчкорткин Аликоф* (перев.: Ибрагим Учкурткин Аликов).

Появление записей фамилий и отчеств, пусть даже фрагментарно, свидетельствует об эволюции формирования текстов метрических книг, их унификации и стандартизации, установлении роли метрических (мечетных) книг в системе делопроизводства России второй половины XIX в.

Мусульманские метрические книги заполнялись имамом, ведущим службу в мечетях. Свое имя они указывали в специально отведенной графе только во второй части книги – о браках и разводах. В последней графе священнослужитель указывал свои регалии, имя и ставил подпись, подтверждая ею сочетание или расторжение брака. Как уже отмечалось, в течение всего анализируемого периода (1835–1952, 1854–1862) записи в книгах Комаровской мечети сделаны одним и тем же человеком – бухарцем имамом Суюджаки сыном Габдельгазиза.

Динамика демографических процессов Комаровских и Араповских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии

В Комаровских мечетных книгах, прихожанами которой являлись жители двух населенных пунктов – Комаровских юрт (Комарау аул) и Араповских юрт (Хан аул), сведения о родившихся содержатся в первом разделе каждой книги «Жөзәи әүвәл вөжүдә киләнләр хакында» (Первая часть о родившихся), заполнены в виде таблицы, состоящей из шести столбцов (читаем справа налево): 1) порядковый номер родившегося в соответствии с полом; 2) имя новорожденного; 3) дата рождения; 4) происхождение/сословие и имена родителей; 5) место рождения. Приведем пример записи: *кыз углан Мөхибжамал; майның 20 нче көнөндә; атасы сарт Түләк, анасы Мәликә; Тобол өйәзе Комарау карьясендә дугды* (перев.: ребенок женского пола Мухибджамал; 20 дня мая; отец сарт Тулек, мать Малика; родился в селении Комаровские Тобольского уезда).

Сведения об умерших содержатся в третьем разделе каждой книги «Өченче жөзә вафат улынмыш кемсәнәләр хакында» (перев.: Третья часть об умерших) и заполнены в виде таблицы, состоящей из шести столбцов (читаем справа налево): 1) порядковый номер умершего

в соответствии с полом; 2) имя умершего; 3) дата смерти; 4) возраст; 5) причина смерти; 6) место погребения. Приведем пример записи (1858 г.): кыз 6 / Кыз Бибифатыйма / ийүннең 5 нче көне / икенче йәшендә / эч китмак зәхмәте илән вафат улды / Тубыл өязе Комарау карьясендә дәфен улынды (перев.: жен. / Бабифатима / 5 дня июня / на втором году / умерла от диареи / погребение состоялось в селении Комаровские Тобольского уезда).

Рукописные книги Комаровской мечети за период 1835–1852, 1853–1862 гг. содержат 466 записей о родившихся и 440 записей об умерших (табл. 1).

Таблица 1

Количество рождений и смертей

Годы	Родившиеся	Умершие							Естественный прирост/ убыль
		младенцы и дети					взрослые		
		от 0 до 1 мес.	до 1 г.	1– 5 лет	6– 16 лет	всего от 0 до 16 лет	старше 16 лет	всего смертей	
1835	6	0	0	9	2	11	5	16	–10
1836	16	0	0	2	0	2	1	3	13
1837	24	0	7	4	3	14	11	25	–1
1838	18	1	8	9	1	19	4	23	–5
1839	25	0	4	5	2	11	13	24	1
1840	13	0	4	0	0	4	6	10	3
1841	20	0	5	5	2	12	11	23	-3
1842	14	0	4	12	6	22	17	39	–25
1843	30	1	2	3	4	10	16	26	4
1844	18	2	2	6	2	12	5	17	1
1845	14	1	0	2	1	4	8	12	2
1846	12	2	3	3	1	9	8	17	–5
1847	28	2	1	2	2	7	4	11	17
1848	18	2	0	1	1	4	2	6	12
1849	12	0	1	10	1	12	4	16	–4
1850	18	1	3	2	0	6	4	10	10
1851	23	0	2	1	0	3	5	8	15
1852	17	0	2	3	1	6	11	17	0
1853	нет данных								
1854	14	0	3	5	3	11	2	13	1
1855	27	0	2	4	0	6	4	10	17
1856	19	0	2	6	0	8	6	14	5
1857	27	3	0	3	0	6	9	15	12
1858	21	0	0	6	3	9	11	20	1
1859	14	2	2	3	2	9	9	18	–4
1860	19	2	4	5	0	11	7	18	1
1861	15	0	0	2	1	3	9	12	3
1862	25	2	2	4	2	10	7	17	8
Всего	466	21	63	117	40	241	199	440	

Как показывают количественные данные, за анализируемый период количество умерших составило 440 человек (94 % по отношению к рожденным). Из них детей – 241 человек (55 % от всех смертей). Количество детей, умерших в первый месяц жизни, – 21 (8 %), от одного месяца до одного года – 63 (26 %), от 1 года до 5 лет – 117 (49 %), от 6 лет до 16 – 40 (17 %).

Наиболее неблагоприятными годами в плане соотношения родившихся и умерших является 1837 г. (25 умерших, из них детей до 16 лет – 56 %), в 1842 г. естественная убыль составила 39 человек, 22 из них – дети (56,4 %). Большой процент смертности детей по отношению к взрослому населению наблюдается в 1839 г. (46 %), 1841 г. (52 %), 1843 г. (48 %), 1858 г. (45%).

Начало записей – 1835 г., допускаем, что данные за этот год неполные, так как первая запись – о родившихся – датируется 20 дня мая, об умерших – 4 дня мая, сведений о браках/разводах нет. В целом записи велись аккуратно, только в одном случае (1835 г.) отсутствует указание причины смерти. Экземпляры книг за 1853 г. к настоящему времени не удалось обнаружить ни в одном архиве.

Причины детской смертности

Предмет данного исследования – анализ причин детской смертности жителей двух населенных пунктов. Жители сельской местности в XIX в. – это социально незащищенные категории населения, которые могли рассчитывать лишь на минимальную медицинскую помощь, что объясняется в первую очередь нехваткой медицинского персонала. В «Статистическом обзоре Тобольской губернии за 1897 г.» отмечается, что в Туринском и Тобольском округах «7 врачей (19 % общ. числа), но число жителей для врачебной помощи простирается до 50,507 чел., причем на каждого врача приходится по 44 селения, разбросанных на пространстве в 49,903 кв. версты» [19, с. 57]. Ввиду отсутствия медицинских работников невозможно было обоснованно диагностировать смерть, квалификация причин смерти зависела от компетенции имама. В беседе с родственниками умершего выяснялись симптомы, и на основании этого священнослужитель определял причину смерти.

По нашим наблюдениям, имам Суюджабаки сын Габдельгазиза использовал 21 единицу для наименования причин смерти (естественных и неестественных). К естественным причинам летального исхода относятся:

– болезни органов дыхания: *бума захмәте* (от удушья), *куб астма* (от астмы), *куб озаак астма* (от продолжительной астмы), *йүтәл захмәте* (от страдания кашлем), *чахотка захмәте* (от чахотки);

– вирусные заболевания: *чәчәк захмәте* (от оспы), *кызылча захмәте илән вафат улды* (от кори), *кызылча захмәт* (от краснухи), *сариг захмәте* (от желтухи), *тир захмәте*, *бизгәк захмәте* (от лихорадки), *от горячки пәс / пис захмәте* (от проказы);

– желудочно-кишечные инфекции: *эч китмәк* (от диареи), *эч захмәте илән вафат улды* (от болезни живота);

– кожное заболевание: *кутыр захмәте (йаман кутыр)* (от золотухи);

– эндокринное заболевание: *йаман чучу захмәтедин* (от сахарного диабета);

– патологические заболевания *йаман шеш* (от опухоли), *тамагына йаман шеш* (от опухоли в горле), *алт тәһәрәте кәтмәмәк захмәте илән вафат улды* (от страдания задержкой мочи), *алт таһәрәте тукталмак захмәте илән вафат улды* (от страдания недержанием мочи).

Частотный «диагноз» в мечетных книгах – *углан захмәте (от детской болезни)*, он использован в 29 случаях (12 % всех причин детской смертности).

Единичны записи причины смерти детей: *по причине расслабленности всех органов: Кыз Зөлхәмида / априлнең 33 нче көне / өч йәшендә / тамам әгъзасы шал булмәк захмәте* (перев.: жен. / Зулхамиды / 3 дня апреля / в три года / умерла по причине расслабленности всех органов) (1851); *умер от чакмы: Ир Габделханнан / априлнең 4 нче көне / өч йәшендә / чакма захмәте илән вафат булды* (перев.: муж. / Габделханнан / 4 дня апреля / в три года / умер от чакмы) (1851). В этих случаях не беремся утверждать, как соотносится причина смерти с современной трактовкой болезни, так как в настоящее время носители языка не используют эти наименования.

В отдельных случаях имам Суюжбаки указывает сразу несколько причин смерти: *Ир Мөхәммәдзариф / майның 20 нче көне / алты йәшендә / эч шешмәк вә күбмәк зәхмәте илән вафат булды* (муж. / Мухаммедзариф / в 6 лет / умер от вздутия и опухания живота) (1858 г.): *Ир Мөхәммәдгали / ийүненң 17 нче көне / 3 йәшендә / эч күбмәк вә йил зәхмәте илән вафат улды* (муж. / Мухаммедгали / в 3 года / 17 дня июня / умер от вздутия живота и ветрянки) (1858 г.).

К причинам неестественной смерти относим:

суга китмек (утопление): *Ир углин Илкәй / августның 12 нче көнендә / сигез яшенд / суга китмәк зәхмәте илән вафат улды* (муж. / Илькай / 12 дня августа / в 8 лет / умер от утопления) (1844 г.);

күб йаралар зәхмәте илән вафат улды (от многочисленных ран). Эту смерть можно предположительно отнести к неестественной, так как причины получения ран не указаны: *Ир Мөхәммәдхалим / гыйнварның 5 нче көне / алты йәшендә / күб йаралар зәхмәте илән вафат улды* (1858 г.) (муж. / Мухаммедхалим / 5 дня января / в 6 лет / умер от многочисленных ран).

К причинам смерти, связанным с религиозными представлениями, относим *әсен зәхмәте* (от влияния злых духов) и *күз тигмәк* (от сглаза).

Этнограф З. И. Минибаева отмечает, что «по традиционным представлениям курганских башкир, происхождение многих болезней связано с воздействием на человека злого болезнетворного духа захмат (*зәхмәт*), который подобен черной тени и имеет антропоморфный облик; он может заводить семью и иметь детей. Обычно обитают в грязных местах: на мусорных свалках, помойках, в кучах золы и в заброшенных постройках. Такие места в народе называются *зәхмәтле урындар*, т. е. «опасные места», где люди могут подхватить болезнь (*зәхмәте эйәрә*). Первыми признаками болезни являются головная боль, ощущение тяжести и внутреннего холода; впоследствии человек может превратиться в калеку. Знахари диагностируют состояние больного термином *зәхмәт сугылган* (букв.: захмат ударил)» [20, с. 5]. Вероятно, в быту сибирских татар существовало это же поверье, что подтверждается функционированием в современных говорах фразеологизма *йел зәхмәтенә эләккән* – ‘попал к черной силе’ (букв.: попал к болезни ветра). Приведем пример записи причины смерти: *Ир Зыйаддин / декабернең 22 нче көнендә / бер йәшендә / әсен зәхмәте илә вафат булды* (1837 г.) (муж./ Зыятдин / 22 дня декабря / в 1 год / умер от влияния злых духов).

Имам Суюжбаки фиксирует еще одну причину смерти, связанную с языческими верованиями, – *күз тигмәк* (от сглаза). У многих народов «сглаз» – это суеверие о вредоносном влиянии взгляда некоторых людей («дурного глаза»), который может привести к нежелательным последствиям в каких-либо делах, действиях, болезни вплоть до летального исхода того человека, на которого направлен «сглаз». Приведем пример причины смерти двухлетнего ребенка (1851 г.): *Ир Дәүләтмөхәммәд / априлнең 23 нче көне / ике йәшендә / күз тигмәк зәхмәте илән вафат булды* (перев.: муж. / Давлетмухаммед / 23 дня апреля / в 2 года / умер от сглаза). Отметим, что причины смерти «порча/от порчи» (близкой по своей сущности «сглазу») в исследуемом источнике не обнаружено.

Встречаем запись причины смерти как совокупности двух языческих представлений: *Ир Мөхәммәдсәгыйд / мартның 3 нче көне / икенче йәшендә / күз тигмәк һәм әсен тотмәк зәхмәте илән вафат улды* (1860 г.) (муж. / Мухаммедсагит / 3 дня марта / на 2 году / умер от сглаза и влияния злых духов). Такая причина отмечена в 3 % фиксации неестественных детских смертей.

В отдельных случаях указывается совокупность естественных и неестественных причин смерти (1858): *Ир Хөрмәдъяр / ийүненң 14 нче көне / 26 нчы йәшендә / йара вә астима вә әсен зәхмәте илән вафат улды* (муж. / Хурматьяр / 14 дня июня / в 26 лет / умер от раны и астмы и влияния злых духов) (табл. 2).

Как показывают данные, наиболее частыми причинами летального исхода являлись заболевания, связанные с органами дыхания (удушие, астма, чахотка, кашель). По этой причине

Таблица 2

Количество младенческих и детских смертей с указанием причины

Причина смерти	Умершие			
	Младенцы (от 0 до 1 мес.)	Младенцы (от 1 мес. до 1 г.)	Дети (от 1 г. до 16 лет включи- тельно)	Всего (указания причины) / %
Естественная смерть				
<i>Болезни органов дыхания</i>				
удушие	5	34	26	65
астма	1	8	40	50
чахотка	1	1	6	8
кашель	0	0	3	3
<i>Инфекционные заболевания</i>				
оспа	0	0	27	27
корь	0	2	7	9
краснуха	0	0	7	7
желтуха	0	0	1	1
лихорадка	3	1	6	10
проказа	0	0	3	3
<i>Кишечные инфекции</i>				
диарея	0	0	2	2
болезнь живота	0	1	6	7
<i>Мочекаменная болезнь</i>				
недержание мочи	0	0	2	2
задержка мочи	0	0	1	1
<i>Кожное заболевание</i>				
золотуха	0	0	2	2
<i>Эндокринное заболевание</i>				
сахарный диабет	0	0	1	1
<i>Патологические изменения</i>				
опухоль	1	0	4	5
Предположительное заболевание				
детская болезнь	8	18	3	29
Невыясненные заболевания				
чакма			1	1
по причине расслабления организма	0	0	1	1
Неестественная смерть				
утопление	0	0	1	1
от ран	0	0	1	1
от сглаза	0	0	2	2
влияние злых духов	2	0	2	4
Всего (человек) / %	21 (9%)	65 (27%)	155 (64%)	241

за 27 лет умерло 126 детей (52 %), из них в возрасте от 0 до 1 месяца 21 человек (9 %). Наиболее частотная запись причины смерти заболеваний органов дыхания – удушье (27 %)

и астма (21 %). При этом заметим, что в переводе с греческого *астма* означает «удушье», «одышка», симптомы заболевания во многом схожи. Это дает основание предположить, что при постановке «диагноза» причины *удушье* и *астма* не имели четко очерченных границ и могли квалифицироваться субъективно.

На втором месте по количеству причин смерти – инфекционные заболевания (оспа, корь, краснуха, желтуха, лихорадка, проказа). От инфекционных заболеваний умерло 58 детей (22 %), в основном дети в возрасте после года. Наиболее частотное инфекционное заболевание – оспа (47 %). Такое положение объясняется эпидемиологической обстановкой в России в целом: оспой болели всегда, смертность от этого заболевания составляла до 40 %. Так, в Тобольске в 1836–1838 гг. за короткое время заболело 1125 человек, умерло 635 [21]. В Комаровских мечетных книгах 1835–1837 гг. нет фиксации причины смерти «от оспы» ни среди взрослого населения, ни среди детей; в 1838 г. умерло от оспы пятеро детей в возрасте: в феврале – ребенок четырех лет, в марте – 12 лет, в ноябре – четырех лет, двое детей в декабре – в возрасте одного года, второго января 1839 г. – также годовалый ребенок. Это наибольшее количество заболевших и умерших от оспы в течение одного года. Другие инфекционные заболевания не носили массового характера.

Умерло «от детской болезни» 29 детей (12 %). Возраст умерших детей разный: от 2 дней до 15 лет (единичный случай), но в основном (90 %) *от детской болезни* умирали младенцы до года. Так как симптомы болезни не указывались, трудно предположить, тем более трудно утверждать, какова истинная причина смерти и как она соотносится с современным названием болезни. Однако примерно одинаковый возраст умерших детей, такая же частотность, отраженная в православных метрических книгах, позволяют предположить, что термин «детская болезнь» (мечетные книги) соответствует терминам «от родима», «от родимой», «от родимице», «от родимчик», «от родимца» (православные метрические книги). Детская болезнь проявляется как спастический паралич, сопровождающийся эпилептическими припадками как врожденными, так и полученными в результате родовой травмы или занесенной инфекции [11]. Словарь И. И. Срезневского лексему «родимчик» трактует как «болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (у беременных, рожениц и маленьких детей)» [22, III, с. 723]. В русском языке функционируют фразеологизмы *родимая бьет, родимчик бьет* [23, с. 234]. Эти единицы используют при характеристике нервного заболевания, сопровождающегося припадками и судорогами (в основном у младенцев и детей младшего возраста). Причины судорог могут быть самые разнообразные: расстройство желудка, глисты, прорезывание зубов, ушиб, испуг и др.

Самый неблагоприятный год по количеству смертей – 1842. В этом году умерло 22 ребенка (родилось 12), самым «опасным» оказался возраст детей от 1 года до 5 лет – 12 смертей (55 %). И для взрослого населения это самый критичный год за период наших наблюдений – умерло 17 человек. В целом соотношение родившихся и умерших – 12 : 37, естественная убыль – 25 человек. Причины смерти разные (дети/взрослые): от астмы (8/11), опухоли (2/3), удушья (4/0), чахотки (2/2), краснухи (4/0), болезни живота (2/1).

Ни в одной из частей мечетных книг не зафиксированы упоминания о мертворожденных детях, хотя в данный период обнаружены сведения о смерти шести женщин с указанием причины «от родов». Лишь в одном случае зафиксирована смерть ребенка в возрасте «1 день», запись сделана на следующий день после фиксации смерти матери «от родов». Судьба остальных детей неясна, есть основания предположить, что роды не состоялись, так как записей о рождении детей после смерти матери нет. Погребение детей, независимо от причин смерти, осуществлялось, видимо, по месту их жительства: в основном в селениях Комаровские и Араповские Тобольского уезда, в отдельных случаях – в селениях Куртай, Саусканские, Епанчинские, Абалакские также Тобольского уезда.

Заключение

Мечетные книги – это ценнейший региональный источник для изучения демографической ситуации в среде мусульман Западной Сибири. Комплексный анализ сведений, приведенных в третьей части книг (на записку об умерших) Комаровской мечети, позволяет рассмотреть демографические процессы в отдельном приходе, выявить причины смертей, сопоставить полученные данные с подобными данными других регионов Западной Сибири и России.

Анализ количества младенческой и детской смертности в юртах Комаровские и Ембаевские Тобольского уезда показал, что в середине XIX в. в среде бухарцев была высокая детская смертность, что соответствовало ситуации в других районах России. Наиболее высокой была смертность в первый год жизни детей (36 %), смерть в возрасте от одного года до пяти лет составила 48 %. Такой большой процент детской смертности объясняется многими причинами: дети не получали медицинской помощи, не было должного ухода, плохие санитарно-гигиенические условия и др. Основными причинами смерти были заболевания, связанные с органами дыхания (удушье, астма, чахотка, кашель), именно эти «диагнозы» указаны в 52 % случаях; от инфекционных заболеваний умерло 22 % детей, при этом «всплеска» эпидемий оспы, кори в данной местности не наблюдалось. В 12 % записей причиной смерти была названа детская болезнь. Особенность мечетных книг – указание причин смерти детей «от влияния злых духов» и «от сглаза», что характеризует не столько эпидемиологическую ситуацию, свойственную данному историческому периоду, сколько особенности менталитета и картины мира, сложившиеся у изучаемого социума: укорененные языческие верования при отсутствии светского образования.

Несовершенство терминологии, используемой для указания заболеваний в мечетных книгах, имеет социальные основания: причину смерти записывал не имеющий медицинского образования имам, руководствуясь лишь описанием видимых симптомов болезни со слов родственников умершего ребенка.

Список источников:

1. Салахова Э. К. Мусульманские метрические книги России // Эхо веков. 2018. № 1. С. 81–96.
2. Комаровские мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков / Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Фаизова Л. Х. Казань: Отечество, 2022. 335 с.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. литература, 1999. Т. 1. 630 с.
4. Миллер Г. Ф. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. 6. 192 с.
5. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и семейное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб, 1891.
6. Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в. М.: в Университетской типографии (Катков и К) на Страстном бульваре, 1868. 94 с.
7. Ермакова Е. Н., Прокопова М. В., Файзуллина Г. Ч. Этнонимы *бухарцы* и *сарты* в этнонимиконе Тобольской губернии XIX – начала XX века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. Вып. 1 (35). С. 19–32.
8. Файзуллина Г. Ч., Тычинских З. А., Фаизова Л. Х. Тобольские бухарцы юрт Комаровских Тобольской губернии по данным метрических книг XIX – начала XX века // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. Вып. 1 (39). С. 141–155.
9. Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Масловская Л. З. Названия болезней в письменном языке сибирских татар XIX – начала XX в. (на материале мечетных книг Тобольской губернии) // Сибирский филол. журнал. 2021. № 4. С. 229–240.
10. Машарипова А. Х. Детская смертность у коми-зырян Нижнего Притоболья в конце XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 133–137.

11. Белькова А. Н. Названия болезней и их симптомов в метрических книгах первой половины XIX века Тюменского Духовного Правления (часть третья, об умерших) // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2010. № 2. С. 72–79.
12. Голикова С. В. Опыт изучения детской смертности врачами пореформенного Урала // Историческая демография: материалы, представленные на Всероссийской научной конференции (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г., 28–30 августа 2007 г.) и Всероссийский симпозиум (Сыктывкар, 15–16 июня 2006 г.). Москва – Сыктывкар. 2007. С. 68–70.
13. Боровик Ю. В. Проблема анализа младенческой и детской смертности у старообрядцев уральского города // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 1 (196). С. 127–40.
14. Смертин П. Р. Сопоставление показателей детской смертности в Перми в XVIII веке по данным метрических книг и палеоантропологических исследований // Вестник Пермского ун-та. История. 2023. № 2 (61). С. 162–171.
15. Перинов В. В. Метрические книги Верхнеудинской мечети как исторический источник // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 77–83.
16. Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. М.: Издат. дом Марджани, 2013. 264 с.
17. Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н. Словообразовательный потенциал имени собственного и его реализация в русском и татарском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. Вып. 4 (26). С. 67–77.
18. Денисов Д. Н. Выполнение мусульманским духовенством округа ОМДС государственных полномочий в XIX – начале XX в. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2012. № 11 (265). История. Вып. 50. С. 90–94.
19. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г.
20. Минибаева З. И. Народная медицина башкир Курганской области (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2022. 30 с.
21. Тюменские эпидемии XIX века. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/227484087> (дата обращения 15.08.2023).
22. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб, 1893–1912. Т. 3.
23. Багирова Е. П., Белякова С. М. Фразеологический словарь русских говоров Тюменской области. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2020. 356 с.

Файзуллина Гузель Чахваровна.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры педагогического, психологического и социального образования.

Тюменский государственный университет.

Ул. Знаменского, 56, Тобольск, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Ермакова Елена Николаевна.

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования.

Тюменский государственный университет.

Ул. Знаменского, 56, Тобольск, 626150.

E-mail: ermakova25@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30 октября 2023 г.

G. Ch. Faizullina, E. N. Ermakova

CHILD MORTALITY AND ITS CAUSES AMONG THE TOBOLSK BUKHARIANS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY (BASED ON MATERIALS FROM MUSLIM BOOKS OF THE KOMAROV MOSQUE)

Research results on infant and child mortality in the second half of the 19th century and its causes among immigrants from Central Asia are presented. Although they were representatives of different nationalities (Tajiks, Uzbeks, Uyghurs, Karakalpaks, Kazakhs), in Siberia, they were combined into one ethnosocial group and referred to as Bukharians and Sarts. The Bukharians lived mainly together with the Yezaks and the military service Tatars; there are even two Bukharian settlements in the Tobolsk district – the Komarovskie (Komarau) and Mirimovskie (Kollar) yurts. The research materials are Komarov mosque books from the 19th and early 20th centuries of the Tobolsk province, written in the old Tatar language with Arabic script. So far, there are no studies dealing with the problem of mortality among the 19th-century Siberian Tatars, which is the novelty of this work. Our data

show that the total mortality rate in the period under study (1835–1852, 1854–1862) amounted to 94% of the birth rate, of which children accounted for 55%. The quantitative component of deaths by age is shown: Newborns (from birth to one month) – 8 %, from one month to one year – 26 %, from one year to 5 years – 49 %, from 6 years to 16 years – 17 %. The most common causes of death were respiratory diseases (suffocation, asthma, consumption, cough), and the second most common causes of death were infectious diseases (smallpox, measles, rubella, jaundice, fever, leprosy). In 29 cases, the cause of death was given as “childhood illness”; the age of the deceased ranged from 2 days to 15 years, but most (90 %) were infants under one-year-old. The worst year in terms of the number of deaths was 1842 (12 children were born, 22 died, the most “dangerous” was the age of children from 1 to 5 years – 12 deaths (55%). The high child mortality rate (especially in infancy) was characteristic of Russia in general. The analysis of the causes of infant and child mortality in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries allows us to determine the chronological framework of the outbreak periods of diseases and epidemics, to identify diseases typical for the region, to correlate the interpretations of the names of diseases (characterization of the cause of death by the imam, variable records, dialect names, and pronunciation).

Keywords: *Tobolsk province, Komarovskaya mosque, Muslim metric books, mosque books, demographic processes, causes of death*

References:

1. Salahova E. K. Musul'manskie metricheskie knigi Rossii [Muslim metric books of Russia]. Ekho vekov [Echo of centuries]. 2018. No. 1. P. 81–96 (in Russian).
2. Komarovskie mechetnye knigi Tobol'skoj gubernii XIX – nachala XX vekov [Komarov mosque books of the Tobolsk province of the 19th – early 20th centuries] / Faizullina G. Ch., Kadirova E. H., Faizova L. H. Kazan': Otechestvo, 2022. 335 p. (in Russian).
3. Miller G. F. Istoriya Sibiri [History of Siberia]. M.: Vost. literatura, 1999. Vol. 1. 630 p. (in Russian).
4. Miller G. F. Sibir' XVIII v. v putevyh opisaniyakh [Siberia of the 18th century. in travel descriptions] // Istoriya Sibiri. Pervostochniki [History of Siberia. Primary sources]. Novosibirsk: Sib. hronograf, 1996. Vol. 6. 192 p. (in Russian).
5. Yadrincev N. M. Sibirskie inorodcy, ih byt i semejnoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablic [Siberian foreigners, their life and marital status: ethnographic and statistical studies with the application of statistical tables]. SPb, 1891. (in Russian).
6. Potanin G. N. O karavannoj trgovle s Dzhungarskoj Buhariej v XVIII v. [About caravan trade with Dzungarian Bukharia in the 18th century]. M.: v Universitetskoj tipografii (Katkovi K) na Strastnom bul'vare, 1868. 94 p. (in Russian).
7. Ermakova E. N., Prokopova M. V., Faizullina G. Ch. Etnonimy buharcy i sarty v etnonimikone Tobol'skoj gubernii XIX – nachala XX veka [Ethnonyms Bukharians and Sarts in the ethnonymicon of the Tobolsk province of the 19th – early 20th centuries] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2022. No. 1 (35). P. 19–32 (in Russian).
8. Faizullina G. Ch., Tychinskih Z. A., Faizova L. H. Tobol'skie buharcy yurt Komarovskih Tobol'skoj gubernii po dannym metricheskih knig XIX – nachala XX veka [Tobolsk Bukharans of the Komarovsky yurt of the Tobolsk province according to the metric books of the 19th – early 20th centuries] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2023. Vol. 1 (39). P. 141–155 (in Russian).
9. Faizullina G. Ch., Kadirova E. H., Maslovskaya L. Z. Nazvaniya boleznej v pis'mennom yazyke sibirskih tatar XIX – nachala XX (na material mechetnykh knig Tobol'skoj gubernii) [The names of the diseases in the written language of the Siberian Tatars of the 19th – early 20th centuries (based on the mosque books of the Tobolsk province)] // Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. 2021. No. 4. P. 229–240 (in Russian).
10. Masharipova A. H. Detskaya smertnost' u komi-zyryan Nizhnego Pritobol'ya v konce XIX — nachale XX v. [Detskaya smertnost' u komi-zyryan Nizhnego Pritobol'ya v konce XIX — nachale XX v.] // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. 2014. No. 1 (24). P. 133–137 (in Russian).
11. Bel'kova A. N. Nazvaniya boleznej i ih simptomov v metricheskih knigah pervoj poloviny XIX veka Tyumenskogo Duhovnogo Pravleniya (chast' tret'ya, ob umershih) [Names of diseases and their symptoms in the register first half of the XIX century, Tyumen spiritual board (part three, about the dead)] // Vestnik Surgut. gos. ped. un-ta [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2010. No. 2. (in Russian).
12. Golikova S. V. Opyt izucheniya detskoj smertnosti vrachami poreformennogo Urala [Experience of studying child mortality by doctors of the post-reform Urals]. Istoricheskaya demografiya: materialy, predstavlenyye na Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Syktyvkar, 28–30 sentyabrya 2005 g., 28–30 avgusta 2007 g.) i Vserossijskij simpozium (Syktyvkar, 15–16 iyunya 2006 g.) [Historical demography: materials presented at the All-Russian Scientific Conference (Syktyvkar,

- September 28–30, 2005, August 28–30, 2007) and the All-Russian Symposium (Syktyvkar, June 15–16, 2006)]. Moskva: Syktyvkar, 2007. P. 68–70 (in Russian).
13. Borovik Yu. V. Problema analiza mladencheskoj i detskoj smernosti u staroobryadcev ural'skogo goroda [Analysis Issues of Infant and Child Mortality at the Old Believers of the Ural City] // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2020. Vol. 22. No. 1 (196). P. 127–140 (in Russian).
14. Smertin P. R. Sopostavlenie pokazatelej detskoj smernosti v Permi v XVIII veke po dannym metriceskikh knig i paleoantropologicheskikh issledovanij [Comparison of child mortality rates in Perm in the 18th century according to metric church books and skeletal remains data] // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Perm University Herald. History]. 2023. No. 2 (61). P. 162–171 (in Russian).
15. Perinov V. V. Metricheskie knigi Verkhneudinskoj mecheti kak istoricheskij istochnik [Metric books of the Verkhneudinsk mosque as a historical source] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]. 2009. No. 117. P. 77–83 (in Russian).
16. Bustanov A. K. Knizhnaya kul'tura sibirskih musul'man [Book culture of Siberian Muslims]. M.: Izd. Dom Mardzhani, 2013. 264 p. (in Russian).
17. Faizullina G. Ch., Ermakova E. N. Slovoobrazovatel'nyj potencial imeni sobstvennogo i ego realizaciya v russkom i tatarskom yazykah [Word-formation potential of a proper name and its implementation in the Russian and Tatar languages] // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology]. 2019, No. 4 (26). P. 67–77 (in Russian).
18. Denisov D. N. Vypolnenie musul'manskim duhovenstvom okruga OMDS gosudarstvennyh polnomochij v XIX – nachale XX v. [Execution of state powers by the Muslim clergy of the OMDS district in the 19th – early 20th centuries] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2012. No. 11 (265). Istoriya. Vyp. 50. P. 90–94 (in Russian).
19. Statisticheskij obzor Tobol'skoj gubernii za 1897 g. [Statistical review of Tobolsk province for 1897] (in Russian).
20. Minibaeva Z. I. Narodnaya medicina Bashkir Kurganskoj oblasti (konec XIX – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Traditional medicine of the Bashkirs of the Kurgan region (late 19th – early 20th century): Abstract of thesis. dis. ... PhD of historical sci.]. Ufa, 2022. 30 p. (in Russian).
21. Tyumenskie epidemii XIX veka [Tyumen epidemics of the 19th century]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/227484087> (accessed on 15.08.2023).
22. Sreznevskij I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka [Materials for a dictionary of the Old Russian language]. SPb, 1893–1912. Vol. 3.
23. Bagirova E. P., Belyakova S. M. Frazelogicheskij slovar' russkikh govorov Tyumenskoj oblasti [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Tyumen region]. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2020. 356 p. (in Russian).

Faizullina Guzel Chahvarovna.

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogical, Psychological and Social Education.

Tyumen State University.

Znamensky st., 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Ermakova Elena Nikolaevna.

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Philological Education.

Tyumen State University.

Znamensky st., 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: ermakova25@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39

А. А. Сирина

**PEOPLE ON THE MOVE: THE USE OF SPACE BY NORTHERN BAIKAL EVENKIS
IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC CHANGES / V. N. DAVYDOV
ST. PETERSBURG: MAE RAS, 2022. 316 P.¹**

Монография В. Н. Давыдова посвящена исследованию мобильности северобайкальских эвенков – охотников, оленеводов, рыболовов и их вовлеченности в жизнь в мире через постройки и материальные объекты, которые они создают и используют в контексте проектов развития и инноваций. В основе книги лежат полевые материалы автора, собранные в Северобайкальском районе Республики Бурятия, в «национальной» деревне Холодная. Особенностью рецензируемой книги является важный методологический сдвиг – центральным в книге является концепт движения, практики эвенкийской мобильности в различных исторических и социально-экономических условиях. Автор отказался от жесткой дихотомии между оседлым и мобильным населением и, соответственно, между деревней и тайгой, эвенками и другими деревенскими жителями, которые сходным образом используют пространство. В качестве теоретических подходов В. Н. Давыдов использует концепцию «жизненных проектов» («life projects») местного населения vs. проектов развития А. Эскобара, а также феноменологический подход Т. Инголда. Эвенки на протяжении столетий вовлечены в жизнь российского государства и различные проекты развития, к которым они адаптируются, продолжая свои жизнеобеспечивающие практики, организуя траектории и способы перемещений. Автор выделил кратковременные и долговременные передвижения, изучил их особенности, а также характерные для них постройки. Эвенкийская деревня впервые показана как пространство интенсивных внутренних перемещений. В книге рассмотрен «оппортунистический» образ жизни некоторых ее жителей. В. Н. Давыдов подчеркивает, что местные жители используют новые объекты инфраструктуры в целях периодических перемещений по ландшафту, а также освоили различные инновации, предлагаемые современным обществом. При этом они сохранили эвенкийский этос взаимопомощи, креативности, социальности.

Ключевые слова: северобайкальские эвенки, д. Холодная, социально-экономические изменения, использование пространства, мобильность, ресурсы

Книга В. Н. Давыдова «Люди в движении: использование пространства северобайкальскими эвенками в контексте социально-экономических изменений» представляет собой монографическое исследование, посвященное анализу эвенкийской деревни. Точнее, деревня – лишь отправная точка исследования. Автор справедливо полагает, что жизнь местных людей можно понять, только обратив внимание на их отношения с ландшафтом. Поэтому его интересует не деревня сама по себе, а то, как охотники-олeneводы эвенки, осевшие в Холодной в результате процессов советской модернизации в 1930–1940-х годах, используют окружающее пространство. Он подчеркивает, что при переходе к оседлости эвенки привнесли в функционирование поселка новые смыслы, поскольку они иначе, нежели земледельцы, используют пространство и относятся к нему. О том, как это происходит, и идет речь в книге.

Монография состоит из семи глав (включая введение и заключение), снабжена 62 авторскими и архивными фотографиями (имеется их полный список), схемами, объединенным предметным, географическим, именным указателем. В основе книги лежат эксклюзивные полевые материалы, которые автор собрал в экспедиции, проведенной в 2007–2008 гг. в Северобайкальском районе Республики Бурятия, когда был аспирантом Абердинского университета, а также во время последующих неоднократных поездок в этот регион.

С большим интересом прочитала книгу, так как в 1980–1990-х годах изучала особенности расселения и организации среды жизнедеятельности у катангских эвенков, а в 2005–

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00637).

2009 гг. проводила полевую работу на севере Байкала, связанную, в частности, с влиянием планируемого трубопровода ВСТО на жизнеобеспечивающие практики местного населения. Сразу отмечу, что по сравнению с прошлыми исследованиями материальной культуры и материальности, особенностью рецензируемой книги является важный методологический сдвиг в определении объекта исследования и использовании научного инструментария – центральным в книге является концепт движения. Это позволило автору книги комплексно и в динамике рассмотреть весьма разные аспекты поставленной темы. Среди других новаций в методологических подходах к изучению эвенкийской деревни – отказ от жесткой дихотомии между оседлым и мобильным населением и, соответственно, между деревней и тайгой, эвенками и другими деревенскими жителями, которые сходным образом взаимодействуют с пространством. В. Н. Давыдов использует в книге термины, указывающие на связь людей с территорией («холоднинцы», «жители деревни Холодная»; «местные жители») или с экономическими практиками («охотники», «оленоводы», «рыболовы»). Это отвечает тенденции смещения фокуса с этнической принадлежности на множественные идентичности людей – территориальную, профессиональную и др., а также на смешанную этносоциальную среду. Вместе с тем термин «приезжие» (“newcomers”) не содержит информации о разных волнах проникновения приезжего населения на северный Байкал, начиная от потомков русских старожилов XVII–XVIII вв. до строителей БАМа второй половины XX в. и современных миграций.

Во введении (глава 1) В. Н. Давыдов подчеркивает, что целью книги было проанализировать, как использование пространства эвенками «изменилось в условиях интенсивных проектов развития и как творчески они включили эти проекты в свой образ жизни» [с. 6]. Для анализа пространственно-временных перемещений эвенков В. Н. Давыдов применяет концепцию «жизненных проектов» («life projects») местного населения vs. проектов развития А. Эскобара, а также феноменологический подход Т. Инголда. Он анализирует современность с опорой на анализ исторического прошлого, сравнительно-историческим и структурно-диахронным методами, что является традицией российской этнологии и позволило проследить преемственность культуры северобайкальских эвенков, несмотря на все проекты развития. Автор хорошо знаком с трудами российских тунгусоведов, привлек архивные материалы и другие малодоступные данные (глава 1).

Вопросы взаимодействия северобайкальских эвенков с государством, приезжим населением В. Н. Давыдов рассматривает в главе 2 «Интенсивные пространства». Новое для российской антропологии понятие «интенсивные пространства», используемое в американской историографии для обозначения пространств смешения и гибридизации, автор адаптировал к своему полевому материалу. Он понимает под этим термином места пересечения интересов государства и местного населения и выстраивание на таких местах интенсивных отношений между местными и приезжими людьми [с. 59–60]. Краткий исторический очерк вхождения северобайкальских эвенков в состав российского государства, создание Баргузинского соборного заповедника на землях эвенков, советская социально-экономическая модернизация, развившаяся, в частности, в коллективизации и переводе на оседлость, строительство инфраструктуры и деревни Холодная – все эти проекты рассмотрены с точки зрения того, как они повлияли на паттерны мобильности эвенков и их отношения с ландшафтом.

Анализ использования пространства жителями деревни позволил проследить, как в условиях постсоветских трансформаций и ухода государства из местной экономики, в условиях турбулентности и неопределенности люди сумели организовать свои «жизненные проекты», а точнее – как они сумели выжить. Одна из основных стратегий – это движение, связанное с целями жизнеобеспечения, взаимодействие с пространством в процессе охоты, рыболовства, отчасти оленеводства, собирательства, а также огородничества и домашнего животноводства. Другая стратегия выживания эвенков состоит в поддержании социальных связей (глава 5).

В главе 3 «Временной и пространственный характер практик» В. Н. Давыдов рассматривает деревню как пункт постоянного возвращения и место, где пересекаются пути людей, товаров, вещей; откуда в основном берут начало кратковременные (в основном рыболовецкие, сенокосные, собирательские) и долговременные (преимущественно охотничьи и оленеводческие) походы и поездки. Говоря о кратковременных передвижениях, автор приводит местные термины для их обозначения, например «ходить обыденком», «ходить в ночевую» [с. 123]. Здесь стоит уточнить, что слово «обыдень» (от «день») не только региональный [с. 123], но и, по В. И. Далю, старорусский и северорусский термин [1, с. 637], откуда его «принесли» с собой русские, пришедшие в Сибирь. Судя по тексту книги, в местах контакта это слово перешло к эвенкам и употребляется ими до настоящего времени.

В главе 4 «Стационарные и мобильные структуры» показано, что стационарные и переносные формы и типы построек соответствуют образу жизни людей и их сочетание является главным принципом освоения пространства эвенками в настоящее время [2, с. 199]. В. Н. Давыдов детально анализирует различные типы построек, возведенных членами оленеводческих общин «Орон» и «Улуки», а также людьми, выезжающими на сенокос или на рыбалку, выходящими на Тропу памяти. Показано прагматичное использование современных материалов в строительстве традиционных сооружений.

Вторичное использование материальных объектов особенно актуально для Севера, где поликомпетентность местных жителей порождена дефицитом ресурсов и стала обязательной характеристикой безопасного проживания на Севере, но до последнего времени была мало изучена [2]. В главе 5 «Присвоение инфраструктуры» даются примеры креативности людей в использовании вторичных ресурсов, например, клеток из заброшенной зверофермы в качестве изгородей, заброшенных строений геологов в качестве мест для кратковременных остановок людей или для содержания оленей.

Благодаря методу включенного наблюдения В. Н. Давыдову впервые удалось показать деревню как пространство интенсивных внутренних передвижений и коммуникаций. Автор рассмотрел «оппортунистический» образ жизни в деревне («бичевание») и обмен домами, т. е. «перекочевки» людей внутри деревни. Он выявил два типа передвижений в границах деревни. Первый связан с обменом и/или арендой домов людьми с разным экономическим положением. Второй – с совместным проживанием малоимущих людей с низким социальным статусом, что вызвано, по мнению автора, задачей экономии ресурсов. «Бичевание» в деревне показано как коллективная социальная практика, возможная лишь при обладании определенным «социальным капиталом», а также как генеральная реципрокция [с. 217–218]. В. Н. Давыдов подчеркивает, что в практики «бичевания» вовлечены деревенские жители разных национальностей с нестабильным и низким доходом.

В главе 6 «Общий доступ к пространству: местные люди и промышленное развитие» В. Н. Давыдов рассматривает взаимоотношения местных людей с приезжими, реализующими различные промышленные проекты. Это золотодобыча, известная с XIX в., добыча слюды, разведочные геологические экспедиции 1950-х годов, открытие полиметаллического месторождения Перевал в 1960-х годах, строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1972–1984), попытка проложить трубопровод Восточная Сибирь – Тихий океан в начале 2000-х годов, коммерческий туризм. Здесь автор переносит акцент с конфликтных ситуаций, которые неизбежны в проектах развития и которые обычно привлекают внимание, на малозаметные и потому недооцениваемые факты кооперации и сотрудничества местных жителей и приезжих, выраженные в совместном освоении пространства. Это, например, использование проложенных эвенками лесных троп, их знаний ландшафта, эвенкийской топонимики для названия станций и поселков БАМа. Заслуга автора в том, что он обратил внимание на роль оленеводов-проводников (каюров) в проведении геологоразведочных экспедиций, на их отношения с приезжими геологами, примеры взаимопомощи и обмена знаниями.

В. Н. Давыдов подчеркивает, что местные жители адаптировались к новым проектам именно с целью сохранения подвижного образа жизни, обусловленного сохранением традиционных хозяйственных практик и связи с природой, используют новые объекты инфраструктуры в целях периодических перемещений по ландшафту, а также освоили различные инновации, предлагаемые современным обществом, сохранив при этом эвенкийский этос взаимопомощи, креативности, социальности.

Хотелось бы больше узнать о гендерном аспекте передвижений в пространстве в настоящее время, так как в книге замечен некоторый перекос в сторону анализа передвижений мужчин. Означает ли это, что они, как и прежде, больше перемещаются по ландшафту? Интересны особенности передвижений между деревней и городом, их мотивации, интенсивность, результаты. В равной ли степени мужчины и женщины «открыты» «внешнему», городскому миру?

Исследование В. Н. Давыдова вносит заметный вклад в тунгусоведение и сибиреведение вообще, а также в такие направления науки, как антропология материальности, антропология движения, антропология постсоциализма и ряд других. Читатель найдет в книге богатые и достоверные полевые материалы о малоизученной группе северобайкальских эвенков и их осмысление с новых методологических позиций. Книга ориентирует североведов на продуктивность изучения населения северных поселков с помощью инструментария антропологии мобильности, деконструирует стереотип о потере оседлыми эвенками связи с природой и этнокультурных особенностей.

Список источников:

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Изд-во «Русский язык», 2000. Т. 2. И–О.
2. Гончаров Н. С. Практики и стратегии освоения пространства и ресурсов полиэтническим населением Северной Якутии (XVII–XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб.: МАЭ РАН, 2023.

Сирина Анна Анатольевна.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Институт этнологии и антропологии РАН.

Ленинский пр., 32а, Москва, 119991.

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.

Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034.

E-mail: annas@iea.ras.ru

Материал поступил в редакцию 14 января 2024 г.

A. A. Sirina

CRITICAL REVIEW ON THE V. N. DAVYDOV PEOPLE ON THE MOVE: THE USE OF SPACE BY NORTHERN BAIKAL EVENKIS IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC CHANGES. SAINT-PETERSBURG: MAE RAS, 2022. 314 p.²

This monograph is dedicated to the mobility practices of the hunters, reindeer herders, and fishermen of the Northern Baikal Evenkis and their engagement with life in the world through the structures they build and use in the context of numerous development projects and innovations. The monograph is based on field data collected by the author in the northern Baikal region of the Republic of Buryatia from the Evenki of the village of Kholod-naia. A distinctive feature of this monograph is an important methodological change, as the subject of the study is the process of the Evenkis' movement and their mobility. The dynamic perspective made it possible to analyze the objects of stationary and mobile Evenki structures as embedded in a complex network of movements connecting a number of places. The author rejected the rigid dichotomy between sedentary and mobile populations and, accordingly, between the village and the taiga, as well as between Evenki and other villagers who use space in

² The research was funded by the Russian Science Foundation (project No 23-018-00637).

a similar way. As a theoretical approach, V.N. Davydov uses A. Escobar's concept of 'life projects' of the local population vs. development projects and the phenomenological approach of T. Ingold. For centuries, the Evenkis have been involved in the life of the Russian state and in various development projects that they adapt to their life-sustaining practices, ways, and methods of movement. The Evenki village is shown as a space of intense internal mobility, and some of its inhabitants' "opportunistic" lifestyles are examined for the first time. V. N. Davydov emphasizes that the inhabitants have adapted to the development projects to realize their life projects connected with the task of maintaining the connection to nature and society. The Evenkis use new infrastructures to move around the landscape regularly and have adopted various innovations in modern society. At the same time, they have preserved the Evenkis ethos of mutual aid, creativity, and sociality.

Keywords: *Northern Baikal Evenkis, village of Kholodnaia, socio-economic changes, use of space, resources, mobility*

References:

1. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: "Russkij yazyk" Publishing House, 2000. Vol. 2. И–О. 779 p. (in Russian).
2. Goncharov N. S. Praktiki i strategii osvoeniia prostranstva i resursov polietnichnym naseleniem Severnoi Yakutii (XVII–XXI vv.) [Practices and strategies of the space and resources development by the polyethnic population of the Northern Yakutia]. Thesis for the degree of candidate of Historical sciences. Saint-Petersburg: MAE RAS, 2023. 273 p. (in Russian).

Sirina Anna Anatolievna.

Doctor of science, Main research fellow.

Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Leninsky pr., 32a, Moscow, Russia, 119991.

Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera).

Universitetskaja naberezhnaja, 3, Saint-Petersburg, Russia, 199034.

E-mail: annas@iea.ras.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Большина Т. А. Младший научный сотрудник Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com
- Бурнаков В. А. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.
E-mail: venariy@mail.ru
- Давидюк Т. И. Младший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, 125009.
Аспирант.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Ленинские горы, 1, стр. 51, Филологический факультет, Москва, 119991.
Программист.
Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М. В. Ломоносова.
Ул. Колмогорова, 1, стр. 4, Лаборатория автоматизированных лексикографических систем, 119234.
E-mail: rachekit@yandex.ru
- Дашиева Л. Д. Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
Центр восточных рукописей и ксилографов.
Ул. Сахьяновой, 6., Улан-Удэ, 670047.
E-mail: dashieva2006@yandex.ru
- Драгой О. В. Директор Центра языка и мозга.
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: odragoy@hse.ru
Ведущий научный сотрудник Отдела экспериментальных исследований речи.
Институт языкознания РАН.
Большой Кисловский пер. 1, стр. 1, Москва, 125009.
E-mail: dragoy@iling-ran.ru
- Ермакова Е. Н. Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования.
Тюменский государственный университет.
Ул. Знаменского, 56, Тобольск, 626150.
E-mail: ermakova25@yandex.ru
- Иикульдина Л. К. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.
E-mail: lina86_08@mail.ru
- Кашкин Е. В. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
ул. Волхонка, 18/2, Москва, 119019.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
Ленинские горы, 1, Москва, 119991.
E-mail: egorka1988@gmail.com
- Кошкарёва Н. Б. Доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: koshkar_nb@mail.ru
- Озонава А. А. Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: ajanao@mail.ru

- Плетнева Л. М. *Доктор исторических наук, независимый исследователь.*
Ул. Ф. Мюнниха, 11, кв. 38, Томск, 634059.
E-mail: mila.pletnyova@mail.ru
- Сирина А. А. *Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.*
Институт этнологии и антропологии РАН.
Ленинский пр., 32а, Москва, 119991.
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН.
Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034.
E-mail: annas@iea.ras.ru
- Султангареева Р. А. *Руководитель, доктор филологических наук.*
Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.
E-mail: sasanina@mail.ru
- Хуббитдинова Н. А. *Главный научный сотрудник, доктор филологических наук.*
Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.
E-mail: narkas08@mail.ru
- Тюнтешева Е. В. *Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири.*
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: tyunteshvae@mail.ru
- Файзуллина Г. Ч. *Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры педагогического, психологического и социального образования.*
Тюменский государственный университет.
Ул. Знаменского, 56, Тобольск, 626150.
E-mail: utgus@mail.ru
- Ханова А. Ф. *Научный сотрудник Центра языка и мозга.*
Высшая школа экономики.
Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000.
E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com
Главный научный сотрудник, доктор филологических наук.
Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.
E-mail: narkas08@mail.ru
- Хусаинова Л. М. *Доктор филологических наук, профессор кафедры башкирского языка и литературы факультета башкирской филологии, кандидат исторических наук.*
Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.
E-mail: lejla-kh@yandex.ru
- Шагапова Г. Р. *Доцент кафедры башкирского языка и литературы факультета башкирской филологии, кандидат исторических наук.*
Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.
E-mail: shagapovanfbgu@mail.ru
- Шакурова Ш. Р. *Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.*
Научно-исследовательский центр Башкирского фольклора
Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.
Ул. Октябрьской революции, 10, Уфа, 450008.
E-mail: sh-shaura@mail.ru
- Чертыкова М. Д. *Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.*
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.
Ул. Ленина, 94, Абакан, 655017.
E-mail: chertikova@yandex.ru

AUTHORS

- Bolgina T. A.* Junior Research Fellow at the Center for Language and Brain.
Higher School of Economics.
Krivokolenny pereulok, 3, Moscow, Russia, 101000.
E-mail: tatyana.bolgina@gmail.com
- Burnakov V. A.* Ph.D. in history, senior researcher.
Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.
Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: venariy@mail.ru
- Chertykova M. D.* Doctor of philology, senior research fellow.
Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University.
Lenina ave., 94, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: chertikova@yandex.ru
- Davidyuk T. I.* Junior researcher.
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.
PhD student.
Lomonosov Moscow State University.
Leninskie Gory, GSP-1, 1-51, 1 Humanities Building, Faculty of Philology, Moscow, Russia, 119991.
Programmer.
Research Computing Center of Lomonosov Moscow State University.
Leninskie Gory, 1, bld. 4, Moscow, Russia, 119234.
E-mail: rachekit@yandex.ru
- Dashieva L. D.* Doctor of Art History Science, Leading Research Fellow.
Institution of Science Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts.
Sakhyanovoy Str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.
E-mail: dashieva2006@yandex.ru
- Dragoy O. V.* Director of Center for Language and Brain.
Higher School of Economics.
Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.
E-mail: odragoy@hse.ru
- Leading Researcher at the Department of Experimental Study of Speech.
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Bolshoy Kislovsky lane 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: dragoy@iling-ran.ru
- Ermakova E. N.* Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Philological Education.
Tyumen State University.
Znamensky st., 58, Tobolsk, Russia, 626150.
E-mail: ermakova25@yandex.ru
- Faizullina G. Ch.* Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Pedagogical, Psychological and Social Education.
Tyumen State University.
Znamensky Str., 58, Tobolsk, Russia, 626150.
E-mail: utgus@mail.ru
- Ishkildina L. K.* Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow.
Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.
Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: lina86_08@mail.ru
- Kashkin E. V.* Candidate of philological sciences, senior research fellow.
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
Volkhonka Str., 18/2, Moscow, Russia, 119019.
Lomonosov Moscow State University.
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991.
E-mail: egorka1988@gmail.com

- Khanova A. F. *Research Fellow at the Center for Language and Brain.
Higher School of Economics.
Krivokolenny per., 3, Moscow, Russia, 101000.
E-mail: aigulkhanova1985@gmail.com*
- Koshkareva N. B. *Doctor of Philology, Professor.
Head of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: koshkar_nb@mail.ru*
- Ozonova A. A. *Candidate of Philology.
Leading Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: ajanao@mail.ru*
- Pletneva L. M. ***Doctor of Historical Sciences, independent researcher.**
F. Myunniha Str., 11, ap. 38, Tomsk, Russia, 634059.
E-mail: anzass@mail.ru*
- Sultangareeva R. A. *Director, doctor of philological sciences.
**Research Center of Bashkir Folklore,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.**
October Revolution st., 10, Ufa, Russia, 450008.
Email: sasanina@mail.ru*
- Khubbitdinova N. A. *Chief Researcher, Doctor of Philology.
**Research Center of Bashkir Folklore,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.**
October Revolution Str., 10, Ufa, Russia, 450008.
Email: narkas08@mail.ru*
- Khusainova L. M. *Doctor of Philology, Professor of the Department of Bashkir Language and Literature,
Faculty of Bashkir Philology, Candidate of Historical Sciences.
**Research Center of Bashkir Folklore,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.**
October Revolution Str., 10, Ufa, Russia, 450008.
Email: lejla-kh@yandex.ru*
- Shagapova G. R. *Associate Professor of the Department of Bashkir Language and Literature,
Faculty of Bashkir Philology,
Candidate of Historical Sciences.
**Research Center of Bashkir Folklore,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.**
October Revolution Str., 10, Ufa, Russia, 450008.
Email: shagapovanfbgu@mail.ru*
- Shakurova Sh. R. *Senior researcher at the Resource Center for Digital Design of Extracurricular Activities,
Candidate of Philological Sciences.
**Research Center of Bashkir Folklore,
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla.**
October Revolution Str., 10, Ufa, Russia, 450008.
Email: sh-shaura@mail.ru*
- Sirina A. A. *Doctor of science, Main research fellow.
Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences.
Leninsky pr., 32a, Moscow, Russia, 119991.
Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences (Kunstkamera).
Universitetskaya naberezhnaya, 3, Saint-Petersburg, Russia, 199034.
E-mail: annas@iea.ras.ru*
- Tyuntseva E. V. *Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department
of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: tyuntsevae@mail.ru*

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Список литературы (не менее 15 источников) предполагает полные библиографические сведения обо всех публикациях и источниках, упоминаемых в статье, и не должен содержать работы, на которые нет ссылок в тексте, также желательно преобладание публикаций последних лет издания. В случае если статья на русском языке, в конце приводится список литературы на русском языке. Далее, после краткой аннотации статьи на английском языке приводится **список литературы на английском языке**, где русскоязычные источники сопровождаются **транслитерацией латиницей и переводом автора и названий публикаций на английский язык [v kvadratnyh skobkah]**).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

